

МОСКОВСКИЙ ФИНАНСОВО-ЮРИДИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ МФЮА

ОБЩЕСТВО И ЛИЧНОСТЬ НА ПЕРЕЛОМЕ ЭПОХ

*Материалы
Всероссийской научно-практической конференции
(г. Москва, 25 февраля 2017 г.)*

Москва 2017
МФЮА

УДК 94
ББК 63
О 28

Ответственный редактор:

заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин
Московского финансово-юридического университета МФЮА,
кандидат филологических наук, доцент В.В. Никульцева

О 28 Общество и личность на переломе эпох [Текст] : Материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Москва, 25 февраля 2017 г.) / отв. ред. В.В. Никульцева ; Московский финансово-юридический университет МФЮА. – М. : МФЮА, 2017. – 180 с.

ISBN 978-5-94811-262-6

В 2017 г. российская и мировая общественность отмечают 100-летие русской революции. Историческое значение данного события трудно переоценить. В 1917 г. произошли столь масштабные события, что они изменили не только Россию, но и повлияли на общемировое развитие.

Авторы статей данного сборника, выходящего по итогам Всероссийской научно-практической конференции «Общество и личность на переломе эпох» (Московский финансово-юридический университет МФЮА, 25 февраля 2017 г.) пытаются ответить на вопрос, как проходит общество в целом и отдельный человек в частности через испытания своей эпохи, как меняется при этом страна, люди, отдельная личность. Участники конференции не останавливаются только на событиях 1917 г., рассматривая, как общество и личность преодолевают исторические переломы в различных странах и в различные эпохи.

Для историков, философов, филологов и широкого круга читателей.

УДК 94
ББК 63

ISBN 978-5-94811-262-6

© МФЮА, 2017
© Коллектив авторов, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел 1. Исторические переломы эпох и их отражение в философской мысли прошлого и настоящего

М.Р. Арпентьева

Дискурсы разрушения и создания и исторические переломы в XX в.:
от утопий к антиутопиям.....5

Е.В. Громов

Религиозное сознание русского человека и революция 1917 г.11

В.М. Пухир

Исторический юбилей и нравственный опыт15

Л.А. Сабирова

Ментальность русского интеллигента через призму трех эпох.....20

М.М. Чепель

Общество как органическое целое и этапы его развития.
«Зигзаги истории».....25

Раздел 2. Общество на переломе эпох: история и современность

В.И. Армичева

Либералы и власть в России в 1917 г. и сегодня48

Ш.М. Бобоев

Отсутствие государственной идеологии РФ
как проблема интеграционных процессов стран СНГ54

А.Б. Диков

Столетие революционных событий в России и современность:
историко-политологические аналогии62

Г.Н. Кондратюк

Мирсаид Султан-Галиев и формирование
национальной политики Крымской АССР в 1921 г.74

Л.Н. Семенова

Смысл переломной эпохи начала XX в.....84

А.К. Соловьев

Пенсионная реформа в России и вызовы бюджетного кризиса89

Р.И. Файншмидт

Режим «красных кхмеров» и историческая катастрофа Камбоджи94

Раздел 3. Личность и ее роль на переломе эпох

<i>Г.В. Арапова</i> Переломная эпоха российской науки: Иван Ефимович Орлов.....	99
<i>А.В. Ермаков</i> Леонид Федоров: единство и современность.....	106
<i>Л.Г. Назарова</i> Родина на переломе эпох в понимании лирического героя сборника Н.В. Оболонского «Светится в сумерках родина».....	113
<i>К.В. Рыбка</i> Первые журналистские публикации М.А. Булгакова. Гражданская война с точки зрения писателя.....	118
<i>Т.О. Сотова</i> Патриотические мотивы в послереволюционной лирике М.А. Кузмина.....	121
<i>М.В. Стрелец</i> Архитектор Пражской весны Александр Дубчек	129

Раздел 4. Исторические вызовы России.

Общество и личность в переломные эпохи российской истории

<i>Ю.Н. Зеленская</i> Мобилизация внутренних ресурсов на Кировской железной дороге в годы Великой Отечественной войны	134
<i>Д.Д. Зусманович</i> Золотой стандарт и Великая русская революция.....	139
<i>С.И. Константинов</i> Личности советского и партийного руководства Урала в 1917–1918 гг. без ретуши.....	148
<i>А.Э. Луговских</i> Кое-что о гражданском образовании и просвещении в третьем секторе на переломе эпох.....	155
<i>В.М. Мишин</i> Некоторые аспекты альтернативного моделирования истории на занятиях по истории в СПО	164
<i>Е.В. Пенионжек, А. В. Сыропятова</i> Роль героического поступка сотрудника органов внутренних дел в формировании положительного имиджа полиции России	169
<i>А.Ю. Шаламов</i> Московские жандармы в 1917 г.	174

РАЗДЕЛ 1. ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕРЕЛОМЫ ЭПОХ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ ПРОШЛОГО И НАСТОЯЩЕГО

ДИСКУРСЫ РАЗРУШЕНИЯ И СОЗДАНИЯ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕРЕЛОМЫ В XX В.: ОТ УТОПИЙ К АНТИУТОПИЯМ

Мариям Равильевна Арпентьева

доктор психологических наук, доцент

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

Аннотация. Переживание угрозы утраты привычного мира, традиции и стремление разрушения традиций отражаются в условиях исторических переломов в утопиях и антиутопиях. В магическую эпоху повсеместного варварства, эпоху цивилизационных разломов, «оттолкнувшись» от идей социального равенства, человечности, совершенства, гуманности общество пришло к идее социального использования, потребления, неразрывно связанного с экзистенциальной опустошенностью и нереализованностью, тревогой разрушения / смерти и потери / лишения, которую люди пытаются осмыслить и / или преодолеть, создавая все новые утопии и антиутопии.

Ключевые слова: утопия, протест, усталость, эсхатология, потребление.

Переживание угрозы утраты привычного мира, традиции и стремление разрушения традиций отражаются в условиях исторических переломов в утопиях и антиутопиях. Утопии и антиутопии отражают поиск способов выхода из кризиса, преодоления разногласий. Феномен «несогласности» занимает в развитии общества очень важное место: «несогласность» выливается в различные формы, варьируя от умеренной оппозиционности и конформизма до «пустого» вольнодумства, а также – до революционного радикализма. Под несогласием понимается проявляющаяся в дискурсе или практике

модель, предполагающая наличие иерархических отношений между субъектом несогласия (вольномудец и оппозиционер или бунтовщик-революционер) и находящимся над ним или напротив него объектом (светский или церковный властитель, аппарат власти, общество и семья и пр.), и несовпадение их (зачастую конструируемых или «инспирируемых» – в псевдо-оппозиции) представлений о должном устройстве действительности.

В моменты социальных кризисов и коллапсов больших и малых социальных систем происходит, как правило, активный рост оппозиционности: оппозиционность становится настолько повседневной, что «оппозицией» выступает уже согласие, смирение и принятие мира. Оппозиция в государстве и обществе реализуется через системы социального партнерства и социального противостояния. Социальное партнерство, с его идеями сочувствия и ассимиляции, помогает перевести «оппозицию» в лояльность; социальное противостояние использует идеи и технологии дискредитации. Государство в отношениях с «оппозиционными» членами и сообществами может занимать самые разные позиции: от терпимости (толерантности) до открытого или скрытого преследования «психически больных, преступников и инакомыслящих». Трансферы оппозиционности как стратегии и технологии проникновения идей оппозиции в общество и государство различны. Удачные опыты связаны с тем, насколько идеология общества, государства и конкретных граждан, к которым направлены «санкции» или «благодейния», совпадают или могут быть сближены в процессе трансферов: совместной, диалогической деятельности.

Один из ярких подходов к оппозиционному осмыслению происходящего – создание утопических или антиутопических (эсхатологических или етопических) сценариев развития общества. Этот подход по своей природе может быть как практическим, актуально действенным, так и (чаще) философским, футуристическим. Многие из моделей, особенно футуристического толка, располагаются в пространстве «мистицизм» – «рационализм». Последний, однако, чаще всего отражает «псевдонесогласность»: выступает не более чем способом пропаганды имеющихся в обществе способов отношений и их усиления: пример – мальтузианская модель ножниц, скрыто декларирующая необходимость сокращения населения Земли (то есть его насильственного уничтожения). Первый часто потому

и относится к «мистическим», что не выгоден ни актуальной, ни ангажированной оппозиционной моделям отношений.

Современность, постмодерн определяется как эпоха нигилизма, магического сознания, эпоха, наступившая после «смерти Бога». Уникальная и единственная перспектива, перспектива мира, заданная Богом, в сознании человечества распалась, став лишь фикцией, и вместе с нею распалась иллюзия единства бытия, а затем – и само бытие. Открывшийся хаос, однако, можно толковать лишь как иной вид перспективности бытия, ждущий очередной обладающей волей к власти интерпретации. Сосуществование множества перспектив – реальных и потенциальных точек зрения – определяется тем, насколько точно воля к власти каждого видящего направлена на мир и объекты, с какой силой она себя в них утверждает, пытается их завоевать. Даже вещь – лишь точка зрения на мир. Сражение идеологий вырастает в сражение людей. В магическую эпоху повсеместного варварства, «оттолкнувшись» от идей социального равенства, человечности, совершенства, гуманности общество пришло к идее социального использования, потребления. В список потребляемого и передаваемого в процессе трансмиссии включены само общество, его члены, в том числе человек и жизнь в целом [1; 3; 5; 6; 7; 8]. Естественно, что такое положение не удовлетворяет многих, рождая необходимость изменений: снаружи и (реже) внутри оппозиционера.

Дискурс оппозиции – разрушения и созидания – реализуется, в своих развитых формах, в разработке сценариев утопий и антиутопий (эсхатологических, евтопических и оптимистических сценариев развития общества и государства). Дискурс разрушения реализовал себя в антиутопиях и описаниях «конца мира», дискурс созидания – в утопиях и евтопиях «возрождения», «вознесения». Наиболее активно создание утопий и антиутопий происходило в зарубежном и отечественном модернизме: создание социальных утопий разного уровня и типа связано с «эсхатологическим беспокойством» о катастрофичности бытия и истории человечества в целом, с критикой позитивистской картины мира, отрицающей духовные смыслы бытия и отрицания прогрессизма как согласия на развитие социума, не ведущее к возникновению нового качества его бытия.

Переживания трансформации социального бытия и социальных катаклизмов, критика современных путей развития человечества

и человека, истощенности прежних идеалов жизни и прежних целей социального бытия, кризис гуманистических ценностей стали основой возникновения негативных утопий и псевдоутопий: особенно – Апокалипсиса как Божественного суда над заблудшим «не туда» миром. Эсхатологизм выступал при этом то как «умеренный» историко-философский негативизм, то как радикальный апокалиптизм, то как попытки осмыслить задачи трансформации как становления новой формы отношения человека и Бога: богочеловеческого делания, сотрудничества Бога и человека [1; 6; 8]. В последнем смысле «жало» утопии притуплялось, она становилась вариантом «благой эсхатологии», ведущей не столько к катастрофе, сколько – через катастрофу и страдание индивидов и масс, коллапс сообществ – к преобразению, спасению как «Царству Божию на земле», снятию «рубшица» «ветхого человека», активировав внимание на проблемы апокатастасиса и возможности превращения государства в церковь, проблематике софийности бытия, Богосозданного мира. Однако и «благая» эсхатология не избежала описания периодов «катастрофических взрывов», «пришествия Антихриста» или полного растворения обретшего «ветхость» бытия [3; 5].

В культуре авангарда, «захватившей» в себя идеи, названные далее идеями постмодерна, утопии и эсхатологические мотивы обретают иное содержание: Бог ушел из сознания людей, единая ценностно-смысловая канва жизни распалась: Апокалипсис наступил и слуги Антихриста строят его царство на Земле. Футуристические прозрения авангарда в соединении с попытками поиска роли человека в истории приводили к созданию проектов «антиутопий», декларировавших тотальное разрушение основ прежнего мира, общества и культуры, разрушение культурной трансмиссии как разрыв с традицией, изменение форм бытия, побуждавших мыслителей рассматривать его уже не как историю бытия, но как историю эсхатологии, игнорируя «здесь и сейчас», реальность жизни, так резко обесценивающуюся перед лицом активного самоуничтожения цивилизации. Пафос футуризма и конструктивизма сосредоточился на критике сначала индустриальной, а затем и информационной цивилизации, а также на поиске духовно-нравственных опор существования в эпоху наступающего Апокалипсиса: ответственности человека за себя и все бытие [2; 4; 9]. «Утопия» как «евтопия», вариант «эсхатологии спасения», развивалась в контексте рели-

гиозно-философской мысли эпохи модернизма. Она же сохраняет себя и в постмодерне с той разницей, что созерцание наступления, страданий человека и человечества мыслителями постмодерна воспринимается уже менее утопично и более – «эсхатологично»: евтопический сценарий оказывается типичным далеко не для всех. Кто-то выбирает страдание и дальнейшее падение: отказ от нравственного выбора и попытка сохранить приверженность «дигитальной» нравственности симулякрам. Кто-то продолжает «работу против Бога» в надежде снискать как можно больше земных благ, отказываясь от нравственности как таковой ради идеологии «экономического гангстера» и сиюминутного успеха, защищающего и творящего для защиты симулякры бытия. Немногие – ищут основы воссоздания нравственных основ, новой церкви [1].

В социально-философской мысли зарубежья всегда популярна была критика утопий «социалистического рая», переживание исчерпанности истории, «заброшенности» и ненужности, тотального одиночества человека в обществе, которые в конце XX в., в момент наступления Апокалипсиса (сбывшихся всевдоутопий модерна), перешли в новое качество. Варианты идеального строя жизни – от «нового средневековья» и до всеобщего воскрешения, акцентирующих роль духовно-нравственного развития, «возвращения к Богу», из «преисподней», или, напротив, реорганизации государства и общества (от мондиализации до меритократии и «умных толп»), так или иначе «апробируются» сообществами. Однако жизнь «вне Бога», в том числе на обломках разрушенной «империи социализма», оказывается жизнью против Него, отказ от единой нравственной перспективы и попытки найти ей замену в «лоскутном сознании» постмодерна, его утопий и антиутопий, быстро сворачивается. Постмодерн, в отличие от модерна, констатирует: то, что полагалось (анти)утопией, – факт. Негативные прогнозы сбываются, и один из последних оплотов нравственного – «социалистическое», рухнувшее постольку, поскольку ограничило нравственность, удалив из повседневности Бога, – активно пересматривается в попытках выяснить: есть ли надежда на возврат или трансформацию, не ведущую к полному самоуничтожению общества [2; 8; 17].

Глобальными утопиями постмодерна стали утопии «меритократии» и «умной толпы», а также форсайта, к ним же примыкают утопии «глобализма», «мондиализма», «социального государства»,

с которыми связывают возможность избежать социальных, в том числе – нравственных конфликтов. Антиутопии постмодерна прямо евтопичны: будущее и возможности его реорганизации оцениваются крайне негативно.

Библиографический список

1. *Андреев Д.* Роза мира. М., 1991.
2. *Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляция. Тула, 2013.
3. *Желтикова И.В., Гусев Д.В.* Ожидание будущего: утопия, эсхатология, танатология. Орел, 2011.
4. *Ильин И.П.* Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М., 1996.
5. *Оруэлл Дж.* «1984» и эссе разных лет. М., 1989.
6. Постмодерн: новая магическая эпоха: сборник статей / под ред Л.Г. Ионина. Харьков, 2002.
7. *Шелудченко Д.А.* Утопия и эсхатология: два типа философского предвидения // Известия Томского политехнического университета. 2013. Т. 322. № 6. Экономика. Философия, социология и культурология. История.
8. *Шестаков В.П.* Эсхатология и утопия. М., 1995.
9. *Шульц Э.Э.* Технологии бунта (Технологии управления радикальными формами социального протеста в политическом контексте). М., 2014.

РЕЛИГИОЗНОЕ СОЗНАНИЕ РУССКОГО ЧЕЛОВЕКА И РЕВОЛЮЦИЯ 1917 Г.

Егор Валерьевич Громов

кандидат философских наук, доцент

Елабужский институт Казанского федерального университета

Аннотация. Статья посвящена анализу процессов, характерных для православного религиозного сознания в России эпохи революционных преобразований 1920-х гг. Автор рассматривает основные тенденции развития религиозного сознания, сложившиеся в период крушения Российской Империи и сохраняющие актуальность до настоящего времени.

Ключевые слова: православие, церковь, религия, религиозное сознание.

Начало XX столетия стало эпохой не только глубоких социальных изменений в российском обществе, но и периодом величайшего кризиса в религиозном сознании православных россиян со времени крещения Руси. Именно тогда сложились те тенденции развития отечественной религиозности, которые продолжают и в наши дни сказываться на динамике социальных процессов в нашей стране. Возрождение патриаршества, начало гонений на Церковь, целая серия расколов и пресечение православной религиозно-философской традиции в пределах России – лишь наиболее значимые из факторов, с 1917 г. и по сей день определяющих состояние религиозного сознания русского человека. Без исследования этих факторов невозможно понимание современного православного религиозного мировоззрения.

К началу XX столетия религиозное сознание Русской Православной церкви находилось под влиянием почти двухсотлетней традиции государственного контроля, осуществляемого через специализированное имперское учреждение – Святейший Синод, возглавляемый обер-прокурором, своего рода «министром над Церковью», как охарактеризовал суть этой должности А.В. Карташев [2, с. 371]. С самого начала петровских реформ этот казенный диктат тяжело переживался в сознании как церковной иерархии, так и православной интеллигенции. Внешним его атрибутом стала присяга духовенства, формула которой оставалась неизменной со времен Петра Великого, и которая предписывала священнослужителям, вопреки догматам веры, признавать монарха в качестве «крайнего судии». В итоге,

в массовом религиозном сознании служение Церкви стало рассматриваться в качестве одной из разновидностей «царевой службы», что в немалой степени способствовало расколу русского общества на рубеже XIX–XX столетий. Большая часть русских людей, оставшихся под непосредственным влиянием православного вероучения, оказалась представлена низшими сословиями государства, то есть наименее просвещенной частью общества. Так, для большинства православных России оказалась недоступна богатая православная религиозная культура XIX в. в ее высших проявлениях. Максимализм русского человека ищет другие пути выхода из противоречия между идеалом и действительностью: он либо еще крепче держится за церковный обряд, или соскальзывает в сектантство. В образованных же слоях российского общества этническая и религиозная самоидентификация разошлись: интеллигенция сохраняет, согласно мысли Струве, «...черты религиозности, иногда приближающиеся даже к христианской» [1], однако в подавляющем большинстве представителей русской интеллигенции эти христианские добродетели, оставаясь без духовного руководства живой православной веры, по выражению Г.К. Честертонна «сходят с ума». Отторжение, вызываемое навязываемой официальной идеологией «Православия, самодержавия и народности», стало одним из важнейших источников революционного духа семнадцатого года.

Революционные события 1905–1917 гг. сыграли неоднозначную роль в развитии религиозного сознания русского человека. Исчез синодальный диктат, два века тяготевший над совестью духовенства. Восстановление канонического церковного устройства и интронизация первого после 1700 г. Патриарха стали предвестниками тяжелейших испытаний. Православие на долгие десятилетия оказалось в конфликте с государством. Гонения, начавшиеся с момента Октябрьского переворота и продолжавшиеся фактически до последних лет существования Советского Союза, составляли основное, но отнюдь не единственное содержание этого конфликта. Свою роль в расцерковлении жизни русского человека сыграли и такие факты, как раскол «Живой Церкви» и атеистическая пропаганда, но наибольшее значение имел, пожалуй, сам строй жизни социалистического государства, насквозь пронизанный идеологией.

Господствующая идеологическая обстановка наделяет новым содержанием религиозное сознание русского человека. Прежде всего,

разделение зарубежной и российской Церковью ipso facto повлекло за собой раскол религиозного сознания. Огромное количество православных русских были вырваны из привычного этнорелигиозного пространства и оказались в условиях инославной и инорелигиозной среды. С одной стороны, это привело к возрастанию роли православного вероисповедания в этнической самоидентификации русских эмигрантов, с другой – необходимость вхождения в новую культурную среду означала активное включение Зарубежной церкви в экуменический процесс, соперничество духовного влияния Православия с традиционными для Запада и маргинальными формами религиозности. Возрастание роли православного самосознания в эмиграции стало закономерным результатом рассеяния русских людей как среди представителей других христианских конфессий (Европа, США, Канада, Латинская Америка), так и в нехристианской среде (Маньчжурия). Православие вновь становится одним из важнейших критериев этнической самоидентификации. При этом важным фактором воздействия православной культуры является разрыв с Родиной, выразившийся, в частности, в церковной жизни. Создание автономной иерархии Зарубежной церкви, сразу же оказавшейся вне канонического общения с Московской патриархией, означало невозможность рассчитывать на поддержку последней в духовном окормлении паствы. Выживание Зарубежной Церкви, а тем более ее миссионерские успехи, было бы невозможно без активного участия самого «церковного народа». Не случайно в эмигрантской философии активизируется осмысление церковно-православного начала русского человека. Мимо этой проблемы не может пройти даже такая школа, как евразийство, несмотря на предпочтение, отдаваемое им географическому и политическому факторам. Другие направления философии русской эмиграции уделяют внимание влиянию православного фактора на политические идеалы русского человека, его отношение к другим народам и религиозным традициям и т.д.

В то же самое время в самой России православное религиозное сознание развивается в условиях неравной идейной борьбы с агрессивной атеистической идеологией государства. В этой борьбе Церковь была поставлена в заведомо проигрышные условия, поскольку любой прямой протест против натиска государства означал бы разрушение даже того хрупкого положения, которое было оставлено для религии в советском обществе. Если соперничество Православия

с католичеством и протестантизмом носит характер взаимодействия между различными конфессиями христианства, то в отношениях между ним и советским государством очень рано проявляются черты конфликта между христианством и язычеством. Этому способствовало, прежде всего, религиозное содержание идеологии, скрытое под маской официального атеизма. Учение Маркса и Энгельса, философское по существу, в сочетании с религиозно-эсхатологическим мировоззрением русского человека переродилось в своеобразный культ «дела партии», претендующий на место в русском менталитете, ранее занимаемое православной верой. Внешне это проявилось в многочисленных фактах советской сакральной практики: в культе мощей Ленина, помещенных в здании, выполняющем, по существу, храмовые функции; в выработке особой партийной обрядности; в сакрализации мест, связанных с революционной историей и т.д. В этом свете представляются вполне закономерными такие явления, как культ личности или догматизация учения основоположников марксизма-ленинизма. Таким образом, Церковь в России оказалась в условиях, аналогичных тем, в которых находилось христианство до 318 г. – в языческом государстве, требующем соблюдения официального культа и строго карающего преступления против него. Русский человек приучается быть православным в храме и советским – вне храма, поневоле соглашаясь на десакрализацию своей общественной жизни.

Итак, революция 1917 г. оказала двойственное влияние на православное религиозное сознание в России: с одной стороны, она сделала возможным разрешение духовного конфликта, терзавшего Церковь два столетия, с другой – она же стала источником глубочайшего, не разрешившегося до сих пор кризиса религиозности за всю историю России.

Библиографический список

1. *Булгаков С.Н.* Героизм и подвижничество (Из размышлений о религиозной природе русской интеллигенции) // Библиотека «Вехи». Русская религиозно-философская и художественная литература. URL: <http://www.vehi.net/vehi/bulgakov.html> (дата обращения: 12.02.2017).
2. *Карташев А.В.* Собрание сочинений: в 2 т. Т. 1. Очерки по истории русской церкви. М., 1992.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЮБИЛЕЙ И НРАВСТВЕННЫЙ ОПЫТ

Валентина Михайловна Пухир

кандидат философских наук, доцент

*Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина
(г. Москва)*

Аннотация. В статье анализируются проблемы нравственного опыта, связанные с восприятием и оценкой прошлого.

Ключевые слова: нравственный опыт; ценности; оценка прошлого.

Слово «опыт» обычно ассоциируется с действиями и событиями, происходящими в научных лабораториях. Опыт чаще всего определяется как совокупность знаний, навыков, умений, вынесенных из жизни, практической деятельности. Таким образом, опыт – это деятельность, предметно определенная, эмпирически фиксируемая, поддающаяся количественному и качественному контролю. В самом деле, слово «опыт» в живом языке довольно часто употребляется как синоним слова «практика». Исходя из такого представления об опыте, выражение «нравственный опыт» может ассоциироваться с такого рода ориентациями и действиями людей, которые проявляются в конкретных отношениях товарищества, дружбы и любви, семьи и брака, солидарности в трудовом коллективе, привязанности к родным местам и обязанностей перед отчизной.

Однако в духовной сфере, а именно к ней в большинстве своих проявлений относится нравственность, сущность опыта несколько иная. Это – опыт духовной жизни, внутренних противоречий, ценностных выборов. Нравственным опытом можно назвать осуществляемые человеком нравственно-значимые действия, которые сопровождаются или мотивируются нравственно-психологическими переживаниями. Результаты этих действий глубоко осмысливаются человеком или социальной группой. Лишь на уровне этической рефлексии моральный выбор сводится к выбору между добром и злом. Практически это – выбор из разного рода ценностей, которыми являются: приятное, веселое, полезное, нужное, подобающее, честное, обязательное, запретное и т.д. Эти ценности находятся в переплетении, взаимоисключении и компромиссах. Среди этих ценностей особо следует выделить представления отдельных личностей или

социальных групп о целесообразности различных исторических событий, в том числе и юбилейных дат. Не всегда представления об этих ценностях непосредственно соотносятся с добром и злом, однако в той или иной трактовке отдельными людьми можно выявить определенное понимание добра и зла, целесообразности или ненужности каких-либо исторических событий. И, стало быть, понимание того, что каждый из нас должен делать, чтобы адекватно воспринимать исторические события и идти в ногу со временем.

Именно на обретаемом и передаваемом опыте основывается культура. Совершенно ясно, что опыт (в том числе и нравственный) бывает положительный и отрицательный, приобретенный стихийно и намеренно организованный, обыденный и научный, полезный и бесполезный. Опыт также может быть и болезненным, неумело организованным, неверно понятым или не точно переданным. Есть опыт в добрых и злых делах, опыт фактический и эзотерический, опыт верхов и низов, начальства и подчиненных, отдельных индивидов, группы, социума. Таким образом, опыт – это жизненный ресурс, который производит субъект.

Но когда речь идет о нравственном опыте, то этот опыт должен быть всегда нравственно-положительным. Человек должен уметь накапливать опыт свободного, осмысленного, честного, отзывчивого, справедливого поведения. Нравственный опыт – это глубокое понимание закономерностей межчеловеческих отношений, предполагающих диалектическое сочетание устойчивости, выдержки и гибкости, принципиальности и толерантности, способность сохранять идентичность и постоянно, в соответствии с духом времени, обновляться. Другими словами, насколько многомерны нравственные ракурсы бытия человека, настолько же многомерным должен быть и нравственный опыт. Он должен быть достаточным и одновременно – посильным. В некоторых ситуациях люди, рассуждая об историческом прошлом, бездумно цитируют Ф. Ницше: «Что не убивает меня, то делает меня сильнее» [4, с. 558]. Обращаю внимание: именно б е з д у м н о – ведь различного рода испытания могут если не убить, то лишит здоровья, сделать человека физическим или нравственным инвалидом. Приведу пример. В парижском Пантеоне, где покоится прах Наполеона и находится усыпальница Жозефины, замечательно соседствуют скульптурные композиции, символизирующие и великую Францию, и Свободу, и Революцию,

и Реставрацию – в общем, полное социальное примирение. Но вот на какую особенность хотелось бы обратить внимание: по контрасту с многочисленными парижскими памятниками успехам и героизму Наполеона, проявленному в так называемой Великой войне (первой мировой в представлении французов), письменные и архитектурные упоминания о событиях второй мировой войны совершенно отсутствуют. Парижане себя щадят. Хотя ведь могли бы устраивать ежегодное шествие покаяния по поводу бесславной капитулянтской сдачи своей страны германским фашистам.

Приведу другой, противоположный пример. Не так давно, летом 2013 г., моим коллегам довелось попасть в Екатеринбург и принять участие в юбилейных мероприятиях, посвященных так называемым Царским дням, ежегодно проводимых там в память о расстреле царской семьи. Они были участниками двух крестных ходов – днем по городу, и ночью – из города к Ганиной Яме, к той шахте, куда останки убиенных царя Николая и его семьи были сброшены, чтобы стереть память о последней правящей семье Романовых в России. Перед началом ночного шествия во время торжественно организованной церковной службы при помощи громкоговорителей постоянно доносились призывы к покаянию. Призывы – к кому направлены?! У моих коллег (как, впрочем, и почти у всех участников крестного хода) возникли чувства острого сострадания в адрес царя, его жены, дочерей, царевича Алексея. Было ощущение великой душевной боли по поводу рек крови, пролитых нашими соотечественниками, оказавшимися участниками исторического революционного переворота 1917 г. Было чувство смятения, неуверенности и даже страха по отношению к слепым надличностным силам, которые вершили суд истории. Но также была и светлая надежда, что мы все-таки извлекли кое-какие уроки из истории и подобные события не будут повторяться (хочу дополнить, что в адрес действующих лиц Октябрьских событий 1917 г. я лично испытываю целую палитру нравственно-психологических переживаний. Думаю, что это нормально. – В.П.). Но чувства вины мои коллеги не испытали. Не считите за проявление гордыни, но мы, сегодняшние представители преподавательской интеллигенции, и посейчас не испытываем в себе чувства вины по отношению к драматическим событиям столетней давности. Более того: я и мои коллеги принципиально убеждены в том, что есть такие ситуации, за которые мы должны отвечать

головой. Но вообще взваливать на последующие поколения груз ответственности за деяния предыдущих поколений нужно как можно более осторожно.

Как-то естественно возник очень непростой вопрос, требующий специального культурологического и нравственно-психологического изучения: какой из трех вариантов отношения к историческому прошлому лучше? На протяжении долгих лет посыпать свои головы пеплом? Вытеснять неудобные, позорные исторические сюжеты из народной памяти? Регулярно, ежегодно подпитывать ненависть к тогдашним врагам? В каждом этносе, государстве, политических партиях и общественных движениях вырабатываются свои собственные механизмы накопления и передачи культурного опыта, в том числе и нравственного. Такая же неповторимость, особенность наблюдается и в механизмах формирования нравственного опыта отдельных людей. Но сама жизнь учит нас выявлять сходства, подобию, закономерности в области морали (подобно тому, как наука учит выявлять эти закономерности в сфере физики, химии, биологии и т.д.).

При всем многообразии моральных систем, существуют общечеловеческие нравственные векторы должного поведения: уважай жизнь и сохраняй здоровье (свое и других), не посягай на чужую собственность, трудись, будь правдив, береги семью, уважай чужую веру, люби свою Родину и т.п. Нравственный опыт любого человека формируется в рамках этих исторически складывающихся векторов. И, естественно, благополучие социума, его жизнеспособность, успехи зависят от качества опыта, который позволяет решать множество возникающих проблем, в том числе и нравственных.

В «Евангелии от Матфея» говорится: «Всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит» [Мф. 12:25], «Коли пойдет вкось да врозь, так и дело все брось» (русская пословица). То есть, если культура неспособна постоянно демонстрировать значение гармонии, согласия в социуме, нравственной справедливости, то она погибнет. Не хотелось бы, чтобы в мировосприятии наших потомков бездумно, без социальных и нравственных оценок примирились исторические события и персоны – хан Батый, князь Владимир, Александр Невский, Наполеон, Кутузов, Ленин, Сталин, Гитлер, Чикатило, Березовский. Историческая память призвана запечатлевать не только факты, но и их оценки. Бесспорно, что со временем эти оценки должны становиться все более объективными, точными,

взвешенными. Бурные впечатления от минувших событий должны улеться, но не исчезнуть. Культура и историческое время должны научить нас обходиться, с одной стороны, без свирепых проклятий, с другой – без чрезмерных сентиментальностей. Необходимо во всем находить «золотую середину», как учил нас создатель этики Аристотель. Умение изучать и оценивать свое прошлое и будущее – чрезвычайно важная черта цивилизованного человека. А умение делать это гуманно, достойно, рационально и уважительно – это признак культуры. Культурные люди способны испытывать к прошлому благодарность, уважение, гордость. И если какие-то наши предки (а предков не выбирают!) совершили что-то, согласно нашим представлениям, неподобающее, вполне в наших силах сделать так, чтобы оно не осталось в тени, чтобы не было забыто. Нужно трезво, разумно, достойно творить историю, становясь более гуманными, порядочными, ответственными, чем те люди, которые жили прежде нас и говорили с нами на одном языке. В нашей воле сохранять здоровую нравственную память и нравственный опыт или, наоборот, их неразвитость и однобокость. В нашей власти не быть ни чрезмерно обидчивыми, ни беспамятными, ни легкомысленными. Мы, нынешние, в состоянии переосмысливать самые мрачные страницы как нашей личной жизни, так и жизни социума, становясь более мудрыми, действуя все более дальновидно и честно по отношению к себе, своей семье и миру.

Разумеется, историю нужно воспринимать не только в чернотелых красках, но стараться увидеть в ней все возможные плюсы и минусы, а главное – пытаться извлечь из этих плюсов и минусов уроки, приобрести для себя нравственный опыт. Исторические юбилеи в этом смысле – лишь удобный повод, напоминание.

Библиографический список

1. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. М., 1990.
2. Евангелие от Матфея.
3. *Лекторский В.А.* Опыт // Новая философская энциклопедия. Т. 3. М., 2010.
4. *Ницше Ф.* Сумерки идолов, или как философствуют молотом // Он же. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М., 1990.
5. *Этика: энциклопедический словарь.* М., 2001.

МЕНТАЛЬНОСТЬ РУССКОГО ИНТЕЛЛИГЕНТА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ТРЕХ ЭПОХ

Лиля Андреевна Сабирова

кандидат философских наук

Елабужский институт Казанского федерального университета

Аннотация. В статье представлено краткое сравнение основных черт менталитета русского интеллигента в российском имперском обществе, советском обществе и постсоветском российском обществе.

Ключевые слова: русский человек, ментальность, русский интеллигент, советский человек, Родина, российское общество.

Исторические события 1917 г. оказали важное влияние не только на сферу экономики и политики страны, но и привели к серьезным изменениям в ментальной сфере русского человека. В русской национальной среде возникла острая необходимость в формировании русской ментальности нового типа после Октябрьской революции 1917 г. Новые экономические условия призывали к формированию нового русского человека. Русский человек имперского периода (РЧ) постепенно превращался в русского советского человека (РСЧ). Осмелимся сказать, что РСЧ – это ментальное логическое продолжение русского имперского человека, потому что последнему типу РЧ присущи те же качества, что и русскому советскому человеку. РСЧ и русский имперский человек – это все подтипы РЧ. Ментальность русского имперского человека являлась умонстроением РЧ как субъекта российского государства с момента появления имперской России и до ее распада в 1917 г.

Русская ментальность имперского российского общества и советского изменялась под влиянием интеллигенции, пролетариата и буржуазии. Русский человек-интеллигент (РЧИ) составлял важнейший компонент российского общества. Основными ментальными свойствами РЧИ были приверженность к аскетичному образу жизни, отвращение к духовному мещанству, сострадание нуждающимся, ощущение своей оторванности от народа, стремление служить народу, приверженность к социально-утопическим учениям. Молодой социальный класс русской интеллигенции (РИЯ) был далек от нужд простого народа, его отличала маргинализованность, стремление служить социальному идеалу. Русская интеллигенция получала

европейское образование, что усиливало разрыв между ней и простым русским народом. Если Россия – это Восток или даже Евразия, то западноевропейский характер ее образованности позволяет легко оторвать интеллигенцию от народа, оправдать отрицательное отношение к ней господствовавшего в России слоя полуинтеллигенции, полуобразованцев и образованцев [3].

Несмотря на оторванность от простого русского народа, РИЯ не имела чувства превосходства над простым человеком, а наоборот задумывалась над будущим русского народа в частности и России в целом.

РИЯ свободолюбива, стремление принести простому народу свободу и высшую истину при сложившихся социально-экономических условиях вылилось в создание идеологической почвы для создания активной политической оппозиции, революционной и социальной борьбы в начале XX в., а впоследствии в революцию, гражданскую войну и создание тоталитарного государства. Именно поэтому РИЯ подвергалась политическим гонениям вначале в царской России, а потом и в Советском Союзе. Черта, определявшая характер РИЯ, – отвращение к деспотизму – воспитала в ней стойкость и чувство собственного достоинства [3].

РИЯ ментально свободна от государственной идеологии, но между тем ее пронизывает чувство патриотизма, любви и уважения к своему народу.

РИЯ сформировалась к 1860-м гг. из образованного и культурного дворянства. От западного интеллигента РЧИ отличался социальной вовлеченностью и идейностью.

РЧИ – носитель рационального сознания, которому было присуще критическое отношение к недостаткам существующего строя. Важнейшим ментальным свойством РЧИ была его приверженность к служению идеалу, который он сам себе создал.

РЧИ склонен к глубокому самоанализу, иногда доведенному до крайности. РИЯ имела склонность к открытому самообвинению. Одним из проявлений такого самоанализа является большое внимание к характеру русского народа, к которому большая часть интеллигенции относилась себя.

Русская философская мысль обязана своим появлением РЧИ.

Позитивный образ русской ментальности был создан философами, которые представляли славянофильское направление в рос-

сийской философии, испытывали к РЧ определенную симпатию, рассматривали ее как особый тип ментальности, отличающийся от ментальности человека западноевропейской и восточноазиатской цивилизаций. Славянофилы создали концепцию о соборности РЧ, согласно которой основными свойствами русского характера были глубокая религиозность и исповедание православия, широта души, святость, душевность, открытость.

Негативный образ русской ментальности был создан русскими философами, которые представляли западничество направление в российской философии, испытывали к русскому народу и РЧ антипатию, рассматривали их как представителей азиатско-византийской, а не западноевропейской культуры, видели в них естественного конкурента во влиянии европейской цивилизации на весь остальной мир.

В начале XX в. евразийство представляло характер РЧ как синтез европейского и азиатского. Евразийцы предложили из национального русского сделать сверхнацию – евразийцев. Центром Евразии является Россия, которая должна стать идеологическим сосредоточием всего мира [1].

Три противоречащих друг другу великих философских течения в русской интеллигентской мысли – показатель не только способности к творчеству, к свободомыслию, а также показатель наличия глубокого раскола, двойственности самой РИЯ. Эта двойственность развивалась на протяжении всего имперского периода российской истории. С одной стороны, русское дворянство, русские интеллектуалы стремились служить России. С другой стороны, многие из них презирали Россию, и пример для подражания видели в западе. Расцвет данной противоречивости пришелся на период правления Екатерины Второй. Усиливались раскол в самой интеллигенции РЧ и ее оторванность от простого народа. Этот пагубный процесс остановила война с французами 1812 г. Великая победа отрезвила многих увлеченных масонством РЧИ, помогла понять их заблуждения, дала почувствовать значимость личности РЧ и гордость к Родине.

Однако раздвоенность в характере РИЯ не исчезла, впоследствии она проявилась в декабристском восстании, в распространении социализма, идей о всеобщем благе и справедливости, в развитии революционного движения в России, в появлении нового типа человека в истории России – революционера-террориста. К кон-

цу XIX столетия большинство интеллигенции в России являлось откровенным противником верховной власти. РИЯ того периода К.Н. Леонтьев называл слишком либеральной и беспринципной. РИЯ лишилась национальности, растеряла способность к творчеству и самобытность [2].

В эпоху СССР большинство РЧИ уехали за рубеж, часть попала под репрессии, а тому, кто остался жить в новой стране, нужно было социализироваться в новых условиях. Разрыв между интеллигентом и простым человеком в СССР уменьшился во многом благодаря политике властей и «подвижничеству» самой советской интеллигенции. В результате индустриализации теперь уже русский советский интеллигент был ориентирован на созидательный труд и проявил энтузиазм в развитии промышленности страны. РИЯ активно поддерживала страну в борьбе против фашистских захватчиков. В то же время РЧИ во многом ощущал себя винтиком великой социалистической машины. Эти тенденции привели к усилению в РЧИ государственно-патерналистской ориентации, при которой человек чувствовал себя обязанным государству и ожидал от государства обратной «отеческой» заботы.

Пережив в течение нескольких десятилетий напор идеологизации населения, ментальность РЧИ, как и в целом менталитет русского народа, оказалась не готовой к резким экономическим, социальным и духовным переменам. В своем большинстве русская советская интеллигенция не смогла быстро перестроиться на капиталистический лад, что привело к развитию аномии, к расколу в интеллигентской среде. Духовный вакуум стал заполняться ново-появившимися «образованцами» [5]. Образованцы – это социальный вид людей, получивших высшее образование, но лишенных высокодуховной культуры и нравственности. Подлинные свойства РИЯ оказались утерянными. Проявилась двойственность ментальности РЧИ. С одной стороны, он склонен к маргинализации, с другой стороны, он начал приспосабливаться к рыночным отношениям, у РЧИ стала проявляться коммерческая жилка. Зачастую он чувствует себя подавленным олигархической и бюрократической «элитой».

В последние десятилетия у РЧИ наметились положительные сдвиги: он стал проявлять интерес к политической жизни общества, принимать в ней активное участие, в нем проснулось исконно рус-

ское и патриотичное. РЧИ стал ощущать себя человеком, склонным к соборности [4], у него появился интерес к православию, более трепетное чувство гордости за родной край и Родину.

Библиографический список

1. *Ильин А.Г.* Своеобразие проявления сущности российского человека в евразийском пространстве // Вестник Башкирского Университета. 2008. № 3. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/svoeobrazie-proyavleniya-suschnosti-rossiyskogo-cheloveka-v-evraziyskom-prostranstve> (дата обращения: 14.02. 2017).
2. *Катаносов В.Ю.* Константин Леонтьев о либерализме и либеральной науке как форме религиозного сознания. URL: <http://tower-libertas.ru/world/konstantin-leontev-o-liberalizme-i-liberalnoy-nauke-kak-forme-religioznogo-soznaniya-2/> (дата обращения: 14.02. 2017).
3. *Лихачев Д.С.* О русской интеллигенции. URL: <http://lib.ru/POLITOLOG/lihachev.txt> (дата обращения: 14.02. 2017).
4. *Сабирова Л.А.* Соборность и корпоративность русского человека в мультикультурном российском обществе // Multicultural World: challenges of mutual understanding (Мультикультурный мир: проблемы взаимопонимания): материалы международной научно-методической конференции. Сыктывкар, 2016.
5. *Солженицын А.И.* Образованщина // Новый мир. 1991. № 5. URL: <http://lib.ru/PROZA/SOLZHENICYN/obrazovan.txt> (дата обращения: 14.02. 2017).

ОБЩЕСТВО КАК ОРГАНИЧЕСКОЕ ЦЕЛОЕ И ЭТАПЫ ЕГО РАЗВИТИЯ. «ЗИГЗАГИ ИСТОРИИ»

Михаил Михайлович Чепель

кандидат философских наук, доцент

Московский финансово-юридический университет МФЮА

Аннотация. В статье на примере ряда стран, включая Россию, рассмотрена проблема реставрации некогда существовавших, но свергнутых в результате революций общественно-экономических отношений: объясняются причины подобных «зигзагов истории», рассматриваются перспективы развития государств, переживших реставрацию.

Ключевые слова: «зигзаги истории», капитализм, социализм, реставрация, регресс.

Представление о познаваемом объекте, как о развивающемся органическом целом встречается у Г.В.Ф. Гегеля, у младогегельянцев и у К. Маркса.

Если исследуемое органическое целое является социальным целым, то методологическим основанием его исследования следует считать принцип историзма.

Правомерность исторического подхода к познанию общественного процесса развития зависит и от того, как рассматривается органическое целое:

- ситуативно;
- оно развивается в пределах одного качественного состояния;
- оно претерпевает в своем развитии качественные изменения.

В первом и во втором случаях исследуемый объект вполне правомерно рассматривать формально-логически или метафизически, в третьем – следует применять диалектическую логику опираясь на категории **логического** и **исторического**. Критерием для выбора одного из двух этих подходов является формально-логический закон тождества.

Метафизический метод познания не игнорирует развитие полностью. Он отражает объективную реальность в пределах одного и того же качественного состояния развивающегося органического целого. Если же объект исследования претерпевает в своем самодви-

жении качественные изменения, то опираться следует на диалектику и логику истории.

Для представителей логико-исторической школы понятие **«развивающегося органического целого»** стало важнейшей категорией и методологическим принципом исследования объективной реальности.

Объект исследования должен иметь место во всех научных дисциплинах. Его наличие является необходимым условием существования любой науки, объект выявляется в любом научном исследовании. Но понятие «объект» скорее характерно для метафизического подхода к процессу познания. Понятие «развивающееся органическое целое» методологически правильно привносит принцип развития в процесс познания в качестве основного принципа.

Таким образом, диалектика бытия познаваемого объекта выдвигается на первый план. Процесс развития общества, историю целесообразно рассматривать как развитие такого «органического целого».

В советской философско-исторической науке часто повторялся тезис об окончательной победе **«развитого» социализма**. Следует отметить, что **реальный социализм** вовсе не был развитым. Данный тезис основан на том, что историческое время развития социализма было сравнительно коротким – 74 года. В течение этих лет был завершён этап (цикл) развития, который следует считать **«ранним социализмом»**. Не бывает так, чтобы объект возникал в развитой форме. Данное утверждение верно для любой самоорганизующейся и саморазвивающейся системы. Любая социальная система (государство или их группа, политическая партия, бизнес-структура) проходит в своем развитии ряд этапов.

Сторонники теории естественного договора и естественного права (Дж. Локк, Т. Гоббс, Ж.Ж. Русо) мыслят развитие общества в двух качественных состояниях: «естественное состояние» и «гражданское общество». Демаркационная линия перехода одного в другое – общественный договор.

Некоторые исследователи выделяют следующие этапы развития: возникновение, стадия бурного роста, стадия зрелости, старение и распад.

Большинство подходов напоминают этапы жизни человека (детство, отрочество, юность, молодость, зрелость, старость) либо циклы развития живых организмов.

Но исследуемые объекты разнообразны. Имея качественную специфику, они, следовательно, могут иметь различное количество этапов развития.

Г.В.Ф. Гегель для иллюстрации процесса диалектического развития дает знаменитую «триаду». У него процесс развития протекает в три стадии: утверждение или полагание (тезис), отрицание (антитезис), и наконец – отрицание отрицания, снятие противоположностей (синтез). Далее Г.В.Ф. Гегель дает пример диалектического цикла: «Почка исчезает, когда распускается цветок, и можно было бы сказать, что она опровергается цветком; точно так же при появлении плода цветок признается ложным наличным бытием растения, а в качестве его истины выступает плод. Эти формы не только различаются между собой, но и вытесняют друг друга как несовместимые. Однако их текучая природа делает их моментами органического единства, в котором они не только не противоречат друг другу, но один так же необходим, как и другой; и только эта одинаковая необходимость и составляет жизнь целого» [5, с. 2].

Г.В.Ф. Гегель, как следует из вышесказанного, берет пример, вполне наблюдаемый в биологии. Причем развитие данного Г.В.Ф. Гегелем объекта представляет собой «циклическое развитие». Развивающееся органическое целое может пребывать в различных качественных состояниях и, следовательно, иметь большее число этапов развития. Само направление развития тоже может быть и прогрессивным, и регрессивным.

Развитие бизнес-структур и микроорганизаций, по мнению В.Ю. Забродина [7], имеет следующие этапы:

- возникновение;
- младенчество (нечеткая структура, отсутствие формализма в общении, отсутствие процедур деятельности);
- стадия быстрого роста (взаимозаменяемость, обмен функциями, захват рынков, рост вширь);
- юность (переход от экстенсивного развития к интенсивному, систематизация управления, конфликты отцов-основателей и «новых людей»);
- расцвет (наличие упорядоченной структуры, ориентация на результат, планирование);
- аристократизм (акценты на том, как сделать, а не что сделать, наличие и почитание традиций, формализм в отношениях, одежде,

- наличие группового давления на возмутителей спокойствия);
- стадия раннего бюрократизма (конфликты, открытая борьба, взаимные обвинения новаторов и консерваторов, администраторы побеждают предпринимателей);
 - стадия глобальной бюрократизации (полное отсутствие ориентации на результат, малоосмысленный контроль за работниками (чаще контролируется соблюдение правил и предписаний без учета объективной реальности), возникают трудности при оценке объективной информации, нарастает фрагментарность в распоряжениях, нарастает общая недееспособность); перечисленные свойства объекта (организации) следствием имеют его разрушение, деструктивное самоотрицание.

Данная модель развития, по нашему мнению, с некоторыми поправками применима к эволюции политических партий и общественных организаций, и возможно – к ТНК. Очевидно, большинство политических партий в конце XX в. и в начале XXI в. вступили именно в последнюю стадию развития, поскольку иллюстрируют весьма ограниченную дееспособность.

Марксисты XX в. рассматривали этапы развития, этапы истории общества как смену «общественно-экономических формаций», причем формационное развитие часто рассматривалось как пятичленное: **первобытный коммунизм, рабовладение, феодализм, капитализм, коммунизм**. Причем советский социализм рассматривался как стадия, предназначенная создать материально-техническую базу коммунизма.

Данная задача рассматривалась несколько упрощенно, как производство средств производства. Тем не менее, отрасли нового коммунистического типа возникали. Это были преимущественно вновь возникающие отрасли промышленности: частично электротехническая промышленность, судостроение, станкостроение, машиностроение и некоторые другие. Данные отрасли по характеру и уровню развития производительных сил имели черты как государственного капитализма, так и черты коммунистической ОЭФ. Причем суть этих черт выявляется при анализе **структуры производительных сил и характера производственных отношений**.

Атомная энергетика, авиация, космонавтика, военная промышленность в СССР изначально имели преимущественно социа-

листический характер производительных сил и производственных отношений, хотя они не могли не испытывать влияния внутренне присущих раннему социализму факторов. Этим и объясняется колоссальное превосходство в этих отраслях СССР над Западом.

Логико-историческая школа трактует развитие общества как состоящее из следующих стадий: первобытное (доклассовое) общество; классовое общество; и бесклассовое общество.

В доклассовом обществе образуются исторические **предпосылки** возникновения классового общества. Сущность возникающего объекта (как исторического объекта) на стадии формирования предпосылок еще не ясна. Сущность общества пока еще преимущественно лежит в области биологии, а собственно историческое, и следовательно, человеческое, социальное только возникает. На этом этапе господствует еще не производство продуктов потребления, а **добыча** их в природе, даже если при этом применяются орудия труда.

На стадии **формирования** собственно социальных отношений основой добывания средств жизни становится их **производство**. Оно постепенно из ведущего фактора развивается в господствующий. В дальнейшем мы рассматриваем процесс формирования общества с точки зрения развития производительных сил и соответствующих им производственных отношений. Стадии формирования производительных сил соответствует **общественное разделение труда и общественный характер труда**. Человечество на этой стадии (стадии формирования производительных сил) целесообразно преобразует **земную природную среду**. Параллельно на данной стадии происходит развитие производственных отношений (то есть отношений между людьми по поводу вещей). На этом этапе последовательно меняется характер производственных отношений, то есть происходит смена классовых ОЭФ, которые рассматриваются как субстадии развития, на бесклассовые.

Самая развитая форма эксплуататорского общества – **капитализм** – проходит следующие этапы (субстадии) развития:

1. Этап начала капитализма, субстадия возникновения его предпосылок в недрах феодализма в виде ремесленного производства.
2. Этап возникновения сущности капитализма, когда ремесленное производство освобождается от цеховых (феодалных) пут.

3. Этап формирования сущности капитализма – мануфактурный период; переход к производству машин мануфактурным способом; начало перехода к производству машин машинами.
4. Этап зрелости капитализма. Производство машин машинами становится господствующей формой производства. Этот этап собственно капитализма характеризуется экономическим ростом вширь (захват колоний) и использованием технических достижений. Это этап классического капитализма, на котором снимаются внешние противоречия (между капитализмом и феодализмом) и на первый план выступают внутренние противоречия. Экономическая основа этого этапа развития – конкурентная борьба и машинное производство, причем доминирование машинного производства характерно для всех последующих этапов развития капитализма [3, с. 218–228].
5. Этап монополистического империализма (монополии, тресты, синдикаты, конгломераты). Этап ранних социалистических революций. На этом этапе завершаются колониальные захваты, которые привели к разделу мира, происходит переход к неокOLONIALИЗМУ. Конкуренция становится периферийным явлением [10, с. 385–387].
6. Этап перехода к ТНК, возврат к монетаризму (превращение политической экономии из науки в идеологию). ТНК становятся субъектами политики. Этап сосуществования капитализма с социалистическим лагерем, борьба с ним и победа в этой борьбе, долговой колониализм. Этот этап начинается в 1990-е гг.

Следующий этап, по нашему мнению, будет стадией борьбы капиталистической ОЭФ со зрелым социализмом при отсутствии количественного и качественного превосходства над ним.

В дальнейшем возможен этап дальнейшего увядания и стагнации капитализма.

Производительные силы и производственные отношения меняются при изменении каждой из стадий и субстадий развития, но они относительно самостоятельны. Относительная самостоятельность состоит в частичном несовпадении стадий (субстадий) развития: с одной стороны – производительных сил; с другой – производственных отношений.

По характеру процесса смены этапов развития, наступающий этап возникает из того, что вновь формируется, и из того, что остается (не исчезает) от предыдущего этапа.

В России вновь возникшие социалистические производственные отношения унаследовали от предыдущей стадии производительные силы капиталистической ОЭФ.

Это характерно для любой стадии, наступающей после **ранних революций**.

Задача стадии, следующей непосредственно за ранними революциями – преобразование экономической основы предшествующей стадии (производительных сил) соответственно новым производственным отношениям.

Классификации стадий развития имеет значение при анализе тенденций развития в рамках научного прогноза о следующем, ближайшем этапе развития. Понимание природы исследуемого органического целого позволяет, сознательно, на научной основе формировать будущее.

Древний Рим прошел несколько стадий развития. Выделение этапов развития Древнего Рима по экономическому критерию требует детальной проработки исторического материала, а он нам дается неполно. Исследовательских работ с использованием логико-исторической методологии в этом направлении пока нет.

По формам правления историки и правоведы выделяют:

1. Царский период – 753–510 гг. до н.э.
2. Республиканский период – 511–27 гг. до н.э.
3. Период принципата 27 г. – до н.э. 283 г. н.э.
4. Императорский период – 284–395 г. (окончательный распад на две части Римской империи).
5. Период заката Западной Римской империи – 396–476 гг.
6. Период Восточной Римской империи – 396–1453 г.

Восточная Римская империя, или Византия имела длительный путь развития – более чем тысячелетнюю самостоятельную историю. Она сумела сравнительно быстро перейти от рабовладения к феодальному обществу. Данная тенденция намечалась и в Западной Римской империи еще при Константине I. Но процесс увядания в Западной Римской империи шел стремительно, и империя пала под натиском варваров.

По нашему мнению, которое разделяют многие историки, Западная Римская империя пала не только из-за нашествия варваров, но и в результате некоторых внутренних процессов. Эти процессы мы

характеризуем как волны попыток реставрации рабовладельческой ОЭФ, которые помешали быстрому становлению новых экономических отношений.

Известно, что в период становления феодализма экономическими центрами становятся латифундии. Они представляют собой не только укрепленные замки феодалов, но центры организации сельского труда, места хранения продуктов труда, орудий труда и т.п., то есть это – экономические центры и центры власти.

Территория Италии не отличалась плодородием земель и была в значительной мере занята городским населением. Города жили за счет ремесел, и в них сохранялись традиции, близкие к древне-республиканской форме правления. Эти обстоятельства, по-видимому, и тормозили развитие феодализма, что, вероятно, и предопределило впоследствии разгром Западной Римской империи.

Вполне правомерно выглядела бы гипотеза, что одна из попыток реставрации рабовладельческой ОЭФ была предпринята Юлианом Отступником. Обычно когда говорят об императоре Юлиане, акцент ставится на реставрации язычества, то есть на идеологический аспект. Возможно, что Юлиан и сам видел проблему как чисто религиозно-идеологическую. Но процесс развития общества – это многофакторный процесс. Изменение идейной доктрины просто не могло не повлиять на другие элементы общественного бытия. При этом следует иметь в виду, что само рабство сохранялось как явление и существовало даже в XX в.

При исследовании общества чрезвычайно важно знать, на какой стадии развития оно находится? Сколько стадий развития предстоит ему претерпеть? Какова следующая стадия? Переходит ли оно к следующей стадии развития, в новое качественное состояние, или оно эволюционирует в пределах прежнего качества? То есть общество, познаваемое «развивающееся органическое целое», в зависимости от стадии развития либо имеет исторические перспективы, либо оно коренным образом должно измениться, если хочет и дальше существовать. При определенных условиях оно должно претерпеть коренные изменения. Если это не произойдет, то оно обречено.

Говоря философским языком, произойти может следующее: отрицание, понимаемое как разрушение, гибель, либо отрицание как эволюция (развитие в пределах того же качества), либо отрицание

как революция (переход в иное качественное состояние). В этом последнем смысле отрицание возникает как необходимость, альтернативой которой является гибель. Поэтому революцию следует характеризовать как выход из безвыходного (в пределах прежнего качества) положения.

Причем всякой революции предшествует некое «брожение умов». Например, в Италии переходу к новой капиталистической формации сопутствует интеллектуальный порыв целой плеяды философов-гуманистов, ученых, художников, инженеров, поэтов, литераторов эпохи Возрождения.

В Англии выход из Средневековья интеллектуально обеспечивают философы-материалисты Ф. Бэкон, Т. Гоббс, Дж. Локк.

Во Франции идеологическим обеспечением Великой Французской революции занимались великие представители Просвещения: Д. Дидро, Вольтер, Ж.Ж. Руссо и др.

Напротив, эпохи реставрации не имеют интеллектуального обеспечения. Современные **«цветные революции»** в основу идейного обеспечения социальных изменений ставят «ценности», которые, по сути, являются снарядами информационной войны, введением в заблуждение. Проводники этих ценностей – PR-специалисты и так называемые «диссиденты», СМИ. Наше видение этих явлений мы дадим несколько ниже. О диссидентах же скажем пока таким образом: «они в значительной мере дискредитировали саму идею вольнодумства».

Общее для «цветных революций» и эпох реставрации то, что это два вида попятных движений истории, два вида регресса, у которых много общего. И то, и другое ведет к деградации во всех сферах человеческой деятельности: в политике, экономике, философии, науке, художественной культуре, в нравственности.

Следует отметить, что реставрации как явления и как этап развития ОЭФ плохо исследованы с экономической, политической и правовой позиций, но о некоторых их характеристиках можно сказать уверенно:

- «реставрация» возрождает худшие черты предшествующей ОЭФ;
- она реставрирует отношения, не имеющие исторической перспективы;
- она пытается возродить прошлое, руководствуясь фантастическими представлениями об этом прошлом.

Истинность последнего суждения наблюдаема фактически. Например, современные представления о казачестве и дворянстве как о социальных слоях, представление об уровне развития экономики, об уровне благосостояния граждан в дореволюционной России фантастичны и не имеют под собой реальной почвы. Например, «забыли» что хлеб в дореволюционной России заканчивался между Покровом и Рождеством. Идеализируются социальные слои (казачество, дворянство). Совершенно забыты пытки и грабежи периода Гражданской войны (обоз с награбленным, растянувшийся на 60 километров и не дающий никакой возможности воевать белоказакам и т.д.). «Забыли» среднюю урожайность в России – девять центнеров с гектара. Но «помнят» и навязывают другим, что «Россия кормила всю Европу».

Пришедший к власти класс ищет в прошлом идеалы будущего, но в будущем им нет места. Там иные идеалы.

Такой подход неприемлем с точки зрения науки. Он влечет отрыв от реальности и фантастический способ осмысления действительности. Например, отказ (ввиду неспособности организовать труд) от аксиомы социализма «труд есть основа жизни общества» – есть основная причина современного кризиса.

Особым статусом обладает квалифицированный, высокотехнологичный, автоматизированный, наукоемкий труд. Значение труда в упомянутом смысле слова невероятно велико. Именно безотлагательная поддержка людей, способных к такого рода деятельности, их организация, обучение и есть первая задача правящего политического класса, которая даст перспективу выхода из экономического кризиса. Оценку могущества той или иной страны, по нашему убеждению, следует давать не по общему объему ВВП, а по объему той его части, которая связана с автоматизированными, высокотехнологичными, наукоемкими производствами.

Такого рода деятельность требует развития образования (не введения болонской системы, а настоящего развития) на всех уровнях. Не закрытие, а модернизация НИИ, КБ, фундаментальной науки.

Правящая же «элита» **уповает на частную инициативу примитивного источника инициативы.** Такой подход мог быть оправдан аналитиками в 1985–1990-е гг. Но за три десятилетия можно сообразить, что этот подход в принципе не имеет исторической перспективы. Ценность «частной инициативы» берется в качестве

аксиомы. Но уже практика с очевидностью показала, что мыслить частную инициативу как безусловную ценность не следует. Более тридцати лет деградации экономической, политической и научной сфер деятельности должны, по крайней мере, заставить усомниться в ценности частной инициативы.

Эффективна ли частная инициатива? Следует только проанализировать реальное производство, аварии на шахтах, стройках, в авиации. Мы увидим, что именно экономия на технике безопасности **частного** интересанта – основная причина аварий и технологических катастроф. Взять, например, Чернобыль – катастрофа хотя и произошла при правлении Советов и коммунистической партии, но виной всему – частная инициатива. Катастрофа «Булгарии» – это всецело и очевидно вина бизнеса, погнавшего за сверхприбылью и государства, стоящего на страже интересов бизнеса.

Второй вопрос – дает ли в целом такой подход, хотя бы даже ценою жизни граждан, экономический эффект? Ответ – реальное состояние экономики России.

Задачи развития либералы первой «романтической» волны не ставили. Они – романтики предательства. Мы умышленно не ставим здесь квантор вероятности. Они откровенно расчищали поле от конкурентов для западных ТНК. СССР, например, не имел автомобиля, по комфорту и иным параметрам сопоставимого с автомобилями западных фирм. Правда наши автомобили обладали лучшей проходимостью и простотой в эксплуатации, надежностью. После взятия власти либералы, имея все материальные условия (квалификационную структуру, оставшуюся без дела, НИИ, КБ) даже не ставят задачи создать конкурентноспособный автомобиль. По их мнению, «модернизировать ЗИЛ, АЗЛК было невозможно», их следовало просто закрыть. А почему невозможно? В чем запрет?

А часовые заводы? СССР имел вполне конкурентоспособную часовую промышленность, но и ее ликвидировали. СССР не модернизировал эти отрасли (и некоторые другие), так как приоритеты были иные – военная промышленность, авиация, космос. Либералы же в плане реализации частного интереса действовали во благо западных ТНК.

Мировые войны тоже возникают из реализации частного интереса, продуцирующего хаос и массовую гибель граждан. Война на Украине, в Сирии, в Ливии – следствие реализации частного

интереса ТНК. Анализ источника частной инициативы, изучение его целей, образа мыслей, уровня развития, по крайней мере, должно опустить аксиому об эффективности частной инициативы и перевести ее в ранг гипотезы. Думается, что логический анализ гипотезы о полезности частной инициативы обязательно должен привести к ее существенной коррекции. То есть следует установить границы, где она может увеличить производительность труда, а где она деструктивна.

О всеобщей деградации и об аморализме политического класса (источника частной инициативы) современной России свидетельствует циничное отношение к труженикам, разложение трудовой морали, разрушение квалификационной структуры, разрушение науки, проповедь в искусстве насилия, секса и т.п.

О науке разговор особый. На научной основе должна развиваться не только экономика. Мы склонны рассматривать советскую науку как достояние всего человечества и как инструмент для решения **глобальных проблем человечества**. Поэтому лица, виновные в деяниях, ведущих к деградации и уничтожению советской науки и образования, в будущем, по-видимому, должны будут рассматриваться как враги человечества.

«Цветные революции» имеют значительное внешнее обеспечение. Некоторые политики отвергают такую постановку вопроса. Они утверждают, что невозможно дестабилизировать страну, если там все в порядке. Это не так. Все зависит от соотношения сил. Малые и средние по величине страны можно развалить даже в случае отсутствия объективных предпосылок. Такими возможностями обладают некоторые сверхдержавы и ТНК. «Цветная революция» в СССР, несомненно, имела мощное внешнее обеспечение при созревших внутренних предпосылках к изменению общественного строя.

Реставрация возможна полностью через завоевание, как это было, например, во Франции 1815 г. Для России характерно то обстоятельство, что в ней реставрация капитализма проведена в форме «цветной революции». Причем цели «цветной революции» и частный интерес некоторых социальных групп СССР временно совпали.

Революция в общем смысле есть переход в новое качественное состояние и связана с прогрессом. Часто переход России к капитализму в 1990-е гг. называют революцией. Только незадача – не может же в действительности считаться прогрессом такое беспрецедентное

падение экономики с последующей невозможностью к развитию. Существенным приобретением 1991 г. либералы называют «свободу слова» для самих себя. Но сама по себе свобода слова не прогресс – ведь свободно можно и лгать, осуществлять информационную войну, что они и делали. **Развал же экономики, науки, образования, государства – это существенно**, это более чем существенные потери.

Изучение этапов развития общества весьма важно с точки зрения определения существенных свойств объекта познания, когда важным обстоятельством является понимание природы объекта (органического целого), перспектив его развития. Наш учитель, родоначальник логико-исторической школы В.А. Вазюлин в наших разговорах предлагал рассмотреть все известные классификации этапов общественного развития. Он считал это очень важным с точки зрения понимания путей развития общественных систем. Ведь даже гений Маркса принял завершение этапа развития классического капитализма, за завершение его развития вообще.

В.И. Ленин увидел капитализм в его новой сути. Главные признаки той новой фазы были: раздел мира и его колонизация (эпоха империализма) и монополизм. Но что дальше? Каков нынешний этап? Будет ли следующий этап? Ведь что получается: под теорией мы понимаем отражение в познании органического целого (в данном случае общества). При существенном изменении общества должна быть изменена система идей, понятий, отражающих «развивающееся органическое целое». Суть прогностики в том, чтобы правильно осмыслить данный этап, понять смысл происходящих изменений и дать теоретическое представление о будущем.

Почему пал Советский Союз? Ответ на этот вопрос не решается на уровне обыденного сознания. Его нельзя также осмыслить в рамках идеологических (в худшем смысле слова) доктрин. К тому же в рассуждениях и объяснениях современных идеологов реставрации присутствуют ложные или искаженные якобы факты, или наоборот не признаются некоторые факты, либо им дается слишком вольная интерпретация.

«Зигзаги истории»: в общем плане следует понять, почему история идет иногда вспять, почему совершаются контрреволюции?

Одна из причин «Зигзагов истории» – противоречивость исторического процесса. Установление новой ОЭФ в целом есть явление прогрессивное, но отдельные факторы социальной жизни

при этом регрессируют. Например, установление рабовладельческого общества связано со значительным увеличением производительности труда по сравнению с первобытным обществом. Но утрата свободы при этом для огромного числа людей, ставших рабами и еще не утративших памяти о свободе, была трагедией. В Древней Греции во второй половине второго тысячелетия при нашествии дорийских племен первобытное общество было реставрировано более чем на 500 лет.

Установление раннего капитализма в Италии эпохи Ренессанса, например, привело к расцвету торговли и экономики в целом. Политическая власть перешла к буржуазии, что привело в конечном итоге к оккупации Италии феодальными режимами Европы и порабощению ее на длительное время. В дальнейшем окончательное установление капитализма в Италии имело характер национально-освободительного движения.

Другой пример попятного движения, регресса истории – реставрация Стюартов в Англии.

Ранняя буржуазная революция в Англии выглядела как победа «Долгого парламента» в войне против королевской власти. В конечном итоге политическая власть сосредоточилась в руках О. Кромвеля. Затем произошла жестокая казнь короля и установление власти капитала в Англии.

Смерть О. Кромвеля в 1658 г. привела к реставрации Стюартов, длившейся вплоть до «Славной революции» 1688 г. Оказывается, ранняя революция опиралась в основном на волю Кромвеля и имела под собой слабо развитые базисные материально-экономические основания капитализма.

Однако после «Славной революции» королевская власть была практически упразднена, а Англия окончательно стала капиталистической сверхдержавой. В дальнейшем развитое машинное производство стало экономической основой новой ОЭФ, а сельское хозяйство уже не являлось основой экономики; оно само стало перестраиваться в соответствии с новыми производственными отношениями. Отметим, что перспектив к превращению в сверхдержаву у Англии не было бы, если бы она застряла в реставрации.

Почти так же, только в более жестоким варианте, происходили события во Франции.

Великая Французская революция произошла в 1789 г. Затем деятельность Конвента, Комитета общественного спасения, наполеоновские войны, поход на Россию, поражение Наполеона и его окончательный разгром в 1815 г. привели к реставрации Бурбонов. Иногда реставрацию Бурбонов во Франции называют эпохой. По нашему мнению, безвременье не может называться эпохой. Это «зигзаг истории», временное состояние общества, подлежащее последующей как можно более быстрой ликвидации.

Движение контрреставрации в конечном итоге привело к двум революциям 1830 г. и 1848 г., которые устранили во Франции феодализм и вместе с ним – королевскую власть. «Эпоха» продлилась всего 33 года. Заметим, что и «Славная революция», и Французские революции 1830 г. и 1848 г. прошли мирно и бескровно. Парижская Коммуна 1871 г. устранила остатки феодальных отношений.

Объяснение данных «зигзагов истории» в советский период имело следующий вид: правящий класс расслабляется под разлагающим воздействием абсолютной власти. Буржуазия видит историческую перспективу, и она активна, поэтому побеждает обленившихся феодалов. После поражения последние вынуждены активизироваться и, имея колоссальные материальные ресурсы, огромный опыт управления, начинают действовать, что и приводит к реставрации. Как видно объяснение причин «зигзагов истории», причин контрреволюций лежало в сфере политики.

Наше теоретическое положение состоит в том, что возврат к прежней стадии развития общества возможен. Он весьма вероятен до тех пор, пока новая общественно-экономическая формация не преобразует основание экономического базиса (производительные силы и производственные отношения) до такого уровня, когда можно будет обосновано утверждать, что дальнейшее развитие новой экономической формации происходит преимущественно на собственной экономической основе. Только в том случае можно будет утверждать, что новая ОЭФ (например, социализм) утвердилась окончательно, когда экономическая основа развития общества (большинство отраслей народного хозяйства) будут **преимущественно высокотехнологичными, автоматизированными и наукоемкими.**

Нас заинтересовала статья В.Ф. Исайчикова «Капитализм в России: реставрация или возрождение?» [8], опубликованная

в газете «Момент истины». Название газеты, с нашей точки зрения не вполне удачно, так как определяя подход к анализу через «момент», исследователь неосознанно будет брать объект исследования (развивающееся органическое целое) «в моменте», без развития, без истории – и тем самым рискует скатиться к метафизическому способу мышления.

Работа правомерно определяет состояние российского капитализма как реставрированного капитализма. Применение термина «Возрождение» здесь неправомерно. Действительно, эпоха Возрождения в Италии имеет множество признаков прогресса. В то время прогресс просматривался вполне отчетливо. Его видно в науке, философии, литературе, поэзии, изобразительном искусстве, экономике.

Реставрация же – иллюстрация всеобщего кризиса и деградации в самых существенных элементах жизни общества. Реставрации чрезвычайно бедны талантливыми политиками, экономистами и др. В культуре просматривается следующий тренд – даже те деятели культуры, которые были талантливы при советском строе, вдруг поглупели и утратили способность к развитию. В особенности это касается тех, которые пошли на службу новому реставрированному общественному строю. Они даже деградировали, например сатирики. «Элиты» этих периодов по факту недееспособны, поскольку под их руководством общество не просто в кризисе, а неумолимо деградирует. Их бездарность заключается в том, что **они изначально в своем мировоззрении на первый план выдвигают ценности того общественного строя, который должен исчезнуть.**

В работе В.Ф. Иссайчикова нас не устраивает одно существенное положение о том, что реставрация «относится не к сущностным, формационным характеристикам общества, а только к его надстроечным элементам». С нашей точки зрения, влияние принятой экономической доктрины (монетаризм) привело к частичному разгрому экономического базиса, созданного при социализме. Его остатки – на грани выживания. Причем более всего страдают наукоемкие, высокотехнологичные, автоматизированные производства. Строительство же, например, вполне неплохо функционирует, хотя там процветают, невзирая на неоправданно высокие цены на жилье, виды экономии теневого и откровенно преступного характера. Например, дорогостоящий термоустойчивый запасной кабель для лифтов в вы-

сотных домах заменяется обычным, что может повлечь при пожарах серьезные и неоправданные жертвы; употребляется бетон более низкого качества, чем это предусмотрено проектом; отделочный материал дешев и выделяет ядовитые испарения и т.д. Напомним, что яды еще в римском праве являлись вещами, выведенными из оборота. Капитализм же, имея целью только прибыль (мы сознательно опускаем декларируемые цели), торгует ядами повсеместно. Даже детские игрушки часто делаются из токсичных материалов.

Новая политическая надстройка, очевидно, тормозит развитие производства в целом.

Создается отчетливое впечатление об общей недееспособности пришедшей к власти «элиты». Разгромлены наука и образование, которые в современной экономике имеют непосредственное отношение к формированию производительных сил общества: наука просто присутствует в орудиях труда (ее там тем больше, чем современнее производство). Образование, которое тоже разрушается, призвано формировать мышление субъекта производства принципиально нового качества. Таким образом, мы уверенно утверждаем, что новые реставрированные капиталистические отношения существенным образом влияют и на базис, и на надстройку. Они насколько тормозят развитие производительных сил, что конечным итогом деятельности новой «элиты» может стать расчленение и гибель общества.

Кроме этого реставрированный капитализм более агрессивен (богатство и неподсудность напоказ в России, правая полу-фашистская идеология бывших советских республик и стран социалистического лагеря), чем в странах традиционного капитализма. Реставрированный капитализм мы однозначно квалифицируем как **стадию интенсивного упадка.**

В последнее время капиталисты стран Запада ведут активное и достаточно агрессивное наступление на права трудящихся (например, трудовая реформа во Франции, повышение стоимости образования в Англии и т.п.), а правящие «элиты» активно фашизируются. Тем самым они доказывают, что социальная политика Запада после Второй мировой войны была вынужденной. Она была обусловлена наличием сильного социалистического государства. Как только оно исчезло, плутократия Запада получила возможность усилить эксплуатацию, она сделала это непременно. Причина такого ее поведения – развал СССР.

Вернемся к анализу английской и французской моделей развития. Развитие событий происходило в последовательности: революция, репрессии, бонапартизм, поражение, реставрация и снова революция.

После установления нового политического строя и в Англии, и во Франции основой экономики остается сельскохозяйственная латифундия. Она не только остается основным элементом экономики, но и производственные отношения внутри латифундий остаются феодальными либо профеодальными: существуют, хотя и разлагаются, общины; крестьяне на оброке и отработках (барщина). Другими словами – структура производительных сил в латифундиях преимущественно феодальная. Латифундии же – основа экономики. Это обстоятельство и является основной предпосылкой реставрации.

Перспективы развития, обогащения на этом этапе видятся новому политическому классу не только в развитии машинного производства, но и в приобретении латифундий, а с ними часто и титулов (барон, виконт, граф и т.д.). Последнее обстоятельство влечет и переход на политические позиции феодализма, и соответственно, возникают благоприятные условия для реставрации. Является ли реставрация неизбежной? Конечно же, нет! Но такое направление развития истории мыслится как весьма вероятное.

Окончательная победа капитализма наступит только в связи с переходом экономики на рельсы капитализма. Сельское хозяйство в конечном итоге тоже станет капиталистическим. Для этого необходимо, чтобы в самом сельском хозяйстве возникла буржуазия, а вместо крестьянства – класс наемных рабочих. То есть должна измениться структура производительных сил, производственные отношения и, соответственно, сам способ производства.

С высоты сегодняшнего дня вопрос о том, являлась ли реставрация Стюартов и Бурбонов окончательной и бесповоротной победой феодализма, можно уверенно ответить – нет. Это факт истории. Прослеживается ли в таком движении истории закономерность? – конечно да! Возможны ли другие варианты развития общества? – по видимому, да, но они менее вероятны. Ясно одно – оставаться на этапе Реставрации и для Франции и для Англии **бесперспективно**. На пути капитализма эти государства ожидает целая эпоха экстенсивного (захват колоний) и интенсивного (машинное производство, науки, ядерная энергетика) развития.

Эту перспективу видят не все. Видением перспектив и отличаются люди талантливые от консерваторов. Именно поэтому эпоха реставрации не имеет перспектив, а ее сторонники, как правило, **недееспособны**, так как они ищут перспективы в прошлом – там, где их нет. Они ориентированы на то, что в **данный момент** должно принести огромную прибыль, но оно должно исчезнуть в **перспективе**.

Мог ли Советский Союз перейти к следующей стадии социализма без той катастрофы, которую мы до сих пор переживаем? Конечно, мог. Многие даже путают переход к капитализму в СССР, связанный с периодом внешнего управления экономикой, с экономическим крахом и длительной непрекращающейся стагнацией, с установлением капитализма в Китае, где произошло то же самое, но без столь наглого грабежа и разорения.

Китай, имея в базисе, в структуре производительных сил те же самые проблемы, что и Советский Союз, скорее всего, не сможет сохранить социалистическую надстройку. Более того, уровень дифференциации экономики в Китае значительно выше, чем в СССР. То есть в Китае существуют как высокотехнологичные наукоемкие производства, так и соответствующие капитализму отрасли средней наукоемкости (машинное производство), и даже высокая доля ручного труда. Эти обстоятельства с высокой степенью вероятности и приведут (уже привели) к реставрации капитализма, и конечно повлияют на характер политической надстройки.

Действительно, при машинном производстве частная инициатива и частный интерес имеет известные преимущества по сравнению с государственными формами собственности. Чего нельзя сказать о наукоемких производствах.

Следующий этап зрелого, развивающегося преимущественно на собственной экономической основе, социализма будет учитывать эти обстоятельства.

Безусловно, только в общественной собственности должны быть высокотехнологичные, наукоемкие автоматизированные производства, и сырьевая база. Остальное будет иметь частнособственническую перспективу при конкуренции с предприятиями, находящимися в государственной собственности. Но, по мере увеличения наукоемкости отдельных производств, такие предприятия должны будут покидать сферу частной инициативы. Но некоторые сферы деятельности еще долго, а может быть и всегда, смогут эф-

фактивно управляться частным образом. Критерием эффективности, что естественно, будет производительность труда.

На основании выше изложенного, мы предполагаем, что мелкая, трудовая буржуазия будет способствовать революционному процессу. Ей очевидно выгодно улучшение экономического климата и расширение своего поля деятельности. На данном этапе развития мелкая и средняя буржуазия в России не может быть широко представлена. От представителей власти мы слышим только благие пожелания. В развитых странах поле ее деятельности сокращается. Подобные процессы идут и в странах среднеразвитого капитализма: Испании, Греции, Португалии, Бразилии, Индии и др. Переход к зрелому социализму выгоден и мелкобуржуазным слоям стран, переживающих эпоху реставрации: России, странам Восточной Европы, странам бывшего СССР, возможно – Китаю, может быть – Италии.

В любом случае и СССР, и Китай, и страны восточной Европы реставрировали капитализм. Только Китай имеет идеологию, находящуюся в противоречии с фактическим состоянием общества.

То, что победа капитализма в России и в других странах окончательная и бесповоротная – это всего лишь суждение, не имеющее логического обоснования. Данный тезис не вытекает ни из каких аргументов. Это только **заклинание плутократии и их политических адвокатов**. Они хотят, чтобы все так и оставалось. Но что они могут? Они бездарны, как и всякая контрреволюция. Они элементарно за 30 лет не могут установить хотя бы тот уровень экономического развития, который был в СССР. Причем экономика упала в разы. Давайте сравним темпы развития СССР с 1917 по 1945 гг. – это путь от разрухи до сверхдержавы, из мрака безграмотности к самой образованной стране планеты. И.В. Сталин пришел к власти в стране, которая преимущественно ходила в лаптях и домотканой одежде, и оставил после себя ядерную сверхдержаву. С 1985 по 2016 гг. – кризис и стагнация – это путь от сверхдержавы к статусу и состоянию сырьевого придатка Запада.

Для России возможен был и иной путь контрреволюционного характера. Это путь без уничтожения экономики и страшного разгула плутократии (партия Примакова, Лужкова «Отечество – вся Россия»). Но история пошла путем наиболее вероятным.

Давайте посмотрим на основные элементы общественной системы, которые призваны обеспечить развитие. Расцвет искусств?

– нет! – деградация. Наука и образование? Еще хуже! Частная инициатива породила невиданные темпы роста экономики? – нет! Рост производительности труда? – новый политический класс только фиксирует низкую производительность, но он даже не считает своей обязанностью ее повышать. Кризису не видно конца: уже в который раз «прошли дно кризиса», а он все продолжается. Причем «кризис» и «реформы» идут в унисон. Сам собой напрашивается вопрос: а не связаны ли между собой эти два понятия? А может быть, это вовсе одно и то же? Сама нынешняя власть – она и есть экономический кризис. Источник ее авторитета и рейтингов – только внешняя политика.

Развитие и прогресс мировой и российской правящей элитой видятся не как реализация наукоемких и высокотехнологичных проектов, а как захват и монополизация рынков и распил бюджетов. Отсюда проистекает неизбежность столкновения интересов и, как следствие, – войны.

Прогрессивные устремления российской плутократии и правящей политической «элиты» в целом связаны с тем, что она не принята в Бильдербергский клуб. Российский президент, в силу своей профессии, зная характер взаимоотношений внутри этого клуба и судьбу Милошевича, Каддафи и Хуссейна, понимает, что он теперь может только сопротивляться. Если ему дадут гарантии безопасности в обмен на сотрудничество, то таким гарантиям, даже если они будут предоставлены – грош цена. Он хорошо знает характер отношений в этом клубе.

Во внешней политике и в информационной войне российская политическая «элита» выглядит более честной. Ей хочется, чтобы по отношению к ней не применяли такой метод информационной войны, как «двойная бухгалтерия», чтобы соблюдались нормы международного права. Они хотят, в конце концов, справедливости в отношении себя. То есть они хотят того, чего всегда хочет более слабый противник. Но в отношении к собственному народу она вместе со своими врагами (западными партнерами) ведет информационную войну против неимущих классов. Причем к неимущим классам, слоям в России относятся и те, кто должен относиться к «среднему классу», согласно общему смыслу этого понятия.

Во внутренней политике наша «элита» бездарна и недееспособна потому, что это «элита» эпохи реставрации. Это верно

не только для российской «элиты», но и для всех известных регрессирующих политических режимов, которые известны истории как «эпохи реставрации». Можно ли представить себе прогрессивное развитие, например, Франции на пути возврата к феодализму при абсолютной власти Бурбонов? Реставрация – это однозначно регресс. Длительный регресс невозможен. Деградация, упадок долго продолжаться не могут. У деградации есть предел и только одна перспектива – ослабление с последующей утратой независимости, и как следствие – гибель. В связи с ликвидацией Реставрации, например, ту же Францию ждала эпоха интенсивного и экстенсивного (захват колоний) развития.

Регресс к феодализму во Франции могли поддерживать только люди бездарные либо враги, – сторонники движения назад, сторонники гибели. Кстати, когда российская элита призывает к движению «вперед», то возникает устойчивое ощущение и понимание того, что они не знают где у лошади круп, то есть где «перед» и где «зад». Невозможно долго даже для людей весьма ограниченных, считать развал экономики, наук, искусств и ремесел прогрессом. В Англии, во Франции и раннее в Италии сторонники реставрации (мы имеем в виду экономистов, политиков, и идеологов) в конечном итоге потерпели поражение. Их поражение и привело эти государства к процветанию.

Россию от окончательного экономического краха спасает продажа сырья, то есть «нефте-газовая игла». Но спасение и прогресс в России возможен только при условии коренного изменения общественного устройства.

Библиографический список

1. *Бэкон Ф.* Сочинения в двух томах. М., 1977.
2. *Вазюлин В.А.* Диалектика исторического процесса и методология его исследования. М., 2007.
3. *Вазюлин В.А.* Логика «Капитала» Карла Маркса. М., 2002.
4. *Вазюлин В.А.* Логика истории. Московский университет. М., 1988.
5. *Гегель Г.В.Ф.* Сочинения. Т. 4. М., 1959.
6. *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. М., 1991.
7. *Забродин В.Ю.* Социологический консалтинг. СПб., 1998.
8. *Исайчиков В.Ф.* Капитализм в России: реставрация или Возрождение? // Момент истины. 2012. Декабрь. № 2 (70).

-
9. *Кошель В.А.* Актуальность методологии марксизма и перспективы ее развития. М., 2003.
 10. *Ленин В.И.* Развитие капитализма в России. М., 1953.
 11. *Макиавелли Н.* Государь. М., 1990.
 12. *Пателис Д.С.* Философско-методологический анализ становления экономической науки. М., 1991.
 13. *Плутарх.* Избранные жизнеописания. Т. 1. М., 1990.
 14. *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1978.

РАЗДЕЛ 2. ОБЩЕСТВО НА ПЕРЕЛОМЕ ЭПОХ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

ЛИБЕРАЛЫ И ВЛАСТЬ В РОССИИ В 1917 Г. И СЕГОДНЯ

Валентина Ивановна Армичева

кандидат исторических наук, доцент

Калининградский филиал

Московского финансово-юридического университета МФЮА

Аннотация. Рассматриваются причины недееспособности российских либералов по управлению страной после Февраля 1917 г. Подчеркивается мысль об отсутствии прочной социальной опоры либерализма, в том числе и в современной России. Это объясняется, в частности, и тем, что будучи западниками по воспитанию, образованию и взглядам, они не сумели привлечь на свою сторону массы и заменить рухнувший институт монархии, разрушив которую, и сами исчезли с исторической арены в вихре гигантского катаклизма, потрясшего страну.

Ключевые слова: либерализм, уличный либерализм, либералы и власть, Временное правительство.

В год столетия русских революций хотелось бы еще раз проанализировать взаимоотношения либералов и властных структур в России с тем, чтобы понять непопулярность и несостоятельность либерального движения в нашей стране как в прошлом, так и в настоящем.

В феврале 1917 г. в условиях острого социально-экономического и политического кризиса солидарно выступили несовместимые между собой оппозиционные антифеодальные и антибуржуазные, либеральные и социалистические партии и движения. Это и решило судьбу монархии в России, которая пала 2 марта 1917 г. Уже 27 февраля либеральные депутаты IV Государственной думы создали Временный комитет, основной задачей которого было предотвращение развала страны и армии в условиях начавшейся революции, а также формирование нового правительства.

Первое Временное правительство во главе с князем Г.Е. Львовым состояло в основном из либерально настроенных кадетов и октябристов. Оно взяло курс на демократизацию страны. В частности, в выпущенной им Декларации в качестве неотложных задач провозглашались следующие:

- «1. Полная и немедленная амнистия по всем делам, политическим и религиозным...
2. Свобода слова, печати, союзов, собраний и стачек...
3. Отмена всех сословных, вероисповедальных и национальных ограничений.
4. Немедленная подготовка к созыву на началах всеобщего, равного, тайного и прямого голосования Учредительного собрания, которое установит форму правления и Конституцию страны.
5. Замена полиции народной милицией с выборным начальством...
6. Выборы в органы местного самоуправления на основе всеобщего, прямого и тайного голосования» [2, с. 195].

Решение этих задач открывало перед Россией либерально-демократическую перспективу. Можно сказать, что партия кадетов после Февраля оказалась в крайне благоприятном положении: основные ее программные лозунги – свобода слова, собраний, печати, вероисповедания и т.п. – оказались решенными в самое короткое время. Даже В.И. Ленин отмечал, что Россия превратилась в самую свободную из всех воюющих стран. Но народ ждал более реальных вещей – мира, земли, контроля над производством, выведение страны из глубочайшего экономического кризиса.

Кого в этих условиях могла увлечь либерально-демократическая перспектива? Уже в ближайшее время выяснилось, что она не имела крепкой социальной опоры. Если, по мысли либералов, дворянство реакционно, буржуазия слаба, а народ темен, то их опорой могла стать только интеллигенция, но она в России не была многочисленной. В результате узость социальной базы либеральных сил, отсутствие тесной связи с массами, непонимание требований народа ввергли страну в хаос. Интеллигенция не смогла обуздать народ, придать его выступлениям цивилизованные формы, страну захлестнула анархия.

Это понимали и сами либералы. Так, по словам В.А. Маклакова, «Россия получила в день революции больше свободы, чем

она могла вместить, и революция погубила Россию». А.И. Гучков указывал: мы «не только свергли носителей власти, мы свергли и упразднили тех, на которых строится всякая власть». Но это прозрение пришло к ним гораздо позже, уже в эмиграции.

Разве не то же самое происходило в нашей стране в годы перестройки и особенно в 90-е гг. XX столетия? Но, в отличие от своих предшественников, современные защитники свободы до сих пор не поняли своей разрушительной роли.

В ответ на рассуждения современных «либеральных» историков о том, что в 1917 г. нужно было остановиться на Феврале, следует сказать, что в тех конкретных условиях Россия не могла стать конституционно-парламентским, либерально-демократическим, ориентированным на «третий элемент» государством, как хотели тогдашние либералы. Как и сегодня, такого не могло произойти в 1917 г., потому что в России не было этого самого «третьего элемента». Еще Н.А. Бердяев дал в свое время ответ на этот вопрос: «Только диктатура могла остановить процесс окончательного разложения и торжества хаоса и анархии. Нужно было взбунтовавшимся массам дать лозунги, во имя которых эти массы согласились бы организоваться и дисциплинироваться... В этот момент большевизм, давно подготовленный Лениным, оказался единственной силой, которая, с одной стороны, могла докончить разложение старого, а с другой стороны, организовать новое. Только большевизм оказался способным овладеть положением, только он соответствовал массовым инстинктам и реальным соотношениям» [1, с. 114–115].

Ощущение неопределенности, временности наложило отпечаток на названия властных структур, и главное – на практическую деятельность оказавшихся у власти в ходе революции новых «верхов». Первый глава Временного правительства, по словам управляющего делами правительства В.Д. Набокова, «сидел на козлах, но даже не пробовал собрать вожжи». Лица, занимавшие более решительную политику, вынуждены были уже в ближайшее время покинуть правительство (П.Н. Милоков, А.И. Гучков и др.).

Для того, чтобы понять, почему либералы уже через восемь месяцев потеряли власть и не смогли противостоять большевикам, хотя им удалось легко уничтожить самодержавие в России, нужно осознать, что по своим взглядам они были типичными «западни-

ками», не знавшими и не понимавшими Россию, считавшими, что российская революция должна развиваться по тем же правилам, что и революция на Западе. По свидетельству А.И. Гучкова, герои Февраля ожидали, что «после того, как дикая стихийная анархия падет, после этого люди государственного опыта, государственного разума, вроде нас, будут призваны к власти» [цит. по: 3, с. 183].

На самом деле вскоре выяснилось, что при глубоком отчуждении прозападнастроенной интеллигенции от народной, крестьянской массы, в условиях острейших социальных и национальных противоречий, при сравнительно немногочисленном чиновничьем аппарате именно царская власть своим авторитетом обеспечивала общественную стабильность. Ориентированная на Запад либеральная оппозиция не смогла заменить в данной роли рухнувший институт монархии. Последняя, по высказыванию современника, «была гораздо ближе к народу, чем интеллигенция», являясь частью русского общества, сохранившего связь со своей историей. В то же время либеральная агитация разрушала духовные связи, соединявшие народ – монархические и религиозные чувства. Люди перестали себя чувствовать единым народом, общество резко раскололось. Произошло полное уничтожение старых государственных институтов, а новые, в частности, идеи парламентаризма, остались чуждыми низам.

Вслед за самодержавием, которое они сами расшатывали, в вихре потрясшего страну катаклизма исчезли и российские либералы, наивно считавшие, по выражению С.Л. Франка, «всех управляемых добрыми и только правителей – злыми», слишком верившие «в легкую осуществимость механических, внешних реформ чисто отрицательного характера, в целительность простого освобождения народа от внешнего гнета власти» [2, с. 443].

Говоря о непопулярности современного либерализма и его носителей в России, уместно вспомнить те характеристики, которые дал его типам один из теоретиков российского либерализма Б.Н. Чичерин: «Либерализм является в самых разнообразных видах, и тот, кому дорога истинная свобода, с ужасом и отвращением отступают от тех уродливых явлений, которые выдвигаются под ее знаменем» [4, с. 117]. В свое время он выделил три типа либерализма, которые существуют и сегодня.

Низшую ступень, по Б.Н. Чичерину, занимает уличный либерализм («это, скорее, извращение, нежели проявление свободы»). Характеризуя уличного либерала, автор указывает, что от него нельзя ожидать «терпимости, уважения к мысли, уважения к чужому мнению, к человеческой личности, что составляет сущность истинной свободы...» [4, с. 118]. Такой «либерал» склонен к политическим скандалам, готов стереть с лица земли всякого, кто не разделяет его порывов, всех противников считает подлецами и т.п. (как много таких «либералов» в сегодняшней России!).

Второй тип – это либерализм оппозиционный, который понимает свободу с чисто отрицательной стороны. «Отменить, разрешить, уничтожить – вот вся его система... Ему верхом благополучия представляется освобождение от всяких законов, от всяких стеснений» [4, с. 119]: он склонен обвинять власть во всех действительных и мнимых ошибках, действуя по правилу, что всякий порядочный человек должен непременно стоять в оппозиции и ругаться (при этом многие оппозиционные либералы сидят на теплых местах и делают отличную карьеру, например Чубайс, Греф, Кириенко, Кудрин и многие другие современные либералы России).

И, наконец, третий тип – либерализм охранительный, сущность которого состоит в примирении начала свободы с началом власти и закона. Его лозунг: либеральные меры и сильная власть, которая должна осуществить преобразования с учетом интересов всех заинтересованных слоев [4, с. 122]. Лишь этот последний тип, по мысли Б.Н. Чичерина, несет в себе положительный смысл и ориентирован на осуществление реформ (как раз такого либерализма в России и не хватает).

Б.Н. Чичерин выделил эти типы 150 лет назад, но мысли его весьма актуальны. Может быть, потому ничего и не получилось у либералов 100 лет назад (как и сегодня), что среди них преобладали как раз представители первых двух типов. Особенно это характерно для современной России, чем и объясняется непопулярность нынешних либералов в народе. И не народ в этом виноват.

Возвращаясь к Февралю 1917 г., следует еще раз подчеркнуть, что в процесс развала монархии огромный вклад внесли российские либералы, которые, стремясь подновить и модернизировать систему управления, зашли так далеко, что не заметили, как разрушилась

до основания сама российская государственность. Лидеры кадетов и октябристов считали, что дискредитировав верховную власть, сами займут ее место во главе России. Но развязанная ими кампания привела к дискредитации власти вообще, и Россия погрузилась в хаос безвластия до тех пор, пока большевики путем жесточайшей диктатуры не восстановили государство.

Библиографический список

1. *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.
2. *Ильин В.В., Ахиезер А.С.* Российская государственность: истоки, традиции, перспективы. М., 1997.
3. *Кожин В.В.* Россия: век XX (1901–1939). М., 1999.
4. *Чичерин Б.Н.* Различные виды либерализма // *Общественные науки и современность.* 1993. № 3.

ОТСУТСТВИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕОЛОГИИ РФ КАК ПРОБЛЕМА ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ СТРАН СНГ

Шерафган Махмадович Бобоев

кандидат философских наук

Московский финансово-юридический университет МФЮА

Аннотация. В статье рассматриваются глобальные причины современного кризиса идеологии в постсоветских республиках и возможности устранения наиболее острых интеграционных проблем, его вызвавших; анализируется как негативная роль фальсификации истории СССР в РФ и странах СНГ. В связи с последствиями кризиса анализируются условия возможных идеологических трансформаций на базе формирования общенациональной идеологии и вероятность различных тесных интеграционных сценариев между РФ и странами СНГ ближайшего будущего.

Ключевые слова: гегемонистская политика, декоммунизация, общенациональная консолидирующая идея, идеология, информационная война, идеосфера, люстрация, негативная коннотация, мобилизационная модернизация, прогрессивная социальная система.

Наказанием за гражданскую пассивность
является власть злодеев

Платон

Общеизвестно, что в ст. 13 Конституции РФ зафиксировано: «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной». На основе этого положения формулируется утверждение о том, что современная Россия как государство не имеет и не может иметь своей идеологии. Из этого конституционного запрета государственной идеологии иногда выводится также отрицание возможности и целесообразности выработки общенациональной консолидирующей идеи на основе социальной справедливости в России.

Между тем указанная проблема до сих пор остается актуальной не только для самой России, но и для стран СНГ. Многие их граждане после распада СССР до сих пор, не могут понять какие геополитические и экономические идеи преследует Россия в мире. Мы знаем,

что в отличие современной России СССР имел сильную идеологию, консолидирующую общество и базирующую на идеях гуманизма, социальной справедливости и интернационализма. «Человек Человеку – Друг, Товарищ и Брат» как квинтэссенция новой хозяйственной парадигмы человечества. Замена советской морали и нравственности на идеологию общества потребления «купи-продай» и отсутствие позитивной и масштабной идеологии в новой России в конечном итоге привело в целом к человеческой деградации, к «тотальному помутнению умов» [5], как выражался известный философ Александр Зиновьев.

После катастрофы 1991 г. многие говорили: России не нужна идеология. В этом контексте необходимо задаться вопросом о причинах распада СССР и давать более исторически объективную оценку происшедшего.

Вопреки получившему широкое распространение утверждению СССР был разрушен не «через» бегство республик от Москвы, а в результате политических решений в самой Москве как столице СССР. Как мы помним в апреле 1990 г., был принят закон № 1409 «О порядке решения вопросов, связанных с выходом Союзной республики из СССР», согласно которому законы РСФСР ставились выше законов СССР. А позднее 12 июня 1990 г. Верховным советом РСФСР была принята Декларация о государственном суверенитете Российской Федерации. После этого республикам ничего не оставалось, как удариться в бега от Москвы.

Парадоксально, но факт, что на тот момент почти ни в одной из советских республик о выходе из единого политико-экономического пространства СССР и не помышляли. Напомним, что по итогам референдума 17 марта 1991 г. почти 80 процентов граждан проголосовали за сохранение СССР.

В этом смысле давайте также зададимся вопросом: действительно ли государство на современном этапе обречено на безыдейное существование? На самом деле это далеко не факт. Государственная идеология существует почти во всех «цивилизованных странах». Для ее распространения создается колоссальный идеологический аппарат, который призван, по словам известного философа А. Зиновьева, «вбивать» нужные идеи в головы миллионов людей. И это относится не только к «коммунистическим тоталитарным» странам. Существует убеждение, будто западные общества являются неидеологическими,

но это не так: «В любом обществе существует идеосфера как компонент социальной организации, и западные страны не являются исключением из этого социального закона. Более того, сама идеология есть детище западного мира, продукт западной цивилизации» [5].

Тема государственной идеологии в России стала особенно актуальной после того как в 2014 г. ЕС, США и ряд иных стран ввели против РФ экономические санкции. В свою очередь Россия приняла ответные меры: ограничила с ними торговлю, установив запрет на импорт сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия и др.

В условиях санкций Запада против РФ остро встал вопрос об экономической и политической интеграции со странами СНГ. Но здесь возникает проблема дефицита общенациональных консолидирующих идей.

Спустя 25 лет после распада СССР политические и экономические союзы создать не удастся без ясной политической идеологии, ибо на государственной либерально-рыночной политике «купи-продай» нельзя строить тесные интеграционные процессы между странами СНГ.

На наш взгляд державу наподобие СССР возможно восстановить только на основе идей социализма и дружбы народов. В этом смысле успехи социально-экономических реформ и модернизации Китайской Народной Республики налицо.

Несомненно, либеральные социальные экспериментаторы, которые привели к разрушению СССР в 1991 г., теперь предпочитают не вспоминать свои трагические ошибки и успехи соседнего коммунистического Китая. Парадоксально то, что ответственность за развал Советского Союза и последствия «либеральных реформ 1990-х» несут те же люди, которые сегодня ведут борьбу за власть для продолжения все той же либеральной политики. Вопреки многочисленным многообещающим социальным заявлениям, при антисоциальной политике нельзя консолидировать общество. И естественно, Россию они хотят видеть страной, утратившей идеологический смысл своего существования, и таким образом превратить ее в часть мирового потребительского общества.

После распада СССР планомерно осуществляется мировое или глобальное общество «One World» во главе с США. К сожалению, самой крупной жертвой этой реакции, ее активным участником

на стороне США в 1990-е гг. выступало руководство России. И поэтому неудивительно, что рост и углубление финансово-экономической глобализации стали причиной кризисных явлений в России и странах СНГ. В этом контексте необходимо отметить, что кризис – это оборотная сторона глобализации.

Тем более что стараниями доморощенных ретролибералов дело дошло до чего, что экономику современной России трудно назвать здоровой. Существующая политическая система также переживает кризис, ибо разрушена идеологическая основа государства. Значительным разрушениям подверглась вся система управления государством, образование и наука. Деградирует социальная инфраструктура. Не случайно Лауреат Нобелевской премии по физике, академик РАН Жорес Алферов задает вполне резонный вопрос: «Если гражданина заставляют платить за образование и медицинское обслуживание, пенсию накапливать из собственных средств, жилье и коммунальные услуги оплачивать полностью, по рыночной цене, то зачем мне такое государство?!» [1].

Все это положение усугубляется давлением глобального экономического кризиса, который усиливает депрессивные процессы в России. В ходе проведенных либерально-рыночных реформ в последние 25 лет гражданам РФ, да и СНГ, была искусственно навязана система ценностей, противоречащая традиционным культурным ценностям народов этих стран. Особенно негативную роль играют в этом средства массовой информации, которые распространяют низкопробные материалы, ориентированные на примитивные инстинкты и потребности. Одна из острейших проблем в современной РФ и СНГ – это фальсификация истории СССР – разжигание антисоветизма, негативные коннотации, насаждение презрения и ненависти к советскому прошлому с помощью клеветы. По сути, таким образом ведется информационная война против России. Большинство граждан РФ и СНГ это воспринимают как оскорбление ветеранов Великой Отечественной Войны и попрание традиционных духовных ценностей.

Не секрет, что в основе разрушения СССР и последующей дезинтеграции постсоветского пространства лежала крупномасштабная фальсификация советской истории. Антисоветская информационная война проводилась под предлогом отказа от всего советского, «совка», ради приобщения к благам и ценностям западной цивилизации. Народам навязывались «альтернативные» антиисторические концеп-

ции с целью очернить советское прошлое. В 1990-е гг. либеральные реформаторы в России пришли к выводу, что все советское должно быть отвергнуто «разрушением всего здания политических и экономических отношений» [7].

Думается, это делалось для того, чтобы граждане стран СНГ забыли о завоеваниях социализма. Это прежде всего бесплатная медицина, образование, жилье, минимальная копейная квартплата, отсутствие криминала и наркомании и главное – уверенность человека в завтрашнем дне и гордость за великую страну – СССР.

А теперь приватизировавшая власть и общенациональное богатство бывшая партноменклатура, которая превратилось в правящий класс необуржуазии в РФ и СНГ, «голубая кровь и белая кость», пытается внушить людям, что разделение государства на элиту и плебс закономерно и правильно. В 1990-е гг. квазисоветская партноменклатура возглавила строительство капитализма и теперь мечтает, чтобы к ней обращались «Ваше высочордие» и «Ваше сиятельство».

Таким образом, целенаправленное вытравливание советского прошлого из памяти людей делается с целью их превращения в послушных исполнителей. Фальсификация истории – эффективное оружие информационной войны которое представляет опасность для России, ибо, как заметил известный российский историк В.О. Ключевский, «Народ, не помнящий своей истории – не имеет будущего».

Между тем традиционные ценности народов РФ и СНГ базируются прежде всего на идеях социальной справедливости, правды, преемственности поколений, интернационализма, межнационального и межконфессионального мира, на политических целях и задачах, мобилизующих всех к созиданию.

В настоящее время перед лицом угрозы экономического кризиса и войны российскому обществу не предъявлено ясной общенациональной идеологии и стратегии развития страны.

На наш взгляд, пора четко определить, каковы стратегические цели российского государства, и сформировать механизмы участия общества в их реализации. Особенно важно выработать всеобъемлющую политико-экономическую стратегию для возрождения страны без революционных потрясений и переворотов.

Фальсификации и переписывание истории – неблагодарное дело, которое ведет к усилению раскола не только в России, но и в странах СНГ. Нравится это кому-то или нет, но революции несчетное количество раз совершались в мировой истории.

Например, Великая Французская революция 1789 г., которой до сих пор гордятся французы, а «Марсельеза» – французская революционная песня – стала официальным государственным гимном Франции. Почему французы гордятся революцией? Разве мало крови было пролито, разве не было массовой эмиграции и гильотинизации французской аристократии? При этом никто не отрицает, что Великая Французская революция 1789 г. изменила жизненный уклад не только страны, но и мира, что с нее началась новая прогрессивная эпоха человеческого общества. Для мира символом смены эпох стала французская революция – предмет национальной гордости французов. Не многие страны в своей истории имеют подобные мировые символы. Франции есть чем гордиться.

Англичане тоже гордятся своей революцией, и Кромвель у них – национальный герой, несмотря на то, что в стране победившей монархии он срубил голову царствующему монарху.

В России же и странах СНГ с конца 1980-х гг. не утихает антисоветская истерия в государственных СМИ. Вместо гордости за великое мировое достижение Великой Октябрьской Социалистической революции нам стараются внушить чувство стыда за свою историю.

На примере соседней Украины мы убедились, что перманентная политика антисоветизма приводит к агрессивному буржуазному национализму, стремящемуся к историческому социальному реваншизму.

Проявления и тенденции усиления общего кризиса украинского буржуазного государства в конечном итоге привели к тотальной войне с советскими памятниками, к войне на Донбассе. Почему на Украине так называемой «люстрации» подвергаются все бывшие советские исторические памятники? Потому что война с советскими памятниками – это спор не эстетического характера, а санкционированная на государственном уровне политика «декоммунизации Украины» как проявление тенденции к социал-реваншизму властей.

Россия и страны СНГ в этом году готовятся отмечать 100-летие революции. В данном контексте было бы непростительно забывать об этом и не отметить достижения Октябрьской революции. На наш взгляд, главным достижением Октября 1917 г. является то, что власть в России впервые стала по-настоящему народной.

Исторический опыт СССР доказал возможность жить и развиваться в обществе, устранившем эксплуатацию человека человеком. Не секрет, что социально-экономические и культурные достижения Советской власти были поистине беспрецедентными в мировой истории. Актуально теперь то, что во «внешней политике СССР создал пример равноправного диалога с государствами и народами, предложил альтернативу гегемонистской политике агрессивных империалистических западных стран» [13].

По нашему глубокому убеждению, тесные интеграционные связи между бывшими советскими республиками возможны лишь при том условии, что будет создана новая идеология, сопоставимая с советской идеологией СССР.

Идеологии по мобилизации и модернизации должны по интеллектуальному уровню соответствовать условиям и потребностям наступившего XXI столетия. Новая общенациональная государственная идеология должна базироваться на традиционных народных духовных ценностях народов РФ и СНГ. Прежде всего – это справедливая система распределения доходов, справедливое и неподкупное правосудие, равные возможности самореализации и участия в общественной жизни, доступ всех граждан к образованию и культурным ценностям.

В настоящее время мы видим, как стремясь обеспечить продление своего господства, капитализм уже фактически остановил прогресс. Мировой кризис капитализма все углубляется, а это означает,

что нельзя терять время и двигаться в сторону общественного регресса. Ибо только социальная справедливость – сила,двигающая прогресс.

На наш взгляд, только формирование общенациональной идеи социальной справедливости как прогрессивной социальной системы сделает Россию признанным лидером, способным объединить постсоветское геополитическое пространство.

Библиографический список

1. *Алферов Ж.* Зачем нам такое государство?! URL: <http://ronsslav.com/zhores-alferov-zachem-mne-takoe-gosudarstvo/>
2. *Бобоев Ш.М.* Джамахирия – государство масс народа. М., 2001.
3. *Бушин В.С.* Измена: знаем всех поименно! М., 2007
4. *Евдокимов А.* Перестройка – путь в никуда. М., 2016.
5. *Зиновьев А.* Русская трагедия. М., 2006.
6. *Сюй Хайянь.* Тридцатилетие перестройки в СССР: оценки китайских ученых. Россия и АТР. URL: [CyberLeninka.ru»article...perestroyki...sssr-otsenki...](http://CyberLeninka.ru/article...perestroyki...sssr-otsenki...) (дата обращения: 12.06.2017).
7. *Cohen S.* The breakup of the Soviet Union ended Russia's... // United States Relations with Russia: After the Cold War. URL: <https://2001-2009.state.gov/r/pa/ho/pubs/fs/85962.htm> (дата обращения: 12.06.2017).
8. Post-Soviet Russia The Yeltsin presidency (1991–99). URL: <https://www.theguardian.com › Opinion › Russia> (дата обращения: 12.06.2017).
9. URL: <https://global.britannica.com/place/Russia/Post-Soviet-Russia> (дата обращения: 12.06.2017).
10. *مي عز ي ف هي أر اذه ..؟بم ارت نع يتي فوسل ا داحتال اءاسؤر رخ لاق اذام ايسور.* URL: www.huffpostarabi.com/2016/12/.../story_n_13606714.html (дата обращения: 12.06.2017).
11. 2016. 13 декабря. *عقوت ؁ةنس 25 ذنم يتي ايفوسل ا داحتال ا راي منا لال ا خ ن الكمل ايسور نادقفو ...موقت نأ فوشت ابروغ لئ يئاخي م*
12. URL: <https://arab.rbth.com/politics/2013/08/14/24271.html> (дата обращения: 12.06.2017) *تاحتال ص! يتي ايفوسل ا داحتال ا دعب ام ايسور لصفال وحن ري يغتلا لئ ي دؤت*
13. URL: www.m.ahewar.org/s.asp?aid=341142&r=0 (дата обращения: 12.06.2017) *يعوي شل او يل ام سارل ا جاتن ال ا روطت – نام جوق لئ يق سح لئ ابوم – ندمتمل ا راو حل – ٦*

СТОЛЕТИЕ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЙ В РОССИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ: ИСТОРИКО-ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЕ АНАЛОГИИ

Андрей Борисович Диков

кандидат политических наук

Московский финансово-юридический университет МФЮА

Аннотация. В 2017 г. Россия вспоминает 100-летие судьбоносных исторических событий – падения монархии и Октябрьской революции. В этой связи хотелось бы проанализировать события столетней давности в контексте современного регионального и общероссийского политического процесса

Ключевые слова: раскол элиты, Первая мировая война, авторитет власти, внешнее информационное давление, федеративный и национальный вопрос, низший средний класс

События февраля и октября 1917 г. являются одними из наиболее дискуссионных в гуманитарных науках, поэтому было бы крайне оптимистично претендовать на выработку единой точки зрения. Но так как исследователь-гуманитарий не может быть свободен от оценок, я позволю себе выразить свое мнение по этому вопросу. Начнем с конца. Несмотря на грандиозность поставленных большевиками в октябре 1917 г. задач, они были оплачены огромной ценой, привели Россию к значительным, прежде всего демографическим потерям. Сегодня мы вправе спросить себя: а стоил ли тот социальный эксперимент и воплощение зарубежных теоретических конструкций стольких жертв?

Незаконный захват власти, совершенный в начале XX в. на иностранные деньги, и разрушение самой динамично развивавшейся Российской империи мира позволил повторить подобные преступления и в конце XX в. Либеральные реформы 1990-х гг. были проведены с большевистской жестокостью и столь же фанатичной верой в «передовой» зарубежный опыт и «гениальность» иностранных теоретиков. В итоге Россия второй раз за 100 лет заплатила миллионами русских жизней. Но сегодня важны не только оценки прошлого – они могут быть разными – а их актуальность. Наблюдается ли в современной России пресловутая «революционная ситуация»? И если да, то как избежать развития катастрофического сценария?

В начале 2000-х гг., благодаря политической воле нашего Президента, гайдаровский социал-дарвинистский эксперимент над Россией был частично приостановлен. Это привело к некоторому сокращению массовой бедности, росту продолжительности и качества жизни населения. Восстановление отдельных секторов наукоемкой и оборонной промышленности, рост аграрного производства, укрепление армии и силовых структур – зримые результаты правления В.В. Путина.

Одним из наиболее значимых достижений последних лет стало появление зачатков новой государственной идеологии и осознание Россией своих геополитических интересов. Весной 2014 г. произошло изменение федеральной информационной политики в пользу телепроектов патриотической направленности, что до сих пор вызывает устойчивый зрительский интерес. Поражение прозападных кандидатов на выборах в Государственную Думу в сентябре 2016 г. даже в самых «сытых» одномандатных округах продемонстрировало консолидацию российского общества в отношении возвращения Крыма в состав России.

Однако эти позитивные тенденции и средние цифры по стране не могут служить поводом для всеобщего социального оптимизма. Регионы, особенно Северо-Западного и Центрального федеральных округов, традиционно недополучают те федеральные финансовые ресурсы, на которые вправе рассчитывать как дотационные субъекты федерации. Особенно это касается чрезвычайно низкого уровня среднедушевого финансирования социальной сферы. Доходит до того, что успешные экономические проекты рассматриваются некоторыми «финансовыми гениями» в федеральном центре в качестве предлога для еще большего урезания финансирования, а также для «оптимизации» тех социальных учреждений, которые еще можно «оптимизировать». Это вызывает отчуждение граждан от политических институтов и избирательных процедур, влияет на уровень электоральной поддержки «партии власти», внутри которой отсутствует единство относительно проводимого социально-экономического курса.

Проводя аналогии с событиями столетней давности, можно сделать следующий вывод: рост ВВП страны должен сопровождаться ростом благосостояния экономически активного, занятого населения.

Блестящие мегаполисы и элитные коттеджные поселки нефтегазовой страны как нельзя лучше создают революционную ситуацию там, где качество жизни работающего населения соответствует параметрам первой половины XX в. Это звучит аксиоматически, но не учитывается в полной мере нынешними российскими политиками и вестернизированным деловым сообществом. Но экономический фактор не является решающим в росте революционных настроений.

Беспрецедентные темпы экономического развития Российской империи в конце XIX – начале XX в. не убергли ее от революции. Государству не хватило всего нескольких десятилетий, чтобы успешно завершить начатые при Николае II социальные реформы. Этот период стал «золотым веком» российской науки и культуры, временем шедевров и изобретений мирового уровня. Вопреки мифам, еще до революции в России была введена программа всеобщего начального образования: к 1914 г. в Империи обучалось 11 млн школьников в 140 тыс. школ разных типов. На тот период в женских гимназиях России проходили обучение 337,2 тыс. девушек, в то же время во Франции в «школах для девушек» обучалось только 22 тыс. [6].

В конце XIX – начале XX в. в России было введено социальное страхование рабочих, богател класс крепких крестьян, создавалась городская инфраструктура, рубль стал мировой валютой, стремительно строились железные дороги, были заложены основы электрификации страны. Эти меры привели к беспрецедентному демографическому росту населения Российской империи, но и обозначили противоречия, которые не смогла решить царская власть.

Начавшаяся в 1914 г. Первая мировая война вызвала объективные экономические трудности. Однако снижение уровня жизни не является определяющей причиной революций. Лишь в сочетании с иными противоречиями, в частности, с межнациональными, латентный конфликтный потенциал может резко перейти в открытую форму. В этой связи современная государственная власть должна более активно пресекать стремление «хозяйствующих субъектов» получать свою сверхприбыль за счет ввоза низкооплачиваемой рабочей силы из республик СНГ. Сегодня целые сегменты народного хозяйства в строительстве, торговле, ЖКХ, транспорте и сфере обслуживания заняты иностранцами. Федеральные и региональные власти, видимо, убеждены, что смогут контролировать ситуацию

полицейскими мерами. Примерно так же оценивал положение дел Николай II накануне Февральской революции, занятый отражением внешней военной агрессии и международной политикой.

Туманные, крайне приблизительные данные профильных ведомств по количеству мигрантов, въезжающих в нашу страну, лишь усугубляют и без того непростую межнациональную обстановку. При этом нельзя забывать, что национальные вооруженные подразделения, в том числе из бывших военнопленных, имели непосредственное отношение к событиям 332 октября 1917 г., развязыванию Гражданской войны, массовому террору, разворовыванию и вывозу за рубеж золотого запаса Российской империи и других материальных ценностей, а также убийству отрешенного от престола императора и его семьи [1].

Гражданская война начала XX в. сопровождалась вооруженной агрессией извне, интервенцией, принесшей разорение нашей стране. В сегодняшних условиях любые массовые гражданские волнения грозят обернуться внешним вторжением наших зарубежных «партнеров» под любым надуманным предлогом, например, для сохранения контроля над ядерными объектами. Также велика вероятность агрессии со стороны военизированных подразделений из соседних государств, имеющих бесконечный список исторических претензий к России и ее народу.

Успехи в международной политике способны нивелировать просчеты во внутренней. Однако бравурные отчеты о списании Россией многомиллиардных внешних долгов очередному «стратегическому партнеру» вызывают глухой ропот внутри страны. Рост кредитной и иной задолженности российских граждан, банкротство целых регионов все больше превращается из экономической проблемы в политическую [7]. Укрепление авторитета России на мировой арене пока что сглаживает эти нарастающие проблемы, но ресурс общественного доверия не безграничен.

Справедливые и особенно оборонительные войны способны консолидировать граждан вокруг власти, как это было в августе 1914 г. и во время бескровной военной операции по обеспечению легитимного референдума в Крыму в апреле 2014 г. Следовательно, вооруженное участие России должно восприниматься обычными гражданами как вынужденное и необходимое. Борьба с терроризмом

внутри страны должна быть такой же тотальной и непримиримой, как и в Сирии. Иначе российские граждане начнут все чаще вспоминать известную поговорку: «кому война, а кому мать родна». И задавать вопрос: за что мы воюем, тратя деньги и неся потери в далекой арабской стране?

В 1917 г. народ убедили, что император ввязался в «империалистическую войну» в интересах петербургских заводчиков, своих генералов и «мировой буржуазии». Это лживая информация стала частью информационной войны, которая ведется против России уже в течение десяти веков. Факты таковы, что агрессивная Германская империя в июле-августе 1914 г. объявила Российской империи ультиматум, а потом и войну, которая в тот период была нам крайне невыгодна. России требовалось еще несколько лет для окончания перевооружения армии и флота, о чем было известно немецкому Генштабу.

С запада и юга Россия оказалась окруженной силами трех враждебных империй, но враг смог продвинуться вглубь западнорусских и прибалтийских губерний не более чем на 500 км. Это говорит о том, что войска Николая II профессионально и мужественно защищали родную землю. Война шла с переменным успехом. После летнего отступления 1915 г., в августе того же года император лично возглавил армию. И уже к концу 1916 г. стало понятно, что Россия нокаутировала Османскую и Австро-Венгерскую империи и приступила к добиванию ослабленной Германии. На западе русская армия остановила агрессора, а на юго-востоке и юге опрокинула его, не позволив превратить эту войну в народную, партизанскую [3; 5]. Парадоксально, но это стало основой для пацифистской пропаганды в тылу, развала фронта и бунта в Петрограде в феврале 1917 г., в котором также приняли участие деморализованные части петроградского гарнизона. Сегодня информационная война лишь усиливается, в частности, вбрасывается идея, что армия России воюет в Сирии ради повышения рейтинга власти, будущих нефтяных контрактов и сохранения режима Б. Асада.

Раскол элит, деятельность антироссийских властных клиентелл также ослабляет федеральную власть, решения которой фактически саботируются: при таком количестве чиновников страна пребывает в режиме «ручного управления». В стране утвердилось негласное правило: придет Президент – решат проблему, не придет – про-

блема не решится. Длительные и пустые дискуссии о выборе оптимального пути экономического развития страны создают ощущение слабости верховной власти, неспособной принять решительные меры для устойчивого экономического роста. При этом систематически отвергаются разумные, научно обоснованные предложения по использованию целого ряда новых источников пополнения федерального бюджета и стабилизации цен [6].

К этим мерам относятся: возвращение алкогольной и табачной государственных монополий, введение механизма природной ренты, сокращение расходов на государственный аппарат и бонусы топ-менеджменту госкорпораций, проведение денежной эмиссии, насыщение экономики рублями, радикальное снижение кредитной ставки Центрального Банка, административные меры в отношении владельцев торговых сетей и управляющих компаний в сфере ЖКХ, снижение финансирования экономик стран СНГ, радикальное снижение объемов закупки американских и европейских ценных бумаг.

Но эти меры, предлагаемые ведущими российскими экономистами, не воплощаются на практике из-за явной нехватки политической воли. Федеральное Правительство по-прежнему уповает на цену за баррель нефти, – нам бы хотя бы 70 долл. – смягчение режима санкций и остатки средств из резервных фондов, все больше повышая скрытую и явную налоговую нагрузку на граждан и «сбрасывая» социальные обязательства на региональные власти. Имидж перманентно «Временного Правительства» не может служить стабилизирующим фактором, даже если некоторые министерские посты занимают подлинными профессионалы.

Как и 100 лет назад, существующий курс Правительства России не устраивает ни левых, ни правых, ни даже «партию власти». Но думская оппозиция малочисленна, и произнося ритуальные критические замечания, не в силах повлиять на изменение экономического курса. При этом основная ответственность за его проведение ложится на руководителей исполнительных органов регионального и, особенно, местного уровней. Именно они вынуждены реализовывать майские указы Президента РФ в условиях нарастающего банкротства региональных и муниципальных бюджетов.

Такое несоответствие поставленных задач имеющимся ресурсам лишь усиливает напряженность между разными уровнями

партийно-управленческой бюрократии. Это противоречия пока еще могут быть разрешены в рамках политико-представительных институтов. Однако они предпочитают перекладывать ответственность друг на друга и ожидают решений «сверху». Слабые политические институты, воспринимаемые налогоплательщиками в качестве обузы, стимулируют радикализацию общественных настроений, что наблюдалось и 100 лет назад.

При этом не стоит забывать, что Гражданская война проходила, в том числе, и под лозунгом освобождения от излишне европеизированной («немецкой») правящей верхушки, которая составляла хоть и меньшую, но наиболее раздражающую ее часть. Большевики воспользовались этим обстоятельством для уничтожения значительной части интеллектуальной, церковной, военной и управленческой элиты Российской империи, в большей части русской и глубоко патриотичной.

В сегодняшней России роль «немцев» играет антинациональное гламурное сообщество, так называемый «креативный класс», презирующий «эту страну», ее народ, традиции и законы. При этом статусные либералы, как и в 1990-е гг., продолжают занимать доходные места в СМИ, государственных университетах, творческих организациях и союзах, науке и культуре, имеют свои фонды, НКО, банки. Все это «хозяйство», как и прежде, финансируется в основном за счет средств федерального бюджета или ресурсодобывающих компаний России. Либеральные политики и правозащитники продолжают критиковать власть по любому поводу, впав в коллективную истерику после законного возвращения Крыма в состав России. Данное самозванное «общество» мелких проходимцев берет на себя функции совести нации, но регулярно проигрывает все выборы и публичные дискуссии.

Также безответственно и антипатриотично вели себя некоторые представители петербургского бомонда и правящей верхушки, годами подрывавшие авторитет императора. На определенном этапе внутри этих групп элиты возникла иллюзия, что устранив Николая II, они смогут сохранить свое политическое влияние и капиталы при новом республиканско-демократическом режиме. Но, уповая на созыв Учредительного Собрания, эти элитные группировки явно недооценили разрушительную мощь революционной стихии, которую сами же пробудили.

В этом им активно способствовали иностранные государства, которые поняли, что Россию невозможно победить на поле боя. История возвращения в Россию В.И. Ленина и его соратников в запломбированном вагоне, оплаченном германским Генеральным штабом, хорошо известна. Но антироссийской деятельностью занимались не только немцы, но шпионы и политики из так называемых «стран-союзниц» – Великобритании, Франции, США. Своими действиями они последовательно разрушали Российскую империю изнутри, опираясь на своих марионеток, вроде А.Ф. Керенского и Л.Д. Троцкого.

Сегодняшняя Москва также набита под завязку представителями зарубежных СМИ, фондов, посольств, банков, деловых структур. Эти иностранцы – с погонами и без – нередко выступают с публичными русофобскими заявлениями даже в рейтинговых российских СМИ. Аналогичное участие российских политологов и журналистов в американских и европейских СМИ и популярных ток-шоу невозможно, так как там действует режим жесточайшей цензуры и запрет на въезд российских граждан. В этой связи Россия могла бы ввести симметричные ограничения, которые уже более трех лет действует на Западе в отношении российских политиков, журналистов и общественных деятелей.

Кризис легитимности власти и неспособность реализовывать обыденные управленческие решения являются, пожалуй, наиболее важными причинами роста революционных настроений. Разобщение и слабость институтов царского государственного аппарата и прежней Государственной Думы, борьба фракций внутри Двора и императорской семьи, равнодушие иерархов Церкви, предательство командующих фронтами стали важнейшими причинами крушения монархии в 1917 г. Если это усугубляется экономическими проблемами, вызванными внешними войнами, то вероятность катастрофы все более возрастает.

Учитывая уроки прошлого, современная власть может и должна реагировать на запросы большинства, а также использовать оппозиционный интеллектуальный ресурс для укрепления государства. При этом следует отделять хронически антироссийские и даже русофобские политические силы от оппозиционных. Запоздалые шаги монарха навстречу думской оппозиции и пожеланиям старообрядцев, которые могли бы стать опорой трона, уже не смогли изменить по-

ложения дел. И те, и другие оказались тактическими союзниками большевиков, но в итоге были сметены революцией.

Ключевым отличием большевистской власти от предшественников стало создание «социальных лифтов», позволивших реализовать свои таланты и профессиональные амбиции широким массам населения. Таким образом, был реализован принцип меритократии, отбора лучших из значительного количества профессиональных претендентов. Следование этому принципу создает устойчивость всего политико-социального организма, обеспечивает обратную связь между властью и обществом. Недопустимо, когда компетентные граждане вынуждены годами занимать одну и ту же социальную нишу, не рассчитывая на карьерный рост и повышение доходов. Это неизбежно ведет к демотивации труда и подверженности площадным призывам все «взять и поделить», добиваясь абсолютно любой ценой начальственных кресел при новом режиме.

Революционные настроения всегда концентрируются во дворцах, где внутри узкого правящего слоя возникает проект альтернативы действующему монарху. Однако ударной силой социального протеста является не малочисленная гедонистическая элита или беднейшие слои, занятые выживанием. Эти революционные планы реализует низшая часть среднего класса, как правило, грамотные и относительно образованные – по меркам своего времени – и не голодающие люди. В 1917 г. это были рабочие, разночинная интеллигенция, сельские середняки, младшие офицеры.

Сегодня на площади выходят «рассерженные горожане» – офисные клерки, самозанятая или незанятая молодежь, адепты Интернет-пространства, представители антипутинского бомонда, «работающие бедные», граждане, пострадавшие от мошенничества банковской клептократии или риелторов. Часть этих граждан занята рутинным, бессмысленным, с их точки зрения, трудом без надежд на карьерный рост, другая часть – жертвы криминального бизнеса и слабости властей. Эти люди годами пишут мегабайты официальных обращений в разные инстанции и безрезультатно ходят по судам, не имея возможности добиться правды. Как видно, у этих протестных категорий имеются разные мотивы. Но их всех объединяет неприятие нынешней идеологической, государственной и финансовой системы, которую они готовы разрушить «до основания».

Для преодоления протестных настроений нужна консолидация граждан вокруг общих идей, символов, институтов. Необходимо подлинное общенациональное единство, а не только марширующие колонны под развевающимися флагами и надувными шариками, которые мы видим в дни государственных праздников. Причем важна позиция тех социальных слоев, которые оказывают наибольшее влияние на социальный протест.

К этим страдам относится и молодежь, положение которой неожиданно стало политически значимым после мартовских несанкционированных митингов в Москве и ряде других городов страны. Кстати, опять март, который оказывается судьбоносным для российской верховной власти. Именно в марте произошло избрание Михаила Романова на царство, убийства императоров Павла I и Александра II, отречение Николая II, смерть И.В. Сталина, избрание М.С. Горбачева сначала Генеральным секретарем, а потом и Президентом, президентские выборы В.В. Путина и Д.А. Медведева, грядущие выборы 2018 г.

Считается, что начавшиеся в 2017 г. мартовские протесты, продолжающиеся и в настоящее время, показали недостаточную эффективность проводившейся государственной молодежной политики. В этой связи хочу обратить ваше внимание на один из ключевых документов – государственную программу «Патриотическое воспитание граждан РФ на 2016–2020 гг.» [4].

При несомненных плюсах, эта госпрограмма наполнена сверхобязательствами молодого поколения перед государством. Но при этом в ней отсутствуют статьи о недорогом и качественном питании, удобной, по сезону, одежде, свободном времени на полноценный отдых, чтении книг и посещении музеев, оздоровительного отпуска на море, что является важнейшим концептуальным упущением. Этот текст напомнил мне образцы аналогичных документов прежней эпохи. Однако в советское время задачи перед молодежью ставились в принципиально иных социально-экономических условиях. В то время имелся ограниченный набор гарантированно бесплатных услуг и декларируемая перспектива на пятилетки вперед. Данный подход привел к распространению инфантилизма среди значительной части советских граждан, но создал психологическую устойчивость всего государственного организма, уверенность в завтрашнем дне.

В этой связи позволю себе высказать крамольную, но, возможно, полезную для обсуждения идею. Учитывая объем федерального финансирования данной государственной программы на 2017–2018 гг., представляется разумным направить часть этих финансовых ресурсов непосредственно в адрес объекта данной госпрограммы – нашей молодежи. Введение государственных материальных поощрений, федеральных ежемесячных доплат студентам лучше любых призов и почетных грамот покажет заботу государства о подрастающем поколении.

Еще одним компонентом реальной господдержки могут и должны стать реальные меры государства и делового сообщества по трудоустройству выпускников. Как правило, им предлагается статус «менеджеров по продажам» либо малооплачиваемый труд, что в итоге создает из них оппозиционеров. И власть, и бизнес могли бы использовать позитивный опыт высших образовательных учреждений, в частности, МФЮА, по трудоустройству молодых специалистов. Недопустимо, когда реальные карьерные перспективы предоставляются российской молодежи геополитическими противниками России из так называемых «некоммерческих» организаций, зарубежных фондов и IT-кампаний.

Обращаясь к страницам российской истории, я прихожу к убеждению, что революции, и тем более гражданские войны не возникают лишь по злой воле внешних сил, вследствие войн, слабости силовых структур или экономического кризиса. Этот взгляд на генезис масштабных социальных катаклизмов представляется упрощенным. Ведь не каждое государство при наличии этих причин ввергается в пучину братоубийственной Смуты. В результате Первой мировой войны произошло крушение четырех империй. Однако почти все из них избежали масштабных социальных потрясений вследствие деятельного патриотизма элит.

Резюмируя, можно отметить следующее. Революционная ситуация тесно связана с девальвацией официально провозглашаемых лозунгов, падением авторитета монарха в глазах обычных граждан, расколом элит, межнациональным противостоянием, внешнеполитическим давлением. Так было 100 лет назад, некоторые из этих признаков имеются и сегодня. Своевременное реагирование государственной власти на эти вызовы, а также на, казалось бы,

обыденные, малозначимые на первый взгляд, запросы и законные требования «наших людей», несомненно, приведут к снижению радикальных настроений. Эти повседневные, малые дела властей, даже не связанные с экономикой, более важны, чем малопонятные обывателю мантры о таргетировании инфляции, цифровой экономике и инвестиционном климате.

Прошедшие через перестройки и реформы российские граждане уже имеют достаточный опыт в оценке ресурсного потенциала власти. Наши люди примерно представляют себе, какой набор проблем государственная власть способна своевременно и эффективно решать. Реагирование власти на эти разноуровневые вызовы и общественные запросы позволит России в очередной раз подтвердить свой статус великой державы и пройти через нынешние испытания. Объективная интерпретация событий начала XX в. и непредвзятый анализ современного положения поможет нам избежать новой Смуты, лимит на которые русский народ давно исчерпал.

Библиографический список

1. *Васильева С.Н.* Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны: учебное пособие. М., 1999.
2. *Глазьев С.* Президент нуждается в реалистичной экономической программе. URL: http://www.glazev.ru/econom_polit/528/ (дата обращения: 05.07.2017).
3. *Головин Н.Н.* Россия в Первой мировой войне. М., 2016.
4. Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 гг.». URL: <http://government.ru/media/files/8qqYUwwzHUXzVkH1jsKAErrx2dE4q0ws.pdf> (дата обращения: 05.07.2017).
5. *Китанина Т.М.* Россия в Первой мировой войне, 1914–1917 гг.: экономика и экономическая политика: курс лекций. СПб, 2016.
6. *Сапрыкин Д.Л.* Образовательный потенциал Российской Империи. М., 2009.
7. *Фаляхов Р.* Регионы уходят в долг. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2015/06/04/6745678.shtml> (дата обращения: 05.07.2017).

МИРСАИД СУЛТАН-ГАЛИЕВ И ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ КРЫМСКОЙ АССР В 1921 Г.

Григорий Николаевич Кондратюк
доктор исторических наук, доцент
Крымский инженерно-педагогический университет
(г. Симферополь)

Аннотация. В статье проанализированы концептуальные подходы большевиков к проведению национальной политики в Крыму. Изучена роль Мирсаида Султан-Галиева в формировании политики коренизации.

Ключевые слова: Крымская ССР, коренизация, Султан-Галиев.

Национальная политика в Крымской АССР была тесно сопряжена с кадровой политикой в ВКП(б). По своему этническому составу коммунистическая партия на полуострове являлась русско-еврейской. Удельный вес представителей национальных меньшинств был крайне незначительным. Особенно острой данная проблема была в первой половине 1920-х гг. Необходимы были коммунисты, которые в национальных сообществах воспринимались бы с доверием, как выходцы из этого народа. Так называемые «ленинские призывы» в качественном отношении оказались очень слабыми.

Для того, чтобы сформировать необходимый идейно-теоретический уровень новых коммунистов, в Симферополе была создана Совпартшкола имени Щербатова. В школе функционировали два отделения – крымскотатарское и немецкое. Деятельность Совпартшколы была тесно сопряжена с работой национальных секций в составе Крымского Областного комитета ВКП(б). В составе крымскотатарской секции, носившей название Облтатбюро, работали представители крымскотатарской интеллигенции, многие из которых прежде состояли в партии Милли-Фирка. Местное партийное руководство было вынуждено с этим временно мириться, поскольку иных кадров подчас просто не было.

Своей деятельностью партия Милли-Фирка приобрела популярность и поддержку у крымскотатарского народа, поэтому игнорировать ее было нельзя. Партийные работники крымского обкома достаточно плохо представляли себе местную специфику, поэтому

без крымскотатарских работников обойтись не могли. Опыт советского строительства, наработанный в центральных губерниях России в начале 1920-х гг., механически переносился и внедрялся в Крым. Поэтому в конечном итоге крымские большевики были вынуждены пойти на сотрудничество с бывшими миллифирковцами: «Имея во всех уголках Крыма своих людей и пользуясь и пользуясь количественной и качественной слабостью таткоммунистов, она (Милли-Фирка. – Г.К.) сумела определить себя как единственную представительницу крымского татарского населения... Недостаток большевистских кадров среди татар в Крыму привел к тому, что почти каждый, кто вступал в ряды ВКП(б), сразу получал должность в советских, кооперативных и других органах. Миллифирковцы эффективно использовали это положение и назначали своих людей на ключевые должности (в районных исполкомах, кооперативах, национальных средних учебных заведениях)» [1, ф. П.-150, оп. 1, д. 167, л. 15].

Очерченная ситуация была характерна не только для Крыма, но и для других республик РСФСР, в частности, для Татарской АССР, республик Северного Кавказа. ВКП(б) была еще слаба, чтобы своими кадрами и влиянием охватить процессы в национальных республиках РСФСР. В начале 1920-х гг. в Крыму сложился удивительный феномен сотрудничества вчерашних миллифирковцев и национал-коммунистов, при этом первые играли ведущую роль. Это объясняется тем, что количество крымских татар-большевиков в крымской организации было чрезвычайно мало.

Большевистская доктрина для крымских татар была чужеродным явлением. Крымскотатарская интеллигенция в 1920-х гг. была влиятельной политической силой. Ее политическая программа была сформирована под влиянием идей младотурецкой революции 1908 г. Много крымских татар обучалось в Турции и стало непосредственными свидетелями этих революционных событий, разделяя идеи младотурок. Влияние младотурецких идей в сравнении с концепцией большевизма на формирование программы и идеологии национальной интеллигенции крымских татар было несравненно большим. Крымскотатарская интеллигенция отображала интересы крестьян.

Влияние интеллигенции были вынуждены признать руководители крымского обкома ВКП(б) в аналитической записке: «Наиболее сильной в политическом отношении социальной группой является

татарская национальная интеллигенция. Она сильна тем, что сосредоточивает в своих руках образованность на турецком и татарском языках и исторические национальные тенденции и традиции крымских татар. ...Она представляет собой технические кадры татарской государственности» [1, ф. П.-1, оп. 1, д. 194 л. 4].

Известный крымскотатарский писатель Абибулла Одабаш сравнивал крымскую автономию с мешком, а то, чем будет наполнен этот мешок, зависело, по его мнению, от самих крымских татар. Основными направлениями деятельности национал-коммунистов и интеллигенции стало участие крымских татар в советском государственном строительстве путем работы в государственных учреждениях, создания национальных сельских советов, развитие культурно-просветительских учреждений, издательств, изб-читален и клубов.

Таким образом, кадровой проблематике, национальной политике, принадлежало одно из ведущих мест во внутрикрымских событиях межвоенного периода. Это подтверждают выводы, сделанные Мирсаидом Султан-Галиевым, заместителем И.В. Сталина в Народном комиссариате по делам национальностей (Наркомнаце) РСФСР.

М. Султан-Галиев был направлен Наркомнацем РСФСР в Крым для обследования ситуации, которая сложилась на полуострове. Мирсаид Султан-Галиев пробыл на полуострове почти полтора месяца в феврале-марте 1921 г. По итогам поездки он подготовил доклад наркому по делам национальностей И.В. Сталину. Во время полуторамесячного пребывания в Крыму М. Султан-Галиев помог в налаживании работы Татарского бюро крымского обкома партии. Становление бюро происходило сложно из-за недостатка опытных партийных работников и уничижительно-подозрительного отношения со стороны руководства обкома. Так, М. Султан-Галиев принял участие в заседании областного татарского бюро 23 марта 1921 г. На заседании бюро с докладом о состоянии дел на местах выступил Исмаил Фирдевс. И. Фирдевс указал на необходимость принять срочные меры для привлечения крымских татар в советские органы власти [3, л. 20].

С Исмаилом Фирдевсом Мирсаида Султан-Галиева связывала общность взглядов на национальную политику, а также личная

дружба. Мирсаид Султан-Галиев в 26 лет стал председателем Центрального мусульманского комиссариата Наркомнаца РСФСР. Он был одним из наиболее глубоких теоретиков в национальном вопросе. М. Султан-Галиев стремился найти общее для ислама и коммунистической концепции: коллективизм, приоритет общественных интересов, стремление к равенству и социальной справедливости, обязанность помогать бедным. М. Султан-Галиев понимал, что необходима была максимальная гибкость и терпимость в построении национальной политики в отношении тюркских народов. Территории тюркских народов (Крым, Казань, Уфа) по мысли М. Султан-Галиева должны были стать очагами революции, искры из которых «зажгут Восток» и разрушат колониальную систему. Однако для этого необходимо было решить комплекс внутренних национальных проблем в РСФСР, прежде всего, провести земельную реформу и поднять культурно-образовательный уровень.

Одновременно М. Султан-Галиев считал, что освободительное движение в колониях недооценено большевиками. Эта недооценка, по его мнению, состояла в том, что большевики рассматривали это движение исключительно как мелкобуржуазное, ограниченное заданиями туземной буржуазии колоний и полуколоний, и не уделяли ему должного внимания, в то время как интересы международной социальной революции требовали поддержки этого движения. И не только поддержки этого движения, но и руководства им [4, с. 446].

М. Султан-Галиев столкнулся с существованием в крымской партийной организации острой межфракционной борьбы. Эта борьба проходила как между русской и крымскотатарской частями организации, так и среди самих коммунистов-крымских татар. В среде крымских татар сложились группы «правых» и «левых» коммунистов. Они отличались по таким критериям, как использование тактических приемов, теоретические подходы к решению национальной проблематики, а также возраст и регион происхождения в Крыму. «Левые» коммунисты были более молоды и происходили из региона Южного берега Крыма. «Правые» являлись старшим поколением коммунистов, в основном выходцами из Бахчисарая. Линия водораздела проходила также по отношению к «переселенческому вопросу». Крымские татары рассматривали Крым как свою историческую родину и делить ее ни с какими переселенцами не желали. Национал-

коммунисты стремились сформировать крымскую автономию как свою национальную, наполнив ее реальным содержанием, полностью реализовав статус крымскотатарского народа как коренного.

Острая межфракционная борьба в крымской партийной организации достигла своего апогея в 1926 г. Эта дискуссия проходила на фоне общепартийной борьбы с «уклонами и оппозицией». После смерти В.И. Ленина в 1924 г. в РКП(б) происходила борьба за лидерство, эта борьба и вызвала к жизни оппозиционные течения. Дискуссия в крымской партийной организации была вызвана также характером проведения практических мероприятий коренизации. Согласно большевистской концепции коренизация состояла в том, что практические мероприятия должны были устранить отставание в развитии между различными народами. Эта мысль И.В. Сталиным была сформулирована так: «Суть национального вопроса в РСФСР в том, чтобы отменить ту фактическую отсталость... наций, которую они унаследовали от прошлого, чтобы дать возможность отсталым народам догнать центральную Россию и в государственном, и в культурном, и в хозяйственном отношении» [3, с. 39]. Безусловно, это очень упрощенное объяснение межнациональных отношений не могло найти поддержки среди функционеров крымского обкома ВКП(б).

Необходимо учесть также, что первые секретари обкома партии Крымской АССР в 1920-х гг. были троцкистами. Это Израйлович, Носов, Д. Петропавловский. Политическая ориентация лидеров крымской партийной организации влияла на подбор низового звена кадров. Наличие кадров обеспечивало быстроту и качество реализации внутренней государственной политики. Фракции крымского обкома ВКП(б) видели мероприятия новой экономической политики и коренизации во временной перспективе не одинаково. Партийцы-крымские татары стремились максимально полно реализовать открывшиеся возможности курса коренизации. Не случайно его трактовка получила название «татаризация». Среди российских функционеров такого видения не было. Фактически в коренизации они видели временную меру, возможность взять под контроль национальные процессы и интеллигенцию в регионах. М. Султан-Галиев в мае 1923 г. писал: «У нас в партии существовали и продолжают существовать два типа работников: а) те, которые заражены великодержавностью, а иногда и чисто великороссийским шовинизмом. Эта

группа работников обычно всегда борется с национальными образованиями, стремясь не допустить их создания, и борется за власть в этих национальных образованиях в случае их возникновения, сопротивляясь на каждом шагу возрастанию влияния в них туземных работников» [4, с. 451].

Об этом процессе в крымской партийной организации можно судить по следующим цифрам. Так, в октябре 1925 г. из 6130 коммунистов крымской парторганизации крымских татар было 440 человек, что составляло 7,2 % от общей численности. Фактически в этническом отношении ВКП(б) в Крыму была русско-еврейской партией – 76,1 % общей численности организации. Поэтому долгосрочная политика «татаризации» не могла быть близкой для данной части организации.

Движущей силой татаризации были «правые» и «левые» коммунисты крымские татары. Это деление среди татарских работников существовало в общероссийском масштабе, в частности в Казани [1, ф. П.-1, оп. 1, д. 314, л. 25]. Национал-коммунисты стремились в первую очередь расширить подготовку квалифицированных кадров из числа крымских татар и этим решить в ближайшем будущем кадровое наполнение национальной автономии. В концепции национал-коммунистов прослеживалась мысль о том, что в среде крымских татар отсутствует классовая дифференциация, либо она не носит выраженного характера. С их точки зрения крымские татары объединены целью национального возрождения и участия в строительстве автономии. Четко прослеживался приоритет национальных интересов перед классовыми. С точки зрения национал-коммунистов наличие классовой борьбы «задержало бы культурное развитие татар, ослабило бы общий фронт татар против великодержавного шовинизма» [1, ф. П.-150, оп. 1, д. 112, л. 193].

Совершенно иная точка зрения на внутренние процессы была у руководства крымского обкома. При крымском обкоме ВКП(б) в 1924 г. работала специальная комиссия по национальному вопросу. В ее состав входили такие руководители республики, как А. Иванов, О. Дерен-Айерлы, Мустафа, Шварц, Р. Ногаев, М. Бекиров, У. Балич. Анализируя выполненную работу, члены комиссии констатировали: «Все время наблюдалось формальное отношение российских товарищей к национальному вопросу, что часто проявлялось в пере-

кладывании всей вины на отсутствие в организациях, руководимых татарами, на немногочисленных коммунистов, на татсекцию, что тормозило практическую постановку вопроса» [2, с. 7].

Национал-коммунисты тесно взаимодействовали с интеллигенцией, возглавившей творческую энергию крымских татар. Это были вынуждены признать и партийные руководители. На VII областной конференции секретарь обкома Израйлович обратил внимание на то, что «...среди этих масс татар есть сильная группа татарской интеллигенции, которая чувствует за собой большое право на руководство среди татар» [1, ф. П.-1, оп. 1, д. 118, л. 21]. Это была интеллигенция в первом поколении, тесно связанная с крестьянской средой. Крестьяне были основными носителями традиционной культуры, языка и национализма. В вопросе отношения к распространению русского языка и культуры взгляды «правых» национал-коммунистов и национальной интеллигенции совпадали. Пролетарская концепция культуры воспринималась ими одинаково, и как российская, и как чужеродная. В письме, адресованном в ЦКК ВКП(б), Осман Дерен-Айерлы отмечал: «Считалось, что замена содержания российской культуры (литература, искусство) не заменяет ее национального характера, ее ассимиляторского значения» [1, ф. П.-1, оп. 1, д. 770, л. 125].

Огромная работа была проведена в сфере административно-территориальных преобразований. В 1930 и 1935 гг. был создан целый ряд национальных районов. В частности, девять крымскотатарских, два немецких и два еврейских национальных района. Создание национального района стало низовым уровнем в советской государственности. Для каких-то народов было предусмотрено создание автономной республики, для других – края, округа или района. Дискуссионным является вопрос о критериях выбора формы для определенного народа и проведении границ образования. В частности, границы еврейских и немецких районов не привели к абсолютному доминированию евреев и немцев в этих административных образованиях.

Советские служащие в национальных районах должны были быть людьми той национальности, для потребностей которой сформирован данный район. Значительной сложностью в Крымской АССР являлся подбор таких кандидатур, где бы национальный критерий со-

впадал с партийной принадлежностью. Усилия центральных органов власти и управления были приложены по переводу делопроизводства на национальные языки, прежде всего крымскотатарский, немецкий и идиш. С целью подготовки советских служащих ЦИК Крымской АССР организовывал курсы. Наиболее многочисленными были курсы председателей и секретарей сельских советов. Запрос на них был очень существенным.

Со второй половины 1920-х гг. в Крыму проводилась программа «разукрупнения» сельсоветов. Уменьшалась площадь сельского совета, количество входивших в него населенных пунктов, и главное, сельсовет должен был быть этнически однородным. Чаще всего жители обращались в сельские советы, и они не должны были выглядеть как национально чуждые. Власть и граждане должны были говорить на одном языке в буквальном смысле слова. Низовые советские органы должны были выполнить своеобразную роль «приводного ремня» в отношении практических мероприятий внутренней политики. В отчетном докладе на девятой областной партийной конференции в мае 1924 г. секретарь обкома РКП(б) Уфимцев подчеркивал, что «Советский аппарат, центральный аппарат по нашему глубокому убеждению, по возможности и потребностях будет татаризирован. В районах с преимущественно татарским населением аппарат также поддался татаризации, и в некоторых районах дела неудовлетворительны, в целом в исполнительных комитетах Крыма и в сельсоветах мы имеем 39,3 %» [1, ГАРК. ф. П.-1, оп. 1, д. 310, л. 69].

Интересно и показательно, как Уфимцев оценивал характер, содержание крымской автономии. Секретарь крымского обкома считал, что: «По признаку меньшинства была создана национальная автономная республика». Этим меньшинством были крымские татары. Такая трактовка не могла не привести к дискуссиям и конфликтам на различных уровнях. Коренизация рассматривалась большевистскими лидерами так временное явление с целью удержания и концентрации политической власти. Для ВКП(б) национальные аспекты должны были быть подчинены вопросам классовой борьбы.

Дискуссии по вопросам внутренней политики происходили, как правило, на периодических областных конференциях и на заседаниях пленума и бюро Крымского областного комитета партии. Об остроте полемики можно судить по содержанию заявления, при-

сланного группой делегатов девятой областной партконференции в ЦК ВКП(б). В ней, в частности, указывалось: «Принципиальной ошибкой является также неправильное регулирование взаимоотношений между отдельными национальностями Крыма. ОК и его руководитель т. Петропавловский делали попытки затушевать роль татарского вопроса, как основного вопроса в Крымской республике, что искажает цель создания и существования республики в Крыму, что вызывает естественное удивление среди рядовых туземных работников, усложняет и затрудняет возможности проведения всех мероприятий партии и советской власти» [1, ф. П.-150, оп. 1, д. 167, л. 26].

В феврале 1926 г. с заявлением в секретариат крымского обкома ВКП(б) обратились Вели Ибраимов и Осман Дерен-Айерлы. В заявлении было высказано несогласие с практическими мероприятиями в области внутренней политики, проводимой обкомом во главе с секретарем Дмитрием Петропавловским. Рассмотрение заявления состоялось 9 февраля 1926 г. на закрытом заседании бюро крымского обкома совместно с президиумом Крымской областной контрольной комиссии. Осман Дерен-Айерлы во время обсуждения так формулировал причины, которые заставили его написать заявление: «Забвение татарского вопроса ощущается во всех выступлениях т. Петропавловского. Во всех сферах... вопросы для татар отходят на задний план... татаризация учреждений проводится недостаточной» [1, ф. П.-3, оп. 1, д. 162, л. 282].

В январе-феврале 1927 г. состоялась XII областная конференция ВКП(б). Докладчиком по проблематике внутренней политики, национальных отношений был народный комиссар просвещения Усеин Балич. У. Балич так формулировал задания государственного строительства: «...правильное понимание национального вопроса в условиях советского строительства состоит в том, чтобы все вопросы нашей политики и государственной жизни, как строительство партии, скажем, как строительство нашего хозяйства... должны решаться при неизменном условии учета того факта, что мы живем и действуем в многонациональной стране и что все вопросы нашей общей политики... должны решаться при одновременном разрешении и вопросов нашей национальной политики» [1, ф. П.-1, оп. 1, д. 591, л. 157 об.].

Безусловно, важной стороной советской национальной политики являлся ее адресный характер. С известной долей условности можно выделить несколько направлений национальной политики в Крымской АССР. Прежде всего, максимально значительный комплекс мер в отношении крымских татар. Крымские татары были объявлены коренным народом, и основные административные меры и финансирование были уделены, прежде всего, им. Для крымских татар были выделены наибольшие квоты среди советских служащих в народных комиссариатах. Проводившаяся земельная реформа призвана была наделить землей, прежде всего, крестьян крымских татар. О важности данного направления национальной политики можно судить по созданию специального структурного органа при ЦИК Крымской АССР. Он получил название Комиссия по татаризации советского, производственного и кооперативного аппарата. Данная комиссия управляла осуществлением коренизации только в отношении крымских татар. Периодически комиссия проводила совещания крымских татар коммунистов, на которых рассматривались наиболее сложные вопросы осуществления коренизации.

Безусловно, ключевыми вопросами, требовавшими решения пусть и в советском формате, были осуществление власти и доступ к экономическим ресурсам.

Библиографический список

1. Государственный архив Республики Крым.
2. Коммунистический вестник. 1924. № 9.
3. *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 5. М., 1947.
4. *Султан-Галиев М.* Избранные произведения. Казань, 1998.

СМЫСЛ ПЕРЕЛОМНОЙ ЭПОХИ НАЧАЛА XX В.

Людмила Николаевна Семенова

доктор исторических наук, доцент

Белорусский национальный технический университет (г. Минск)

Аннотация. В статье анализируется процесс смены циклов капиталистического развития и обосновывается, что начиная с XIX в. Россия противостояла капиталистической системе с её лидерами – Великобританией и США. Делается вывод от том, что смысл переломной эпохи начала XX в. в контексте развития мировой системы капитализма определяется выходом из системы России-СССР на фоне смены циклов капиталистического накопления с британского на американский. Этот перелом еще более обострил глубинное противостояние между североатлантическим капитализмом и евразийской системой.

Ключевые слова. Капитал, мировая капиталистическая система, системный цикл капиталистического накопления, территориалистская империя, мировая война, революция.

Как при сломе предмета становится видным его внутреннее устройство, фактура, так и в переломные эпохи обнажается нутро исторического процесса, многослойная структура социальной системы. Пытливые умы современников и последующих исследователей получают возможность за калейдоскопом наблюдаемых событий считать более глубокие смыслы, постигать длительные перспективы, по словам Ф. Броделя, на разных «сценических площадках». Что же обнажила переломная эпоха начала XX в., кульминацией которой стала Первая мировая война и Русская революция 1917 г. с ее Февральской и Октябрьской вехами? Представим широко обсуждаемую в современной литературе позицию в контексте теории капитализма.

К началу XX в. в глубоком кризисе оказалась мировая капиталистическая система, теория которой стала разрабатываться школой миросистемного анализа И. Валлерстайна. В отличие от капитала, понимаемого в качестве любого актива, овеществленного труда, приносящего прибыль, капитализм – это система, в которой оформляются социальные институты, необходимые для развития капитала и вместе с тем ограничивающие его функционирование в его же долгосрочных перспективах. Дж. Арриги сравнивает капитализм с волнообразно достраивающейся системой контроля (не производства и обмена) над рыночными отношениями и политикой государств [1, с. 6]. В силу

имманентно присущего капиталу трансграничного экспансионизма капитализм, первоначально охватывая ряд стран, составляющих его системное ядро, но постоянно расширяя региональные сферы своего применения за счет полу- и периферии, формируется и развивается только как мировая система, причем иерархически организованная. Зародившись в XVI в., капитализм к началу XX в., за практически четырехвековой путь своего развития, пережил ряд серьезных кризисов, прежде всего связанных со сменами системных циклов капиталистического накопления и соответственно – лидерства в мировой капиталистической системе.

Согласно Дж. Арриги, первым был генуэзский цикл накопления, однако при финансово-торговом лидерстве Венеции, превратившим Испанию и Португалию в колониальные империи. Затем с XVII в. последовал второй, голландский цикл. И Венеция, и Соединенные провинции выстраивали финансово-торговые цепочки (Голландия – в большей степени уже сети), бывшие опорой их монополии в европейских финансах и мировой торговле и управлении европейской межгосударственной системой – Вестфальской системой международных отношений, вне которых пребывала еще значительная часть мира. Россия, развиваясь самостоятельно, торговала с этой системой, продавая ей пеньку, лес и подобные товары, стараниями Петра I училась у нее, осваивала премудрости кораблестроения и прочие технологические новшества, но не была включена в нее.

Третий системный цикл капиталистического накопления – британский, пик которого пришелся на XIX в., – был уже принципиально другим. Pax Britannica характеризовался, по словам Дж. Арриги, «беспрецедентной централизацией мировой власти в руках одного государства – Великобритании». «...только Великобритания одновременно принимала участие в политике всех регионов мира и – что более важно – занимала ведущие позиции в большинстве из них. Впервые цель всех предыдущих капиталистических государств – стать хозяином, а не слугой глобального баланса сил – была в полной мере, хотя и ненадолго, достигнута ведущим капиталистическим государством эпохи» [1, с. 97]. Достигнуто это было за счет сочетания сетевой капиталистической и традиционной территориалистской имперской структуры, обеспечения мировой торгово-финансовой и промышленной монополии. Под руководством Великобритании активно налаживались международные коммуникации через железные

дороги и морские перевозки, за счет чего происходила невиданная политико-экономическая и переселенческая колонизация незападного мира. Дж. Арриги аргументировано называет британскую гегемонию фритредерским империализмом. Разностороннее могущество Великобритании позволило ей в одностороннем порядке следовать идеологии и практике свободной торговли, выкачивая из мира прибыли и ресурсы для себя и глобальной финансовой олигархии, сосредоточенной теперь в Лондоне. На земном шаре практически не осталось крупных регионов, в том или ином качестве не вовлеченных в мировую капиталистическую систему.

Теперь не миновала сия участь и Россию. В середине XIX в. Россия – «житница Европы», «фабрика по производству зерна» для «фабрики мира» Великобритании – еще имела с ней положительный торговый баланс. После Крымской войны противники России, они же – страны ядра мировой капиталистической системы под руководством Англии – уничтожили русский промышленный протекционизм и широко открыли русский рынок для экспансии своих капиталов. Прежде всего этим воспользовался французский капитал, но Франция, повторив путь Голландии, из соперника превратилась в младшего бизнес-партнера Великобритании. Недаром 1850–1860-е гг. стали «золотыми годами» британского процветания. Однако с 1870-х гг. Великобритания стала утрачивать свою торгово-промышленную монополию. Ее главными конкурентами стали США и Германская империя.

Менее могущественные Венеция и Голландия беспощадно расправлялись с поднимавшимися конкурентами, пока, в конце концов, не примирялись с ними и не встраивались в их более сильные системы. Как же должна была биться с набиравшими силу соперниками за свою гегемонию Британия? Эта борьба, определившая движение к новому системному циклу капиталистического накопления в первой половине XX в., и стала пульсирующим нервом переломной эпохи. Борьба Великобритании с США и Германией была по сути дела борьбой «со своими» – «младшими членами» возглавляемой Британией капиталистической системы Запада. С США после войны 1812 г. боролись преимущественно политическими интригами, пока в конце концов уже в середине XX в. не уступили им партию первой скрипки. Германию чужими руками сокрушали в ходе двух мировых войн. В воронку этой борьбы так или иначе были втянуты практически все страны мира, в том числе и Россия.

Мировая капиталистическая система не единожды втягивала Россию в свои «разборки». Капитал предпочитает решать свои задачи в тиши кабинетов, но при этом отнюдь не гнушается и политических действий, подогревая и направляя в выгодные для себя русла революции и войны. В таких случаях Россия – не торговая, а военная держава, как подчеркивали русские императоры, – была и сухопутным театром военных действий, и «пушкой» в боевых действиях для морских государств, особенно для Англии. Достаточно вспомнить ее хитроумную политику по формированию антинаполеоновских коалиций, в которых главная роль военного противоборства с Францией отводилась исключительно России. О Великобритании же ее премьер-министр Д. Ллойд Джордж в начале Первой мировой войны недвусмысленно сказал, намекая на финансы: «Мы и во время прежних войн побеждали при помощи серебряной пули» [2, с. 24].

Однако в начале XX в. обнажилась еще одна линия противостояния мирового капитализма, возглавляемого именно Великобританией, и России. Выстраивая крупнейшую в мире территориалистскую империю, Англия столкнулась с принципиально иной пространственной системой – Россией. Это был не внутрисистемный, а межсистемный конфликт. Как пишет А.И. Фурсов: «После наполеоновских войн ключевой чертой, осью евразийского и мирового развития становится борьба между двумя типами и логиками геоисторического развития, воплощаемыми североатлантическим, англосаксонским (англо-американским) миром, капитализмом, с одной стороны, и евразийским, русским (русско-советским) миром, представленным самодержавием, а затем коммунизмом, – с другой» [4, с. 114]. Переход к очередному системному циклу капиталистического накопления – американскому, еще более усугубил это сущностное противоречие.

Исходя из стратегии такой разноуровневой борьбы, Великобритания и выстраивала политическую тактику в начале XX в. в целом, и в Первой мировой войне – в частности: руками России разбить Германию, и «всеми возможными руками» разбить Россию. Отсюда и совместное членство с Россией в Антанте, и одновременно – закулисные переговоры ее участников о разделе России. Разбить Россию военными средствами оказалось невозможным. Поэтому ставка была сделана на революционные потрясения. И в краткосрочной перспективе план был близок к выполнению. Пало самодержавие, закончила существование Российская империя, губительная инъекция

двоевластия уже стала вспарывать тело русской системы. Большевики, установив единую советскую власть, казалось бы, могли наметить новый вектор развития, но они радели за мировую революцию, Соединенные Штаты Европы, и здесь интересы Коминтерна вполне совпадали с интересами «Фининтерна». Более того, они стали проводить новую экономическую политику, в рамках которой повели Советскую Россию прямо в объятия мировой капиталистической системы. Но на рубеже 1920–1930-х гг. ситуация изменилась. По словам А.И. Фурсова, «Команда Сталина свернула проект “мировая революция”, который в лучшем случае сохранял Россию в качестве сырьевого придатка “передового Запада”, в худшем – превращал ее просто в хворост, в расходный материал, и начала строить “социализм в одной, отдельно взятой стране”, красную империю – четвертый Рим как системный антикапитализм» [3]. Именно советский социализм, по словам А.И. Фурсова – системный антикапитализм, и переломил ход развития мировой капиталистической системы. СССР вернулся на путь собственного системного развития, вынудив мировой капитализм к серьезному структурному реформированию для разрешения глубоких противоречий.

Смысл переломной эпохи начала XX в. в контексте развития мировой системы капитализма определяется выходом из системы России-СССР на фоне смены циклов капиталистического накопления с британского на американский. Этот перелом еще более обострил глубинное противостояние между североатлантическим капитализмом и евразийской системой.

Библиографический список

1. *Арриги Дж.* Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени. М., 2006.
2. *Ллойд Джордж Д.* Речи, произнесенные во время войны: Воспоминания. Мемуары Мн., 2003.
3. *Фурсов А.И.* Большая война XX века // Андрей Фурсов: видео, пресса, работы, форум, поиск. URL: http://andreyfurov.ru/news/bolshaja_vojna_khkh_veka/ (дата обращения: 30.05.2016).
3. *Фурсов А.И.* Русская власть, Россия и Евразия // Русский интерес. М., 2015.

ПЕНСИОННАЯ РЕФОРМА В РОССИИ И ВЫЗОВЫ БЮДЖЕТНОГО КРИЗИСА

Аркадий Константинович Соловьев

доктор экономических наук

Пенсионный фонд Российской Федерации (г. Москва)

Аннотация. В статье анализируются особенности реформирования пенсионной системы Российской Федерации в течение последних 25 лет. Рассматривается проблема повышения пенсионного возраста и актуальные вопросы развития страховой пенсионной системы.

Ключевые слова: пенсионная система, федеральный бюджет, пенсионные обязательства, бюджетный кризис, пенсионеры.

В нашей стране, несмотря на систематические реформы, пенсионная система по-прежнему остается не страховой и все более зависимой от государственного бюджета. Причины этого заключаются в том, что все номинально-радикальные реформы не затрагивают институциональной сущности пенсионного процесса. Основная проблема, с которой приходится постоянно сталкиваться за 25-летний период реформ пенсионной системы – это представление о ней как об автономной части нашего общества, не зависимой от макроэкономики страны и глобальных мировых процессов. В то же время давно необходимо осознать, что пенсионная система – это абсолютная производная часть экономики, демографии и рынка труда, и соответственно, все ее социальные и экономические параметры должны быть обусловлены современным и будущим состоянием указанных общественных институтов.

Функционирование пенсионной системы зависит от многих факторов, причем изолированное рассмотрение механизма воздействия на пенсионную систему, к примеру, демографических факторов, без учета влияния других факторов, например, макроэкономических, неизбежно закрепляет факт неустойчивости российской пенсионной системы на долгосрочную перспективу. Для того, чтобы стать эффективной, пенсионная система должна взаимодействовать с экономикой на паритетных условиях, а не использоваться как инструмент регулирования дефицита госбюджета.

Многочисленные пенсионные реформы в нашей стране были направлены на перестройку тех или иных элементов исключительно самой пенсионной системы: проведены манипуляции с размером

тарифа страховых взносов, изменением структуры трудовой («страховой») пенсии и сопряженных с ней материальных доплат, расширением или, наоборот, секвестром льгот и привилегий отдельным категориям участников пенсионной системы (работодателям, наемным работникам, индивидуальным предпринимателям, работающим пенсионерам, женщинам с детьми и многодетным матерям, жителям «северных» и приравненных к ним территорий и т.п. Совершенно очевидно, что в полном отрыве от адекватной корректировки соответствующих общественных институтов ни одна из проведенных реформ не могла дать сколько-нибудь позитивного результата.

Современный бюджетный кризис в России потребовал окончательного приведения отечественной пенсионной системы к объективной реальности – созданию реального дееспособного экономического механизма взаимоотношений всех участников пенсионной системы, непосредственно вытекающих из ее целевой функции – обеспечение достойного материального обеспечения жизни человека, утратившего трудоспособность (по старости, инвалидности или в случае потери кормильца). При этом должен быть решен ключевой институциональный вопрос – о страховом или «не страховом» механизме формирования пенсионных обязательств государства, то есть в какой степени и в какой форме каждый человек должен участвовать в формировании собственных пенсионных прав. В цивилизованных западных пенсионных системах, основанных на страховых принципах, ответственность всех участников пенсионной системы четко определена и нормирована.

В условиях углубления бюджетного дефицита на предстоящий плановый период 2017–2019 гг. одной из главных его причин называется «неоправданный» рост государственных социальных расходов, обусловленных принятыми государственными обязательствами. На первом месте среди потребителей «завышенных» государственных бюджетных обязательств традиционно находятся пенсионеры, которые с каждым годом требуют все больше денег на выплату своих пенсий, поскольку их численность ежегодно увеличивается, а галопирующая инфляция подталкивает номинальный рост размеров пенсии.

И действительно, расходы государственной системы обязательного пенсионного обеспечения растут из года в год в номинальном выражении. Причин такого роста много, но только одна из них – демографически обусловленное увеличение общей численности

пенсионеров – не дает покоя «независимым» экспертам, которые вот уже четверть века упорно агитируют общественность приступить к принудительному сокращению численности получателей страховой пенсии.

Правда, изначальная инициатива сокращения расходов на выплату пенсии принадлежит Всемирному банку и МВФ, которые еще полвека назад для сокращения расходов федерального бюджета настоятельно рекомендовали всем странам с «переходными экономиками» два универсальных метода:

- передача части пенсионных обязательств от государства в негосударственный сектор экономики на основе индивидуально- и / или корпоративно-накопительных пенсионных программ, с целью ограничения социальных функций государства, и перенесения экономической ответственности за все виды социальной защиты на самих работников и их работодателей;
- секвестр численности пенсионеров путем увеличения пенсионного возраста.

Эксперимент с добровольными и обязательными накопительными пенсионными программами в нашей стране уже реализован, теперь всерьез взялись за повышение пенсионного возраста. Причем, учитывая кризисно-бюджетную сиюминутную конъюнктуру, повышение возраста назначения пенсии обосновывается как главный – и даже безальтернативный – вектор изыскания бюджетно-финансовых резервов для преодоления как текущих, так и предстоящих финансовых трудностей.

Исходный аргумент для «экономического обоснования» повышения пенсионного возраста традиционный – пример европейского Запада, где уже давно перешли на 65-летний рубеж (даже без гендерных различий), а значительная часть стран ОЭСР уже приступила к переходу на 67-летний возраст. На этом фоне отечественный возраст назначения – в 55 лет для женщин и 60 лет для мужчин – выглядят весьма архаично. В качестве дополнительного аргумента к успешной международной практике используется такой исторический факт, что указанный возраст был установлен еще советским декретом без малого столетие назад (на рубеже 1920–1930-х гг.), когда общая продолжительность жизни (ОПЖ) составляла немногим более 35 лет. Понятно, что в таком контексте современная отечественная ОПЖ (65 лет – у мужчин и 75 лет – у женщин), которая

по международным критериям находится где-то в середине второй сотни государств с «переходной экономикой», может рассматриваться как весьма впечатляющее достижение.

Однако, для того, чтобы делать научные выводы и принимать практические решения в рамках российской современной пенсионной системы, необходимо разобраться с несколькими статистическими фактами, которые принципиально меняют картину.

Во-первых, для страховой пенсионной системы, которую у нас с большим запозданием от всех других советских стран построили, критерием служит не среднестатистический возраст с момента рождения, а продолжительность жизни с момента назначения пенсии. По такому критерию за исследованный почти столетний период (1930–2015 гг.) наблюдаются весьма скромные изменения

Наряду с демографическими и институциональными факторами установления пенсионного возраста необходимо особенно аргументировано отнестись к двум, по сути, целевым критериям повышения возраста:

- влияние возраста на уровень материального обеспечения пенсионеров – при каком периоде получения страховой пенсии каждый застрахованный получит максимально возможный результат;
- влияние возраста на финансовую обеспеченность государственных пенсионных обязательств – при каком периоде выплаты пенсионная система обеспечивает максимальную актуарную (долгосрочную) устойчивость (сбалансированность прав и обязательств), и по возможности – экономию финансовых ресурсов.

Очевидно, что экономические критерии практически являются альтернативными, поскольку поддержание, а тем более повышение уровня материального обеспечения пенсионеров требует увеличения финансовых расходов, в то время как любая «оптимизация» расходов федерального бюджета неизбежно сопряжена со снижением размера пенсий в настоящем или будущем периоде. Поэтому рассмотрение названных выше экономических аспектов проблемы пенсионного возраста необходимо начинать с обоснованного выбора точки равновесия – сбалансированности экономических и социальных интересов. Нарушение этого равновесия в любую сторону приведет в дальнейшем к негативному результату.

При определении показателя, отражающего эквивалентность прав и обязательств, необходимо исходить из признания первично-

сти государственных обязательств, для получения которых каждый застрахованный должен иметь к моменту наступления страхового случая необходимый объем страховых прав.

Необходимо отметить, что ни в одной из стран Западной Европы, повысивших пенсионный возраст, нет столь высокого, как в России, соотношения между периодом, в течение которого человек накапливает свои права (трудоспособный период жизни – до пенсионного возраста), и периодом, когда он получает пенсию (то есть ожидаемой продолжительностью жизни – после назначения пенсии).

Несмотря на то, что демографические условия в нашей стране не могут служить объективным основанием для повышения пенсионного возраста, в условиях развития страховой модели формирования пенсионных прав именно низкий пенсионный возраст является одним из тормозов для «зарабатывания» страховой пенсии в достойном размере.

В таком – собственно балансово-страховом – контексте проблема пенсионного возраста никогда и никем не рассматривалась. Институциональная особенность страхового подхода (как альтернатива – демографическому) к пенсионному возрасту заключается в том, что застрахованное лицо обязано сформировать необходимый объем своих пенсионных прав на весь период их реализации (период получения пенсии). Только на этой основе можно добиться долгосрочной (актуарной) устойчивости и бюджетной независимости пенсионной системы и защитить ее от возможных бюджетных кризисов.

Библиографический список

1. *Гурвич Е.Т.* Принципы новой пенсионной реформы // Вопросы экономики. 2011. № 4.
2. *Гурвич Е.Т., Кудрин А.Л.* Старение населения и угроза бюджетного кризиса // Вопросы экономики. 2012. № 3.
3. *Ляшок В.Ю., Назаров В.С., Орешкин М.С.* Факторы роста размера пенсий в современной России // Финансовый журнал. 2016. № 1.
4. *Медведев Д.А.* Новая реальность: Россия и глобальные вызовы // Вопросы экономики. 2015. № 11.
5. *Назаров В.С.* Будущее пенсионной системы: параметрические реформы или смена парадигмы? // Вопросы экономики. 2012. № 9.
6. *Соловьев А.К.* Повышение пенсионного возраста и бюджетный дефицит: тактическая выгода и стратегические потери // Экономическая политика. 2016. № 2.

РЕЖИМ «КРАСНЫХ КХМЕРОВ» И ИСТОРИЧЕСКАЯ КАТАСТРОФА КАМБОДЖИ

Роман Иосифович Файншмидт
Высшая школа экономики (г. Москва)

Аннотация. В данной статье будет рассмотрено такое историческое событие, как революция в Камбодже и приход к власти так называемого режима «красных кхмеров» Коммунистической партии Кампучии, прославившегося крайне жестокой идеологией и геноцидом населения страны. В итоге за время правления режима, в период с 1975 по 1979 гг., полностью была разрушена экономика, было убито от 1,5 до 3 млн человек из 7–7,5-миллионного населения, а сама Камбоджа до сих пор оправляется от этой катастрофы как в экономической, так и в социо-культурной плоскостях.

Ключевые слова: Камбоджа, Демократическая Кампучия, красные кхмеры, геноцид, маоизм, катастрофа

XX столетие было полно множеством переломных событий – таких, как революции, гражданские войны, приход авторитарных и тоталитарных режимов, колониальные переделы и антиколониальные войны, а также две мировые войны. Многие страны мира были затронуты тем или иным переломным моментом в истории. Некоторые из событий унесли миллионы жизней (например, количество жертв во Второй мировой войны составило более 72 млн человек), в то время как другие, изменив ход развития государств и регионов, прошли бескровно (примером чего является «Революция гвоздик» в Португалии, предопределившая демократизацию страны и начало третьей демократизационной волны) [7]. Тем не менее, некоторые повороты оказались настолько резкими, что приводили к разрушению государства и гибели миллионов людей. Одним из таких переломных поворотов является приход к власти сил «красных кхмеров» в Камбодже и создание тоталитарного государства, базировавшегося на принципах аграрного социализма с уничтожением любых элементов, потенциально опасных для подобного строя.

Для лучшего понимания национальной катастрофы следует учитывать культурные и исторические особенности камбоджийского общества. Прежде всего, согласно политологу С. Хантингтону, Камбоджа вместе с соседними Таиландом и Лаосом относится к буддийской цивилизации [2, с. 22–50]. Тем не менее, в первых королевствах,

появившихся на территории нынешней Камбоджи, исповедовался индуизм, который заложил основы мирного сосуществования религий и культур. С XII в., в период расцвета Кхмерской империи, началось массовое распространение буддизма тхеравады, отличавшегося своим достаточно невоинственным и социально гармоничным характером. Кроме того, буддийские традиции оказались в итоге так крепки, что до сих пор имеют сильное влияние на развитие современного камбоджийского общества, а 96,9 % населения отмечают высокое религиозное значение буддизма в своей жизни [5]. С 1863 г. Камбоджа стала французской колонией в качестве протектората, что может быть рассмотрено как фактор, затормозивший экономическое развитие страны и способствовавший возникновению ряда внутренних конфликтов. В 1953 г. Камбоджа получила независимость, ее королем стал Нородом Сианук.

Несмотря на получение суверенитета, государство столкнулось с рядом проблем, включая экономическую отсталость, политическую разобщенность, повсеместную коррупцию, а также раскол общества на относительно богатых горожан и крайне бедных крестьян (особенно в северной и западной частях страны), определивший возникновение социального антагонизма и затем – гражданской войны. Тем не менее, одной из главных проблем Камбоджи в 1960-е гг. стало ее геополитическое положение: находясь на пересечении интересов социалистического и прозападного блоков, страна вынуждена была лавировать между внешнеполитическими интересами США с одной стороны и СССР вместе с КНР – с другой, что в итоге предопределило прямое вовлечение Камбоджи в войну между Северным и Южным Вьетнамом, а следовательно, к общественному расколу. В течение 1960-х гг. непоследовательная политика Н. Сианука привела к разрыву отношений с США и размещению военных сил Северного Вьетнама, что нарушило нейтралитет государства, хотя при этом король активно боролся с прокоммунистическими силами в стране, включая движение «красных кхмеров». В 1970 г., в связи с военным переворотом Лон Нола и провозглашением Кхмерской Республики, началась эскалация конфликта и активное вмешательство во внутренние дела со стороны США, Южного Вьетнама, а также Северного Вьетнама. Итогом противостояния стало поражение сил Лона и падение Пномпеня 17 апреля 1975 г., что предопределило приход «красных кхмеров» и начало государственного строительства по новой, аграрно-революционной модели.

Новое государство, управляемое «красными кхмерами», получило название Демократической Кампучии и приняло специфичную форму правления, совмещающую однопартийную систему и тоталитарную диктатуру маоистской (аграрно-социалистической) идеологии. При этом система руководства находилась в полной тайне от общественности, а руководители именовались братьями: так, Председателем Совета Министров (фактически главой государства) являлся Пол Пот, во всех официальных источниках именуемый Брат № 1. Более того, новообразованное государство полностью закрывалось от всего мира, сохраняя отношения только с КНР, КНДР, Вьетнамом и Албанией. Внутреннее обустройство общества базировалось на идеях неприятия всего современного и западного как опасного для морального облика, а рассадником «вредных идей» были признаны города, поэтому их существование было признано вне закона, а все население (в том числе и городское) должно было переселиться в сельскую местность, в сформированные коллективные хозяйства (коммуны), в которых люди обязаны были заниматься возделыванием полей по 16–20 часов в день за миску риса и при полном отсутствии выходных и праздничных дней. Коммуны представляли собой отдельную административно-территориальную единицу, состоявшую из примерно 10 тыс. человек и контролировавшую абсолютно все стороны жизни каждого ее члена, включая отношения между друзьями и полами, а также рождение детей. Все имущество – а это только одежда и обувь (остальное, включая украшения, предметы быта и гигиены, было запрещено) – объявлялось общим и принадлежало коммуне, а любая попытка собрать тайный урожай или даже сорвать ягоду без соответствующей санкции коммуны каралась смертной казнью. При этом коммуны не имели права иметь контакты друг с другом.

Режим Демократической Кампучии был полон множества других запретов и ограничений. Так, большая часть техники (особенно городской), а также все асфальтированные дороги подвергались уничтожению. Школы, библиотеки, больницы и университеты были закрыты и взорваны. Более того, был объявлен полный запрет на чтение книг, использование письма и знание иностранных языков, как и на любые товарно-денежные отношения и ношение одежды нереволюционного типа. За нарушение подобных правил и предполагаемые связи с предыдущим режимом были почти полностью расстреляны

следующие категории населения: бывшие предприниматели, врачи, преподаватели, школьники и студенты; любой, кто владел каким-либо иностранным языком, носил очки или был замечен в увлечении европейской модой или культурой (были полностью истреблены музыканты, представлявшие различные направления камбоджийского рока, например, певица Ros Serey Sothea). Кроме того, вне закона были объявлены все существующие религии, а монахи, священники и преданные последователи религий отправлялись в концлагеря, где умирали от пыток и голода. Следует особо подчеркнуть, что режим проводил аресты и последующие казни комплексно: забиралась полностью вся семья (за исключением детей до 10 лет, которые отправлялись в специальные агитационные лагеря). К тому же, для защиты от возможного недовольства практиковалась система доносов и этнических чисток по отношению к китайцам, вьетнамцам и тямам. Опорой революционных модернизаций и проведения открытых репрессий служили подростки от 10 до 16 лет, происходившие из бедных крестьянских семей и готовые идти на все ради построения «идеального коммунистического общества».

Режим «красных кхмеров» просуществовал с 1975 по 1979 гг. и был ликвидирован вьетнамским вторжением, однако за это время он успел нанести серьезный ущерб развитию всех сфер жизни общества. Так, оценки количества убитых за годы диктатуры варьируются от 1,5 до 3 млн человек из 7–7,5 млн камбоджийцев, то есть от 20 % до 43 % от всей численности населения [3]. Особый урон был нанесен экономическому развитию: Камбоджа рассматривается как одно из беднейших государств Юго-Восточной Азии с небольшими очагами промышленности. Только в 2000-е гг. Камбодже после 30-летнего перерыва удалось возобновить приток инвестиций в страну, а также вновь начать экспорт сельскохозяйственных продуктов, включая рис. Системы образования и медицины, несмотря на свое второе рождение, остаются на крайне низком уровне, слегка превосходя состояние 1973 г. по качеству и охвату. В период диктатуры были запрещены многие виды традиционных ремесел и танцев, и только с середины 1990-х некоторые из них были возвращены в культурную жизнь. Современная культура получила свое развитие уже в 2000–2010-е гг. (например, так называемый Khmer Pop). Кроме того, камбоджийскому обществу пришлось заново учиться принимать многообразие

религий и культур и терпимо относится к их последователям, прежде всего, к христианам и мусульманам.

Таким образом, после четырехлетнего правления режима «красных кхмеров» страна прошла через радикальный социально-экономический и культурный перелом. Традиции совместной жизни, существовавшие на этой территории тысячелетиями, были разрушены, а общество превратилось в своего рода «тоталитарную казарму». Была истреблена значительная часть населения, в основном относящаяся к интеллектуальной верхушке общества. Только спустя почти 40 лет удалось прийти к дорежимным показателям и вернуться к традициям: страна снова называется Камбоджа (а не Кампучия), главой является король, вновь основой общества представляется буддизм, а экономика ориентирована на капиталистическое развитие и открыта миру. После коренного перелома Камбоджа учится жить заново – так, как это было до гражданской войны, но уже с учетом тех проблем, которые могут привести к народному недовольству и всеобщему хаосу.

Библиографический список

1. *Дементьев Ю.П.* Кампучия: крах маоистского эксперимента. М., 1979.
2. *Мосяков Д.В.* Социально-политическое развитие Камбоджи в XX веке: деревня и власть. М., 1999.
3. Cambodian Genocide// World Without Genocide. URL:<http://world-withoutgenocide.org/genocides-and-conflicts/cambodian-genocide> (дата обращения: 15.02.2017)
4. *Chandler D.P.* Brother Number One. A Political Biography of Pol Pot. N.Y., 1999.
5. Global Religious Landscape 2010 – Religious composition by country // Pew Research Center. URL: <https://www.bc.edu/content/dam/files/centers/jesinst/pdf/Grim-globalReligion-full.pdf> (дата обращения: 12.02.2017).
6. *Huntington S.P.* The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs. Summer 1993. Vol. 72. № 3.
7. World War 2 Statistics// Second World War History. URL:<http://www.secondworldwarhistory.com/world-war-2-statistics.asp> (дата обращения: 12.02.2017).

РАЗДЕЛ 3. ЛИЧНОСТЬ И ЕЕ РОЛЬ НА ПЕРЕЛОМЕ ЭПОХ

ПЕРЕЛОМНАЯ ЭПОХА РОССИЙСКОЙ НАУКИ: ИВАН ЕФИМОВИЧ ОРЛОВ

Галина Викторовна Арапова

Московский финансово-юридический университет МФЮА

Аннотация. Дается краткое размышление о судьбе логического исследования, проведенного И.Е. Орловым в переломный период российской истории 1916–1928 гг. Рассматриваются три исторических вопроса относительно судьбы статьи «Исчисление совместных предложений»: почему И.Е. Орлов не написал ни одной другой статьи по логике после 1928 г., почему критикуя формальную логику, он все же написал серьезную работу именно по формальной логике и почему эта статья долгое время находилась в забвении.

Ключевые слова: Иван Ефимович Орлов, исчисление совместных предложений, релевантная логика.

Один из исследователей истории логики В.А. Бажанов задается вопросом: «по каким причинам преуспевающий, казалось бы, философ, активный член общества “Воинствующих материалистов”, работы которого публиковались в ведущих изданиях Советской России – в журналах “Под знаменем марксизма”, “Красная новь”, “Воинствующий материалист” и т.п. ... предпочел расстаться с философией и заняться важной хозяйственной темой – химическими методами получения йода и брома?» [1].

Следует отметить несколько вопросов, связанных с судьбой логико-философских исследований Ивана Ефимовича Орлова (1886–1936). Во-первых, довольно необычным является факт, на который указывает В.А. Бажанов, а именно то, что не известно ни одной работы И.Е. Орлова по логике, которая была бы написана после 1928 г., что особенно странно, так как именно эта статья признается современными исследователями как значительный прорыв в логике.

Во-вторых, И.Е. Орлов в некоторых своих работах жестко критиковал формальную логику (в частности, в процессе критики построения вычислительных машин, искусственного разума), однако сам написал статью о развитии «формальной логики». Так, Вернер Штельцнер (2002 г.) пишет, что И.Е. Орлов претерпел глубокое и удивительное изменение в своей философской позиции и в отношении к логике. Его работы до 1925 г. полны заявлений о превосходстве марксистско-ленинской диалектики по отношению к формальной логике, тогда как его эпохальная работа «Исчисление совместности предложений» показывает поразительное отклонение от идеологической ориентации его ранних работ [12, р. 137–171]. В. Штельцнер подтверждает идейные изменения указанием на переход И.Е. Орлова от публикации статей в журнале «Под знаменем марксизма» к «Математическому сборнику».

В-третьих, статью, содержащую разработку нового на тот момент направления неклассической логики, которое сейчас называют релевантной логикой, начали цитировать и изучать в нашей стране только в 1978 г. (В.М. Попов), а на Западе только в 1990-х гг.

В нашем коротком обзоре мы попытаемся разрешить эти три вопроса истории логики.

В творческой деятельности инженера-гидравлика, химика и логика было два длительных периода, когда его публикации не выходили. До публикации статьи «Исчисление совместных предложений» в 1928 г. в публикационной активности И.Е. Орлова был также перерыв с 1916 по 1923 гг., однако этому перерыву можно найти вполне приемлемое объяснение: смена власти, сложный период для философии в России. Также необходимо учесть и вполне формальные причины, ведь смена идеологии в философии означает и изменение периодики. Например, журнал «Вопросы философии и психологии», в котором были опубликованы две статьи И.Е. Орлова [4, с. 356–388; 5, с. 1–35] из трех написанных им на тот момент, прекратил свое существование в 1918 г., а первый журнал, в котором начали появляться его статьи после 1917 г., «Под знаменем марксизма», начал выходить только в феврале 1922 г. Вполне возможно, что отсутствие статей не означало остановки в работе, так как позже, в 1924 г., философ опубликовал большое количество работ.

Что же касается публикаций после 1928 г., то действительно, произошла значительная перемена, но уже не в количестве публи-

каций, а в их тематике – И.Е. Орлов не опубликовал более ни одной работы по логике или философии, и писал только статьи по химии. Основное объяснение прекращения логико-философских исследований – это идеологическое давление, хотя нельзя полностью отбрасывать и субъективные причины (о личной жизни Орлова и его творчестве нам практически ничего не известно). Возможно, он просто стал интересоваться химией больше, чем философией. Может, он решил, что статья решила проблему формальной логики, или же, по версии Штельцнера, он просто не смог найти решения вновь появившихся проблем. Однако мы полагаем, что есть достаточно веские основания считать, что И.Е. Орлов прекратил свои исследования в том числе и вследствие идеологического давления. Так, уже в сноске к статье 1924 г. «Логика формальная, естественнонаучная и диалектика» появляется, на наш взгляд, идеологическая реакция на его понимание роли формальной логики. Видимо, во избежание обвинений в адрес редакции в принятии формальной логики, в ссылке указывалось, что «редакция считает неполной и недостаточной характеристику диалектического метода, даваемую в статье т. Орлова, что объясняется отсутствием в ней критики недостатков эмпиризма Милля» [7, р. 69].

В этой статье И.Е. Орлов писал, что вопрос о взаимоотношениях формальной логики и диалектики недостаточно освещен, и что хотя диалектика противопоставляется формальной логике, однако между ними нет той взаимоисключающей противоположности, какая существует между материалистической диалектикой и метафизикой, что необходимо признать относительное значение формальной логики, а в диалектическом рассуждении могут иметь вспомогательное значение формально-логические моменты.

Также он указывал на то, что в формальной аристотелевской логике утверждается, будто истинность следствия зависит от истинности посылок, однако принимается и то, что даже если посылки ложны, заключение может оказаться истинным, – значит, истинность посылок не является необходимым условием истинности вывода. На этом основании, считал И.Е. Орлов, необходимо принять неаристотелевскую логику, в которой истинность следствия есть необходимое условие истинности его посылок. Таковую логику с правильным отношением между посылками и выводом он сам называл естественнонаучной логикой.

Иногда указывают, что И.Е. Орлов подвергал критике формальную логику. Действительно, он писал: «Еще никто не открыл посредством алгебры логики никаких новых истин, никто не прибежал к ее помощи на практике в каких-либо затруднительных обстоятельствах», но этим он показывал не ненужность формальной логики как таковой, а невозможность ее использования для создания искусственного разума. И.Е. Орлов считал, что формальная логика ограничена, и наше мышление не сводится только к формальной стороне [6, с. 137–153]. В этом вопросе указывают на недальновидность И.Е. Орлова как исследователя, так как формальная логика действительно стала основой создания компьютера. Однако мы полагаем, что позицию И.Е. Орлова по этой проблеме нельзя считать опровергнутой, так как вопрос о том, мыслит ли машина или же она лишь очень сложный калькулятор, не решен окончательно.

Вообще судьба логики И.Е. Орлова довольно необычна. Сам он считал свою новую систему логикой естествознания, а его современники, относили ее к формальной логике, не учитывая его деление логики на формальную и естественнонаучную. Однако и наши современники также относят его систему к формальной, хоть и неклассической логике. Отсюда высказывания о поразительной смене идеологии И.Е. Орлова, то есть его переходе от критики формальной логики к ее разработке. На самом деле его идеи последовательно приводят к построению системы, которую теперь называют релевантной логикой. Это, собственно, и является ответом на второй вопрос о внезапной смене идеологии. То есть можно говорить о том, что нет никакой смены идеологии, изменения отношения к формальной логике: отношение философа к формальной логике изначально не было жестко критическим.

Еще один аргумент в пользу подавления философско-логических исследований И.Е. Орлова – это его позиция в споре между «механистами» и «диалектиками». Философ разделял позицию механистов, которые после 1926 г. объединились вокруг Тимирязевского научно-исследовательского института и выпустили в свет несколько сборников «Диалектика в природе» (Вологда, 1928). Однако к 1929 г. дискуссия между «механистами» и «диалектиками» закончилась поражением «механистов». Вторая Всесоюзная конференция марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений, заслушав доклад А.М. Деборина «О современных проблемах

философии марксизма-ленинизма», приняла резолюцию, в которой отмечалось, что «наиболее активным философским ревизионистским направлением за последние годы являлось течение механистов». «Ведя, по существу, борьбу против философии марксизма-ленинизма, не понижая основ материалистической диалектики и подменяя на деле революционно-материалистическую диалектику вульгарным эволюционизмом, а материализм – позитивизмом, объективно препятствуя проникновению методологии диалектического материализма в область естествознания и т.д., – это течение представляет явный отход от марксистско-ленинских философских позиций» [5, с. 153–174]. Несомненно, это могло повлиять на дальнейшую судьбу логико-философских изысканий ученого того времени. Вопрос относительно логики, а значит, и основных идей И.Е. Орлова, судьба уже полностью решила. Гр. Баммель писал в одном из номеров этого же журнала в 1929 г., что «материалистическая логика не может согласиться с “обычной логикой”», когда она «формалистически отделяет мышление от объективности» [2, с. 2] и т.д., с этого момента формальная логика будет методично отвергаться и критиковаться. Эта борьба идей не привела к давлению на самих ученых, она просто устранила формальную логику и возможность всякого ее оправдания, или хотя бы скромного принятия формальной логики как второстепенной дисциплины. Но так как И.Е. Орлов занимался именно вопросами естественнонаучной логики, индукции, то для него просто не оставалось никакой возможности для дальнейшей работы в этой области.

Перейдем к третьему и последнему вопросу. Исчисление совместных предложений, опубликованное в разгар дискуссии о роли формальной логики, имело сложную историю. О том, что существует аксиоматизация релевантной логики 1928 г., западные логики узнали только в 1990-х гг.

Первые ссылки на работу И.Е. Орлова появились за пределами СССР, но только в библиографических обзорах и списках, в частности в 1928 г. в «The Jahrbuch uber die Fortschritte der Mathematik» и в библиографическом списке Алонзо Черча в 1936 г. [11, р. 201]. Позже И.Е. Орлов упоминался только в 1978 г. в отечественных работах (отзыв на критику возможности искусственного разума) Г.Н. Поварова, А.Е. Петрова и В.М. Попова в 1982 г. [8] и 1986 г. [9],

и далее уже в 1990-х гг. (Chagrov and Zakharyashchev, 1990), где логика И.Е. Орлова упоминается в нескольких предложениях как первая аксиоматизация системы S4. Р.Э. Яворский пишет о том, что идея описания свойств доказуемости средствами модальной логики была предложена независимо И.Е. Орловым (1928) и К. Геделем (1933) [10, с. 123–135]. На вопрос, почему работа И.Е. Орлова не привлекла к себе внимания, трудно ответить. Возможно, это связано с тем, что сам философ не был известен среди логиков, или же в связи с тем, что это была одна-единственная статья, или его идеи были представлены недостаточно убедительно. Можно также предположить, что его статью не прочитали, так как она была написана на русском языке, но внесли в библиографические списки, так как была небольшая аннотация на французском языке.

Вопросы о первенстве того или иного научного открытия довольно часто возникают в науке, но этот случай нам кажется не совсем обычным, так как исследование И.Е. Орлова было опубликовано значительно раньше, кого признали.

Библиографический список

1. *Бажанов В.А.* История логики в России и СССР: (концептуальный контекст университетской философии). М., 2007.
2. *Баммель Гр.* Ленин и проблема логики в марксизме // Под знаменем марксизма. 1929. № 4.
3. *Огурцов А.П.* Подавление философии // Суровая драма народа: Ученые и публицисты о природе сталинизма. М., 1989.
4. *Орлов И.Е.* Об индуктивном доказательстве // Вопросы философии и психологии. 1916. Кн. 135.
5. *Орлов И.Е.* Реализм в естествознании и индуктивный метод // Вопросы философии и психологии. 1916. Кн. 131.
6. *Поваров Г.Н., Петров А.Е.* Русские логические машины // Кибернетика и логика. М., 1978.
7. Под знаменем марксизма. 1924. № 6–7.
8. *Попов В.М.* О системе совместимости предложений И.Е. Орлова. Тбилиси, 1982.
9. *Попов В.М.* Система И.Е. Орлова и релевантная логика // Философские проблемы истории логики и методологии науки. М., 1986.

-
10. Яворский Р.Э. О пренексном фрагменте логики доказуемости с кванторами по доказательствам // Математическая логика и алгебра: сборник статей к 100-летию со дня рождения академика Петра Сергеевича Новикова. М., 2003.
 11. Church A. A bibliography of symbolic logic // The journal of symbolic logic. 1936. Vol. I. № 4.
 12. Werner Stelzner Compatibility and relevance: Bolzano and Orlov // Logic and Logical Philosophy. 2002. Vol. 10.

ЛЕОНИД ФЕДОРОВ: ЕДИНСТВО И СОВРЕМЕННОСТЬ

Александр Вадимович Ермаков

Московский финансово-юридический университет МФЮА

Аннотация. Статья посвящена жизни и деятельности блаженного экзарха Леонида Федорова – главы русских греко-католиков. Дан краткий обзор истории разделения христианской церкви, поясняющий деятельность экзарха. Определены основные вехи жизни Л. Федорова – становление его религиозных взглядов, учеба и духовная деятельность, а также отмечены гонения со стороны советской власти и мученическая кончина.

Ключевые слова: экзархат, греко-католики, христианство, революция, Россия.

В 2017 г. Россия и весь мир отмечают столетие грандиозного события, изменившего ход истории как нашей страны, так и, не преувеличивая, всего мира. Стоит отметить, что в отечественной историографии и через 100 лет после Октябрьской революции нет однозначного взгляда на происходившие тогда события. Современный рыхлый эклектичный подход, стремящийся соединить несоединимое, безусловно, не может придать высокого потенциала для развития как исторической науки, так и всего российского общества. Однако есть вопросы в истории Октябрьской революции, на которые у историков взгляды однозначны, причем как у отечественных, так и у зарубежных.

Так, речь пойдет о взаимоотношении государства и церкви. Ни для кого не секрет, что после прихода большевиков к власти христианская церковь стала гонимой на всей территории образовавшегося Советского Союза. Коммунистическая идеология сделала борьбу с церковью своей официальной программой [6]. Вопрос, дискуссионный в историографии – что является движущей силой в истории: личность или народные массы? Однако относительно Революции 1917 г. историки, как привило, едины – роль исторических личностей в произошедших событиях была колоссальна. Столкновению государства и церкви, роли личности на переломе эпох будет посвящена данная статья.

Сама христианская церковь развивалась бурно и драматично. Зародившись в далекие времена, в римской провинции Иудея, она,

так сказать, побочным образом, вступила в жесткое идеологическое противоречие с официальной религией, с государством [7, с. 27–67]. После разгрома Иудейского восстания центр христианства окончательно переместился в город Рим – столицу и центр тогдашнего мира [2, с. 54–59]. Показав небывалую, героическую стойкость простых адептов, мучеников, церковь в итоге победила империю – Миланским эдиктом 313 г. христианство было признано разрешенной религией, а эдиктом *Cunctos populos* 380 г. Феодосия Великого – официальной [5, с. 330]. Внешняя опасность миновала, однако оставалась опасность внутренняя. Христианскую церковь изначально сотрясали расколы, смуты и ереси. Для объединения всех христиан предпринимались Вселенские соборы, которые были призваны разрешить спорные моменты догматики, установить единое истинное вероисповедание. И действительно, после 325 г. было установлено единое Никейское исповедание веры [4, с. 28–39]. Однако решение вопросов высокодуховных не устранило вопросов человеческих, а именно – споров о власти и подчинении. Рим рассчитывал и далее оставаться центром христианства, Восток же, Константинополь, сам видел себя в такой роли. Нагнетание ситуации вылилось в Великую Схизму 1054 г. [3, с. 567] – разделение церкви на Восточную (Православные церкви) и Западную (Католическую церковь). Русь восприняла христианство от Византии еще в 988 г., до Великой Схизмы. Крещение произошло в восточном обряде, однако и после 1054 г. Русь с одинаковым почтением относилась как к Риму, так и к Константинополю еще долгие годы [11]. Деятельная Западная церковь не могла сидеть сложа руки, и всю последующую историю стремилась к воссоединению церковей путем заключения Уний [3, с. 568–569] – союзов, при которых поместная церковь признает власть папы Римского, однако остается верна всем местным обрядам и установлениям (*sui juris*). Не обошло униатство и Россию: в нашей стране Уния неразрывно связана с именем ныне беатифицированного Католической церковью человека – блаженного экзарха Леонида Федорова.

Леонид Федоров родился 4 ноября 1879 г. в Санкт Петербурге [1]. Дед Леонида, Федор Захарович, был крепостным. Отец Леонида, Иван Федорович, был поваром, держал в Казанской части Петербурга ресторан «Малоярославец». Мать, Любовь Дмитриев-

на, была художницей. Своему сыну она дала много по существу, и в то же время не очень много по содержанию. Она подготовила сына к первой исповеди, а впоследствии сама присоединилась к Католической церкви.

Сам будущий экзарх о формировании своего мировоззрения писал: «Мысль о монашестве зародилась у меня еще в России, когда мне было всего 14 лет. В это время я в первый раз прочитал Библию и некоторые ее книги, а именно: книгу Иова, Экклесиаста и Премудрости Соломона. Они произвели на меня неотразимое впечатление: блеск мира, его приманки, земные идеалы показались мне простой мишурой, беганьем белки в колесе, истинной “суетой”» [цит. по: 8, с. 5].

Л. Федоров много читал, причем зачастую без разбора: помимо христианской литературы – также светскую философию, буддийские книги и пр. Позже он сам говорил о произошедшей с ним перемене: «Мне было уже 20 лет, когда путем усердного чтения и изучения святых Отцов, Соборов и истории Церкви я пришел к убеждению в истинности Вселенской Церкви» [8, с. 7].

Леонид поступил в православную духовную академию, боясь переходить в католичество, что в царской России могло караться и тюрьмой. На третьем курсе он постригся в монахи, однако позже в нем окрепло твердое решение: «Наконец я решил сделать бесповоротный шаг и уехать за границу с целью стать католиком» [8, с. 7].

В 1902 г. Л. Федоров прибыл в Рим и принял католичество. Путь его пролегал через Львов, который тогда находился во владении Австрии. Львовский митрополит украинских греко-католиков Андрей Шептицкий произвел огромное впечатление на молодого Леонида Федорова. Следует отметить, что в тогдашней религиозной и политической ситуации в России М. Шептицкий не вполне оправданно рассматривался исключительно враждебно.

Восемь дней во Львове прошли в беседах и общении с митрополитом. С этого момента деятельность Леонида Федорова оказалась тесно переплетена со служением митрополита Андрея Шептицкого.

Удостоившись аудиенции Папы Льва XIII, Л. Федоров был отправлен в семинарию «Leonianum» в Ананьи, в 60 км от Рима. Там он провел четыре года в усиленной работе. Однако закончить курс в иезуитской коллегии ему не удалось: в 1907 г. русское посольство

пригрозило ему запретить обратный въезд в Россию. По этой причине Л. Федоров перебрался в коллегиию «De Propaganda fide» в Риме. Однако и здесь посольство не оставило его в покое, поэтому 26 июля 1908 г. он переехал в Швейцарию, где во Фрейбургском университете и закончил в 1910 г. свое богословское образование.

Затем Л. Федоров отправился в Рим, а оттуда во Львов к митрополиту Андрею и оставался там до 1911 г. Во Львове он был библиотекарем, префектом и учителем богословия в основанном митрополитом Андреем студийском институте. Также в период 1910–1914 гг. Л. Федоров по поручению митрополита Андрея ежегодно совершал поездки в Россию. Митрополит посылал его туда для поддержания связи с русскими католиками, а также для получения информации о происходивших в России событиях. Вскоре после возвращения Л. Федорова из России митрополит А. Шептицкий посвятил его в чтецы и иподиконы, а для рукоположения во священники послал его в Константинополь (митрополит Андрей принял такое решение, учитывая отношение к нему русского правительства). В древнем Царьграде Болгарский католический епископ Михаил Милов рукоположил Л. Федорова в болгарской католической церкви Пресвятой Троицы в Галате: 22 марта 1911 г. – в дяконы, а 25 марта – в священники.

После этого отец Леонид, вернувшись во Львов, размышлял о своем будущем служении: «я... серьезно подумывал о вступлении в находившийся там (в Боснии. – А.Е.) монастырь св. Иосифа (Студийский орден). Я пробыл 1 год и 8 месяцев. К сожалению, я скоро убедился, что мое призвание колеблется, и дело дальше послушничества не пошло» [8, с. 12]. Говоря о своем внутреннем состоянии, о. Леонид отмечал: «мысли все уносятся куда-нибудь в сторону. Или я витаю в области философии и апологетики, или строю планы на будущее русской жизни, или думаю, вообще, о судьбах России и т.д.» [8, с. 15].

После 28 июня 1914 г. предчувствие войны распространилось по Европе. 22 июля Л. Федоров с трудом покинул Константинополь и отправился в Одессу. По прибытии в Россию практически сразу начались гонения на него со стороны власти. Они будут сопровождать его всю оставшуюся жизнь и станут причиной его мученической кончины.

Л. Федоров был арестован и отправлен в г. Тобольск под надзор правительства. В глазах властей он являлся «агентом митрополита Шептицкого». Война с Австрией придавала теперь этому обвинению особый оттенок. Следует отметить, что каких бы то ни было объективных обвинений против о. Леонид выдвинуто не было. Власти просто хотели отправить его подальше от Петербурга, а в таких случаях принципа справедливости в Царской России не существовало. В Тобольске о. Леонид пробыл до Февральской революции 1917 г. Временное правительство объявило о демократических свободах в стране, о свободе совести и об отделении церкви от государства. Л. Федоров, наконец, смог спокойно отправлять богослужения в Петербурге, делать то, к чему был призван.

Более того, на соборе Русской католической церкви в 1917 г. был торжественно зачитан акт об установлении в России экзархата (в современном православии и католицизме восточных обрядов – особая административно-территориальная единица, зарубежная по отношению к основной церкви, либо специально созданная для окормления верующих данного обряда в особых условиях; глава экзархата называется экзарх [9, с. 424]). Своим представителем на всю Россию, за исключением Малороссии и Белоруссии, митрополитом Андреем был назначен протопресвитер о. Леонид Федоров с титулом экзарха.

Экзарх Л. Федоров вел богослужебную, а также прозелетическую просветительскую деятельность в России. Следует отметить, что Л. Федоров был в теплых отношениях со вновь назначенным православным патриархом Тихоном: «в 1918 г. я установил контакты с Патриархом и получил от него дружеский прием» [Письмо Пию XI от 5 мая 1922 г. Цит. по: 8, с. 28].

Однако долго в таком плодотворном состоянии Л. Федоров пребывать не смог. Придя к власти, большевики объявили своей официальной идеологией атеизм, по стране покатались гонения на священников. В 1923 г. блаженный экзарх был приговорен к 10 годам заключения. Однако 26 апреля 1926 г. по ходатайству Политического Красного Креста о. Леонид был освобожден досрочно с запретом проживания в шести крупнейших городах и пограничных областях СССР. Местом своего жительства он выбрал Калугу, где продолжил священническое служение. Но на свободе о. Леонид Федоров

пробыл недолго. 10 августа 1926 г. он был арестован в Могилеве, вывезен в Москву, 26 сентября вновь осужден и отправлен на три года на Соловки. В тяжелейших условиях лагерного быта о. Федор пытался проводить тайные литургии. Объединенные общей бедой, православные и католики легко находили общий язык, священники исповедовали друг друга. В особенно тесном контакте экзарх находился с архиепископом Илларионом Троицким, бывшим ректором Московской духовной академии и правою рукою Патриарха Тихона. Они всегда беседовали на апологетические темы, касающиеся церкви: Восточной Православной и Западной Католической. Большой о. Леонид был освобожден из лагеря в 1929 г. и отправлен в ссылку. В 1931 г. последовал новый арест и шестимесячное заключение в Архангельской тюрьме, в крайне тяжелых условиях. Затем экзарх был освобожден и снова отправлен в ссылку, в деревню вблизи г. Котлас. Там, при все обострившихся ревматизме, гастрите, подагре, ишиасе, астме, состояние о. Леонида настолько ухудшилось, что в конце 1933 г. власти выпустили его на свободу, ограничив ее запрещением проживать в двенадцати городах. Федоров выбрал местом своего жительства г. Вятку. Там он до самой своей смерти 7 марта 1935 г. тайно отправлял службы. При его тихой кончине случилось самое настоящее библейское чудо: «Дети приоткрыли дверь на улицу. В нее влетел голубь, сделал три круга над телом о. Леонида и вылетел опять в ту же открытую дверь» [8, с. 42].

Уповая на единство, о. Леонид пал жертвой перед лицом атеистической современности. Но пал ли? «Мы – удобрение для духовного возрождения России» [8, с. 39]. Жизнь о. Леонида Федорова – пример благочестивой жизни в гармонии со своими взглядами и совестью. Блаженный экзарх искренне верил, что только единство духовной жизни может спасти Россию и весь мир. Заточение на Соловках показало возможность столь ожидаемого им единства, но лишь перед лицом глобальной опасности. Так, греческое духовенство пошло на заключение Флорентийской унии в XV в. лишь перед лицом страшной турецкой угрозы [2, с. 545]. Можно по-разному относиться к религии, к теме Унии и другим подобным вопросам, однако несомненным остается лишь то, что *Magistra Vitae* не прощает невыученных уроков.

Особенно актуальным в 2017 г. становится фраза известного философа Джорджа Сантаяна: «Those who cannot learn from history

are doomed to repeat it» («Кто не помнит своего прошлого, обречен пережить его вновь») [10, с. 35].

Библиографический список

1. *Бурман фон В.* Леонид Федоров: Жизнь и деятельность, Львов, 1993.
2. *Ермаков А.В.* Сущностные характеристики раннехристианской церкви и роль христианской общины Рима // Вестник МПГУ. 2015. № 4 (20).
3. *Карпова С.П.* История Средних веков в 2 т. Т. 1. М, 2010.
4. *Карташев А.В.* Вселенские соборы. СПб., 2002.
5. *Кузищин В.И.* История Древнего Рима. М, 2012.
6. *Ленин В.И.* Социализм и религия // Новая Жизнь. 1905. № 28.
7. *Лортыц И.* История Церкви рассмотренная в связи с историей идей. Т. 1. Древность и Средние века. М., 1999.
8. Дом Непорочного Сердца. Специальный номер, посвященный 80-й годовщине мученической кончины о. Леонида Федорова (1879–1935). 2014. № 6 (27).
9. Католическая энциклопедия: в 5 Т. 5. М., 1596.
10. *Santayana G.* The life of reason. The phases of human progress: in V vol. Los Angeles, 1930.
11. *Władysław A.* Powstanie organizacji Kościoła łacińskiego na Rusi. Lwów, 1904.

РОДИНА НА ПЕРЕЛОМЕ ЭПОХ В ПОНИМАНИИ ЛИРИЧЕСКОГО ГЕРОЯ СБОРНИКА Н.В. ОБОЛОНСКОГО «СВЕТИТСЯ В СУМЕРКАХ РОДИНА»

Лариса Геннадьевна Назарова

кандидат филологических наук

Московский финансово-юридический университет МФЮА

Аннотация. В настоящее время актуализируется понятие родины. Значимость родины для человека, живущего на переломе эпох, имеет большую ценность. В зависимости от того содержания, которое лирический герой вкладывает в понятие *родина*, он наполняет свой внутренний мир теми или иными приоритетами, думами, ощущениями.

Ключевые слова: родина, эпоха, переломная эпоха, Россия.

Наш современник, член Союза писателей России, лауреат Международного конкурса имени Андрея Платонова – Николай Васильевич Оболонский – в 2016 г. выпустил к своему 70-летию пятый сборник стихотворений «Светится в сумерках родина». «Почти 40 лет живет Николай Васильевич в Одинцово, но мысли о малой родине, о кубанском хуторе Красный Кут, где прошло его детство, не отпускают» [4]. Размышляет поэт и о России в целом. Н.В. Оболонский, не единожды переживший перелом эпох, через своего лирического героя доносит до читателя те чувства и настроения, которые сопровождают человека, когда он думает о родине – большой и малой. «Верный сын России, со скромным достоинством несет он вечный крест русского поэта, бережно храня заветы великих гениев русского поэтического слова» [3]. «...В современных политических и экономических условиях активно осмысливаются роль места рождения, территории проживания, традиций этноса и языковой общности в жизни отдельного индивида» [2]. Ввиду значимости сформированного отношения автора к отечеству, передаваемого через призму взглядов его лирических героев, а также ввиду высокой художественной ценности строк поэта, для анализа нами выбрана концептуальная книга «Светится в сумерках родина».

О послевоенном детстве автор вспоминает как о небогатом, тяжелом, но счастливом времени. «Жили трудно, но на судьбу

не жаловались» [4] – так же, как и лирический герой, скорее всего, автобиографичного стихотворения Н.В. Оболонского: *Под драночной кровлей Союза, / Стянув телогреечку с плеч, / Будыльями кукурузы / Топила мать вечером печь* («Рождение миража») [6, с. 12]. Дранка – тонкие дощечки для обивки стен и потолков под штукатурку, для покрытия кровли; гонт [1]. В тексте передается понимание того, что «у счастья всегда долгострой». Именно эта вера в будущее счастье, готовность ждать давала силы подрастающему послевоенному поколению радоваться настоящему дню: *Зато мы красивую песню / За печкою пели с сестрой* («Рождение миража») [6, с. 12]. Сравним со стихотворением «Автопортрет детства». Оно начинается аналогичным образом: уже в первой строке вырисовывается некий покров, под которым находится герой: *Под крылом натруженной Державы...* («Автопортрет детства») [6, с. 14]. «Под... кровлей Союза», «Под крылом... Державы» – не то ли это ощущение Родины-матери, дающей нам и дом, и защиту, и пропитание? И, как и в ранее рассмотренном тексте, – видение дороги вперед, несмотря на нелегкое время. *...В третий класс успешно перейдя, / Я по лужам босиком гуляю / В рубашонке реденькой дождя* («Автопортрет детства») [6, с. 14].

Как атрибут времени, в котором жил автор и его герой, встречаем антропоним – псевдоним одного из главных организаторов и руководителей Октябрьской революции 1917 г. в России: *Наливной антоновкой колени / На качелях светят в полумгле. / Я тебя приветствую, как Ленин / Братство всех народов на земле* («Деревенские качели») [6, с. 41]. Текст касается уже времени юности. Юность лирического героя также сопряжена с СССР. И стихотворение, в котором упоминается основатель СССР, проникнуто светлым, позитивным настроением: *Небушко верхушкою очистив, / Юность никуда не торопя, / Дерево скрипит, роняя листья, / Заставляя вскрикивать тебя* («Деревенские качели») [6, с. 41]. Здесь еще нет и намека на разруху деревни, которую не единожды описывает автор, повествуя о России современной. Чего не стало в современности, что помогало деревне жить? Органов Советской власти? Сельских Советов народных депутатов? Их работы, направленной на увеличение тех благ, что производила страна? *За былым прогнившим сельсоветом / С лозунгом надои поднимать / В сорванные двери туалета / Верст на десять родину видать* («За былым прогнившим сельсоветом...») [6, с. 68].

Пришло опустение земель. Земля, которую видать «верст на десять», теперь уже не родящая, а бесплодная. *«Господи, верни меня обратно...»* – восклицает лирический герой. Обратно – не в другую страну, континент, измерение, на ту же родину, но в золотое ее время. Герой не предаёт отечество, а сокрушается о том, что с ним случилось.

Затрагивает в своей книге Н.В. Оболонский и время Первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева: *Обещает Хрущев коммунизм. / Люди ходят, как будто с похмелья* («Надежд несбывшихся весна») [6, с. 73]. Это «как будто с похмелья» явно указывает на период середины 1950-х – середины 1960-х гг. – на время так называемой Хрущевской оттепели. Освобождены политические заключенные, ликвидирован ГУЛАГ: *Отсидев, «враг народа» молчит, / У ворот улыбаясь криво* («Надежд несбывшихся весна») [6, с. 73]. «Выражение “враг народа” впервые появилось во время Великой Французской революции 1789 г. ... Было заимствовано большевиками. ... “Врагами народа” первоначально называли тех партийных и государственных деятелей, во взглядах и поступках которых Сталин и его окружение усматривали несогласие с “линией партии”... Позднее врагом народа мог быть объявлен любой человек, заподозренный в нелояльности по отношению к советской власти, шпионаже или в так называемом вредительстве, то есть нанесении сознательного ущерба экономике страны. Привлеченные к суду... часто без оснований, осуждались по 58-й статье «Контрреволюционные преступления» Уголовного кодекса РСФСР» [5]. Так, освещая послевоенное время, светлую советскую юность, затрагивая Хрущевскую оттепель, Н.В. Оболонский переносит своего лирического героя в современную нам Россию. Какой же он – современный человек? Кто лирический герой XXI в.?

В повествовании автора угадывается герой именно нашего времени, именно современности: *Разлюбив и жену, и страну, / Не пытайся себе сделать визу, / Нынче лучше смотреть на луну, / Чем набитый дерьмом телевизор* («Встреча Нового года») [6, с. 84]. Это герой, осознающий тщету того, что сейчас показывается на телеэкране, герой, критично настроенный относительно политики страны, герой, который и рад сделать что-то полезное для Родины, но понимает, что это нелегко в наше время, которое исказило многое в истории, в судьбах и умах: *В голове так много каши! / Ты попробуй выбрать в ней / Что-то нужное для нашей / Родины – не хватит дней* («В голове так много каши...») [6, с. 124]. Однако это только одна

грань образа современного человека. Другая – восприятие родины как матери, любовь к ней, разделение с нею всех радостей и невзгод.

Многим людям, искренне любящим Родину несмотря на ее порой неприглядную, по большей части неизменную, реалистично отраженную автором окружающую действительность: *Ночью морозной посеяв тревогу / На непроспавшейся хмурой Руси, / Скорая помощь, по скользким дорогам / Ты мою душу полегче трясги* («Ночью морозной посеяв тревогу...») [6, с. 173], близок лирический герой Н.В. Оболонского, «душой болеющий за Русь» («К морозам каждый молодится...») [6, с. 159]. Такому современнику дорога родина, «помнящая в прошлом себя разудалой» («Помнящей в прошлом себя разудалой...») [6, с. 197], и он получает духовное отдохновение от ее света (вспомним название сборника «Светится в сумерках родина»): *Светится малая родина. Жить без нее не могу!* («Жаркая, иногородняя...») [6, с. 192]; ...*Светится издали родина, / душу врачуя мою* («Родина») [6, с. 98]. Секретарь Правления Союза писателей России Иван Юрьевич Голубничий, называя Н.В. Оболонского «поэтом русского звучания», подчеркивает, что в сердце его лирического героя «...живет пронзительная грусть о трагичной судьбе Родины и в то же время неистребимая радость каждому грядущему дню» [3]. Именно эти чувства помогали человеку в переломные эпохи истории не потерять достоинство. Хочется верить, что именно они помогут ему вновь.

Таким образом, наш современник поэт Н.В. Оболонский показал нам, как воспринимает родину его лирический герой на переломе эпох. Родина в послевоенное время – это ощущение счастья от возможности мирно трудиться при осознании тяжести времени, а также ощущение защищенности стенами дома-Державы; родина времени нахождения у власти В.И. Ленина связывается со светлой, радостной юностью лирического героя; родина при Н.С. Хрущеве значима периодом «оттепели», обретением народом надежд; герой-современник воспринимает родину, с одной стороны, критично, бездеятельно рассуждая над ее положением, с другой стороны, любовно, как источник жизни и как врачавателя души.

Библиографический список

1. Большой толковый словарь / гл. ред. С.А. Кузнецов. М., 2014. URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения: 07.02.2017).

2. *Гимаев Я.А.* Актуализация концепта родина в школьных учебниках по литературе и в массовом сознании учащихся: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. URL: <http://dislib.ru/jazykoznanie/50733-1-aktualizaciya-koncepta-rodina-shkolnih-uchebnikah-po-literature-massovom-soznanii-uchaschihsya.php> (дата обращения: 07.02.2017).
3. *Голубничий И.Ю.* Слово о Николае Оболонском. URL: <http://odinimc.ru/tvorcheskie-obedineniya/literaturnie-stranici/obolonskiy-nikolay-vasilevich> (дата обращения: 06.02.2017).
4. *Комель И.Б.* Поздравляем с изданием новых сборников // Портал городского поселения Одинцово. URL: <http://www.odintovogorod.ru/news/2014/11/19/pozdravlyаем-s-izdaniem-novyix-sbornikov/> (дата обращения: 06.02.2017).
5. Лингвострановедческий словарь. URL: <http://lingvostranovedcheskiy.academic.ru/> (дата обращения: 07.02.2017).
6. *Оболонский Н.В.* Светится в сумерках родина. Стихотворения. М., 2016.

ПЕРВЫЕ ЖУРНАЛИСТСКИЕ ПУБЛИКАЦИИ М.А. БУЛГАКОВА. ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПИСАТЕЛЯ

Ксения Вячеславовна Рыбка

Белорусский государственный университет (г. Минск)

Аннотация: Статья посвящена вопросу о первых журналистских публикациях Михаила Афанасьевича Булгакова в период Гражданской войны.

Ключевые слова: Михаил Булгаков, Гражданская война, журналистика.

Будучи журналистом, Михаил Афанасьевич Булгаков сотрудничал с такими изданиями, как «Грозный», «Кавказская газета», «Кавказ», «Гудок», «Накануне», «Известия» и др. Слава фельетониста пришла к Булгакову только во время работы в советском «Гудке» и берлинском «Накануне», а свой творческий путь автор начал еще за шесть лет до этого в белогвардейских газетах Северного Кавказа.

О журналистском дебюте Булгакова существует немало споров. На сегодняшний день первой газетной публикацией Михаила Булгакова принято считать аналитический фельетон «Грядущие перспективы». Фельетон был опубликован в белогвардейской газете «Грозный». Тем не менее, существует мнение, что дебютировал Булгаков циклом из трех репортажей под общим названием «Советская инквизиция». Данный цикл был напечатан в августе-сентябре 1919 г. в газете «Киевское эхо».

Основная тема репортажей – оккупация города красными, кровожадность и бессердечность чекистов. «В “работе” чекистов поражает не только присущая им рафинированная, утонченно-садическая жестокость. Поражает всеобщая исключительная бесцеремонность в обращении с живым человеческим материалом», – пишет автор «Советской инквизиции» [1].

Принадлежность данных репортажей перу Михаила Афанасьевича окончательно не доказана. В биографии Булгакова, изученной буквально по дням, существует темное пятно – лето и осень 1919 г. (предположительный период публикации «Советской инквизиции»). Биографами точно не установлено, где находился писатель в этот период, что существенно затрудняет определение авторства. К тому же «Советская инквизиция» отсутствует у Булгакова в подшивке соб-

ственных газетных работ и, как считают некоторые исследователи, стилистика этих трех репортажей «совершенно не булгаковская» [2].

Однако часть экспертов настаивает на том, что автором «Советской инквизиции» является сам Мастер, и приводит несколько весомых аргументов, доказывающих сей факт:

1. Наличие подзаголовка «Из записной книжки репортера» косвенно указывает на авторство Булгакова. Давать подзаголовки, как бы указывающие на источник информации, – излюбленный прием М. Булгакова, который он в дальнейшем неоднократно использовал в своих журналистских сочинениях. Например, «Под мухой (Сцена с натуры)», «Самоцветный быт (Из моей коллекции)», «Площадь на колесах (Дневник гениального гражданина Полосухина)», «Золотые документы (Из моей коллекции)», «Проглоченный поезд (Рассказ рабочего)», «Приключения стенгазеты (Ее собственный дневник)».
2. Все три части «Советской инквизиции» подписаны криптонимом «Мих. Б.», тем же самым, каким, точно известно, Михаил Булгаков подписывал свои фельетоны в газете «Гудок». Российский литературовед Виктор Васильевич Петелин, который подготовил собрание сочинений писателя, признал авторство Булгакова и включил цикл в собрание, аргументируя тем, что «Мих. Б. – этим псевдонимом Михаил Афанасьевич впоследствии подписывал свои фельетоны, репортажи в “Гудке”, в других изданиях. Вполне возможно, что Булгаков написал эти репортажи сразу же после того, как Киев был освобожден от большевиков» [3, с. 11].
3. Мировоззренческое единообразие фельетона «Грядущие перспективы» и цикла «Советская инквизиция», а также стилистическое подобие последнего с фельетоном «В кафе». В «Грядущих перспективах» и «Инквизиции» явно прослеживается ненависть к большевизму и сочувствие к «белым». Использование в «Советской инквизиции» и «В кафе» диалогической речи, детализированного описания и выражения собственного мнения вполне характерно для стиля писателя.

«Советская инквизиция» пропитана болью и ужасом. Автор произведения не скупится на конкретику, будто бы хочет «разжевать и положить в рот» читателю информацию о «кровавых преступлениях чекистов». «В глазах заплечных дел мастеров из ЧК не было

ничего дешевле человеческой жизни» [1]. Честные, жесткие, но правдивые слова автора наводят на мысли, что человек, написавший текст, самолично ощутил ужас войны. Как известно из биографии Михаила Булгакова, писатель как представитель русской интеллигенции этот социальный катаклизм успел испытать на себе.

Утверждать однозначно, что Мастер является автором «Советской инквизиции», нельзя. Но и отрицать тот факт, что стиль и виденье ситуации соответствуют личности Булгакова, невозможно.

Библиографический список

1. *Булгаков М.А.* Советская инквизиция. URL: <http://goo.gl/GVbv7w> (дата обращения: 22.02.2017).
2. *Варламов А.* Жизнь замечательных людей: Михаил Булгаков. URL: <http://goo.gl/AjTAFbl> (дата обращения: 22.02.2016).
3. *Петелин В.В.* Жизнь Булгакова. Дописать раньше, чем умереть. М., 2005.

ПАТРИОТИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННОЙ ЛИРИКЕ М.А. КУЗМИНА

Татьяна Олеговна Сотова

Московский финансово-юридический университет МФЮА

Аннотация. В статье исследуются малоизвестные произведения М.А. Кузмина, посвященные революционным событиям 1917 г. Рассматривается вопрос об отношении поэта к революции и советской власти.

Ключевые слова: революция, Россия, стихотворение, сборник, поэт, аллюзии, творчество, война.

Творческое наследие выдающегося автора, как правило, сопровождается набором укоренившихся стереотипов, созданных интерпретаторами. В сознании многих поколений читающей публики и литературоведов эти штампы приобретают статус прописных истин, создавая впоследствии немало трудностей для исследователя, решившегося взглянуть непредвзято на изученные предшественниками тексты.

В числе штампов, характеризующих творчество Михаила Кузмина, можно назвать утверждение об его оторванности от реальной жизни. Остро чувствовавший грядущие перемены поэт искал утешение в обращении к культурному наследию прошлого. Создавая свое «культурное пространство», он словно пытался сохранить хотя бы в творчестве свет уходящей в прошлое мировой культуры. Для этого М.А. Кузмин обращался преимущественно к наследию других народов, к чуждым иногда друг другу культурам Запада и Востока.

Эта характерная черта кузминского творчества была замечена уже современниками поэта. Тонкий и проницательный литературный критик Николай Гумилев писал в рецензии на сборник «Сети» (1908 г.): «Разные силы владеют душой М.А. Кузмина, в мире красоты у него много любимцев: и Счастливая Аравия, вечная родина романтических грез... и XVIII век – век маскарадов, кружев и шелка... и золотой сумрак заволжских скитов; и наша повседневность...» [2, с. 115]. Такая «широта интересов» роднит двух поэтов, ведь любовь самого Н.С. Гумилева ко всему чужеземному и экзотическому нередко удивляла, а то и раздражала его критиков. Именно страстью

к «экзотике» обязаны поэты сходной литературной репутацией: поэтов, которых мало интересовало прошлое и настоящее родной страны.

После глубокого знакомства с творчеством каждого из двух авторов картина уже не кажется столь однозначной. Эпизоды биографии и страницы прозы Н.С. Гумилева, теперь известные широкой публике, не позволяют упрекнуть его в отсутствии патриотизма. Создатель «Жиrafa» и «Гондлы» не словом, а делом (в первую очередь это участие в военных действиях на фронтах Первой мировой и два Георгиевских креста за проявленную отвагу) доказал небезразличие к судьбе России. Расстрел в 1921 г. и версия об участии в монархическом заговоре Таганцева разрушали ореол аполитичного человека, каким считали его многие современники.

Что же касается М.А. Кузмина, то его творчество продолжает восприниматься многими исследователями как «салонное» и во многом «нерусское». Действительно, на раннем этапе творчества поэт мало затрагивал национальную тематику. Поэзия М.А. Кузмина отразила многие его «заграничные увлечения» того периода: страстный интерес к Италии и католичеству, время глубокого изучения античности с ее философией и языческими верованиями, увлечение французской культурой XVIII в. Но наряду с этими, действительно глубоко занимавшими М.А. Кузмина на протяжении всего творческого пути, темами, в его поэзии со временем сформировался и укрепился устойчивый серьезный интерес к культуре и исторической судьбе родной страны.

Показательна в этой связи книга стихов «Осенние озера» (1912), вобравшая в себя большое количество стихотворений, посвященных русской природе и православию. Темы и образы, развернутые автором, помогают выявить круг ассоциаций, связанных у поэта с Россией. Национальная тема у М.А. Кузмина тесно переплетается с христианскими идеями и образами. После поэтического погружения в католичество и языческие верования Древней Греции и Рима М.А. Кузмин возвращается к исходной мировоззренческой позиции. В стремлении заново приблизиться к национальным корням следует искать и причину интереса поэта к старообрядческой и сектантской тематике. Наиболее ярко христианские мотивы дают знать о себе в третьей части «Осенних озер», в циклах «Духовные

стихи» и «Праздники Пресвятой Богородицы». «Духовные стихи» – это не только религиозный, но и народный жанр, вобравший в себя многие элементы нравственного сознания русского народа. Образ Богородицы в творчестве М.А. Кузмина предстает как национальная святыня – ведь Божия Матерь издавна почиталась как небесная заступница России.

Национально-патриотические мысли и картины по-новому воплотились в стихах поэта послереволюционного периода. На первый взгляд, произведения М.А. Кузмина, созданные после 1917 г., мало отражают тогдашние политические перемены в жизни страны. Однако поэтическое «равнодушие» М.А. Кузмина было мнимым. Подавляющее большинство стихотворений М.А. Кузмина о революции и ее последствиях не увидело свет при жизни автора. Иначе и быть не могло: отношение поэта к послереволюционным событиям было далеко от восторженного.

Как и большинство людей той эпохи, М.А. Кузмин поначалу возлагал большие надежды на события Февральской революции. Стихотворение «Русская революция» (1917) передает эмоциональный подъем, пережитый русской интеллигенцией. Народ, сбрасывающий со своих плеч гнет самодержавия, уподобляется голодному, которому, наконец, посчастливилось наесться досыта: *Помните это начало советских депеш, / Головокружительное: «Всем, всем, всем! Э / Словно голодному говорят: «Ешь!»», / А он, улыбаясь, отвечает: «Ем»* [3, с. 631]. Свобода, равенство, братство – идеал французских революционеров и социалистов-утопистов, казалось, вот-вот станет реальностью и наступит новая эпоха всеобщего благоденствия: *Боже, о Боже мой! / Все готовы обнимать друг друга!* [3, с. 631]. Для постижения современности М.А. Кузмин обращается к аналогии с Великой Французской революцией, невероятно популярной в те годы. Но для воодушевленного поэта русская революция – *юношеская, целомудренная, благая* [3, с. 631] – явление глубоко самостоятельное и поистине народное: *Не повторяет, только брата видит во французе, / И проходит по тротуарам, простая, / Словно ангел в рабочей блузе* [3, с. 631].

Ситуация меняется в октябре 1917 г. Октябрьский переворот и последовавшие за ним суровые советские будни не оставили никаких иллюзий. Для М.А. Кузмина, как и для многих его современников, наступило время прозрения, метко охарактеризованное

анонимным свидетелем тех лет: *Я понял все, и стало мне, – / Вы догадались? – большевично* [1, с. 560]. Душевные переживания и мысли самого М.А. Кузмина нашли свое отражение в оде «Враждебное море», имеющей характерное посвящение «В.В. Маяковскому».

Может показаться, что разница в оценке революционных перемен обоими поэтами колоссальна. В.В. Маяковский, принявший революцию всем сердцем, ставший ее символом в русской литературе, на первый взгляд, оказался по разные стороны баррикад со своим старшим современником. Но если учесть, что уже в начале 1920-х гг. В.В. Маяковский начал писать сатирические произведения, направленные против советских псевдодеятелей, пошлых чиновников и корыстолюбивых бюрократов, то эта разница уже не выглядит абсолютной.

Во «Враждебном море» М.А. Кузмин осмыслил революцию как возврат к язычеству. На это указывают многочисленные отсылки к мифу о Троянской войне и поэме Гомера «Илиада». Подобно столкновению троянцев с ахейцами, русская революция видится М.А. Кузмину как взаимное человекоистребление во имя страсти. Поэт убежден, что в основе всякой войны или мятежа лежат два первобытных стремления: к разрушению и к удовлетворению низменных желаний. Поэтому для него не существует разницы между сражающимися за обладание женщиной и теми, кто развязывает конфликт под эгидой свободы и всеобщего братства. Автор «Враждебного моря» слишком хорошо знал, к чему приводят попытки изменить существующий строй.

Проклятье героям, изобретшим для мяса и самок первый под солнцем бой [3, с. 631] – этими словами М.А. Кузмин подчеркивает античеловеческую сущность революции. Для поэта Октябрьский переворот и последовавшие за ним перемены становятся символом цивилизационной катастрофы.

Троянские аллюзии появятся вновь у М.А. Кузмина в стихотворении 1926 г. «Золотая Елена по лестнице...». Только теперь и военные корабли эллинов, и Парис с Еленой предстают в резко ироническом контексте. Политические обстоятельства превращают языческую историю в пародию на себя самое: *Тирские корабли разукрашены – / (Белугою пой, Гомер!) / Чухонские лейбы попросту / В розовой заводи ихер* [3, с. 674]. Это уже не грозный грохот революции, сотрясавший прежние устои, а душная, казенная (да

к тому же опасная) послереволюционная действительность. Теперь М.А. Кузмин остро ощущал свою «изолированность» от нового общества: *Покойники, звери, ангелы, / Слушайте меня хоть вы! / Грошовыми сережками связаны, / Уши живых – мертвы* [3, с. 674]. И поэт готов предпочесть умершую культуру реальности, живое и мертвое для него поменялись местами.

Но, невзирая на горькую для него обстановку, М.А. Кузмин Россию не покинул. После революции поэт жил в Петербурге, как и прежде, держась в стороне от политики. Но обособленность М.А. Кузмина, его нежелание соответствовать советским правилам, не остались незамеченными. Начиная с середины 1920-х гг. он печатался все меньше, а после 1929 г. из печати не вышло ни одной его книги.

Установившийся в России большевистский строй воспринимался поэтом как плен. Именно так – «Плен» – озаглавлен цикл, включивший в себя стихотворения начала 1920-х гг. Почти 30 лет спустя, в 1950-х гг., живший в эмиграции Георгий Иванов окрестил советскую власть вторым монголо-татарским игом. По мысли Г. Иванова, ущерб, нанесенный советской властью русской культуре, был равнозначен последствиям монгольского завоевания. Яркое воплощение нашла эта мысль в цикл стихов Марины Цветаевой «Ханский полон» (1921). У М.А. Кузмина прямые исторические параллели отсутствуют, но вполне очевидна аллюзия на метафору, разработанную его современниками-поэтами: Россия во власти темных, враждебных сил. Варварская их сущность проявлена уже грубо и зримо:

*По морде смазали грязной тряпкой,
Отняли хлеб, свет, тепло, мясо,
Молоко, мыло, бумагу, книги,
Одежду, сапоги, одеяло, масло,
Керосин, свечи, соль, сахар,
Табак, спички, кашу –
Все,
И сказали:
«Живи и будь свободен!»
Бац!
Заперли в клетку, в казармы,
В богадельню, в сумасшедший дом,*

*Тоску и ненависть посеяв...
Не твой ли идеал осуществляется, Аракчеев?
Бац!
Плитой придавили грудь,
Самый воздух сделался другим,
Чем бывало,
Чем в хорошие дни... [3, с. 638]*

Утвердившийся абсурд противоречит самой человеческой природе, поскольку направлен на уничтожение личности, низведение ее до уровня животного. Символична здесь фигура Аракчеева: основатель военных поселений в России стремился, судя по всему, именно к превращению людей (в его случае крестьян) в безропотные военные машины. Большевики же, объявив всех равными, пытались подавить частную жизнь в любых ее проявлениях. М.А. Кузмину, с его всегдашним стремлением к независимости, внутренней свободе, подобные обстоятельства казались кощунственным надругательством над человеческой природой. Неприятие строгих рамок, будь то каноны поэтических школ или же политических течений, было одной из основных черт поэта, а новая власть требовала не просто индифферентности, но служения своим идеалам. Стремление «уравнять» значило порабощение личности, ее нивелирование.

Говоря о последних годах жизни М.А. Кузмина, часто вспоминают слова Анны Ахматовой, что смерть М.А. Кузмина в 1936 г. «была благословением, иначе он умер бы еще более страшной смертью, чем Юркун, который был расстрелян в 1938 г.» [3, с. 47]. Действительно, репрессии не коснулись поэта напрямую, но не обошли людей из его окружения. Близкого друга поэта Юрия Юркуна (Йосипа Юркунаса) арестовывали три раза (сначала ЧК, потом НКВД). Последний арест в 1937 г. по так называемому делу ленинградских литераторов закончился для него расстрелом. К первому аресту Юркуна в связи с делом Леонида Кеннигиссера (1918) относятся строчки стихотворения из сборника «Форель разбивает лед» (1928 г.):

*Баржи затопили в Кронштадте,
Расстрелян каждый десятый, –
Юрочка, Юрочка мой,
Дай Бог, чтоб Вы были восьмой [3, с. 555].*

Строчки из того же стихотворения передают умонастроение поэта в послереволюционные годы: *Теперь молось в подполье / Думая о белом чуде* [3, с. 555]. М.А. Кузмин искренне признается, что жил надеждой на победу «белых» и воспоминаниями о прошлом. Уверенность в том, что «власть Советов» не продлится вечно и жизнь вновь вернется в привычное русло, с полной силой проявила себя в цикле «Плен». В стихотворениях «Ангел благовествующий» и «Встречным глазам» М.А. Кузмин напрямую выразил надежду на скорый крах коммунистического режима и установление более человеческого уклада. Положение человека в собственной стране сравнивается то со ссылкой («Декабрь морозит в небе розовом...»), то с катастрофическим разливом реки («Разлив»). Именно разлив, по мнению поэта, отражает характер революции, которая, подобно природной стихии, уничтожила прежний мир, подняв со дна общества и людских душ «*всю гниль и грязь*» [3, с. 643].

М.А. Кузмин не скрывает и своей вины, – ведь он один из тех, кто *дико запевал / безумное начало тризны* [3, с. 643]. Эту характеристику можно отнести на счет восторженных стихов М.А. Кузмина о русской революции и его нашумевшей фразы «Разумеется я большевик» [3, с. 37], зафиксированной в 1917 г. Г. Чулковым. Насколько изменились убеждения поэта с тех пор, хорошо видно из стихотворения «Не губернаторша сидела с офицером...» (ноябрь 1924). Автор – откровенный и убежденный противник советской власти. Он уверен, что правда за «белыми», на их стороне сам Бог, и с Его помощью страна избавится от «красной заразы». Прежняя монархия и вера теперь видятся неким идеалом: «Прожить нельзя без веры и надежды / И без царя, ниспосланного Богом» [3, с. 667]. Инициаторы и апологеты советской власти, в понимании М.А. Кузмина, не простые злодеи, а люди, отвергнувшие все человеческие законы, предавшие Божий завет. Эту точку зрения в стихотворении выражает Богородица (небесная заступница России). Обращаясь к архистратигу Михаилу она изрекает приговор:

*Я женщи́на. Жалею и злодея.
Но этих за людей я не считаю.
Ведь сами от себя они отверглись
И от души бессмертной отказались.
Тебе предаю их. Действуй справедливо* [3, с. 667].

В дальнейшем темы надежды и очищения проступают в творчестве М.А. Кузмина все отчетливее. Наряду с критикой нового строя (характерной для многих представителей «старой» интеллигенции), в «революционной» поэзии М.А. Кузмина присутствуют детали, придающие этой теме особое звучание. Его стихи того периода – своеобразная поэтическая летопись жизни интеллигенции, которая не покинула страну, предпочтя «внутреннюю эмиграцию», духовное сопротивление новому строю.

Библиографический список

1. Белая лира: Антология поэзии Белого движения. Смоленск, 2006.
2. *Гумилев Н.С.* Письма о русской поэзии / сост. Г.И. Фридендер при участии Р.Д. Тименчика. М., 1990.
3. *Кузмин М.А.* Стихотворения / вступ. ст., подгот. текста и примечания Н.А. Богомолова. СПб., 1999.

АРХИТЕКТОР ПРАЖСКОЙ ВЕСНЫ АЛЕКСАНДР ДУБЧЕК

Михаил Васильевич Стрелец

доктор исторических наук, профессор

*Брестский государственный технический университет
(Республика Беларусь)*

Аннотация. В докладе предпринята комплексная попытка системной реконструкция жизни и деятельности Александра Дубчека. Главное внимание уделено его деятельности на посту Первого секретаря Центрального комитета Коммунистической партии Чехословакии.

Ключевые слова: А. Дубчек, реформы, социализм, тоталитаризм, Чехословакия.

Немногим более четверти века тому назад канула в лету мировая система социализма. Ныне на постсоциалистическом пространстве есть немало людей, которые задаются вопросом: «Можно ли было сохранить эту систему?» Она была бы сохранена, если бы правящая политическая элита соцстран была бы сплошь и рядом представлена такими людьми как Александр Дубчек.

27 ноября 2016 г. этому человеку исполнилось бы 95 лет. В его богатой на события жизни, оборвавшейся 7 ноября 1992 г., главное место занимает деятельность на посту Первого секретаря Центрального комитета Коммунистической партии Чехословакии (ЦК КПЧ). Александр Дубчек официально находился на этом посту с 5 января 1968 г. по 17 апреля 1969 г.

5 января 1968 г. на чехословацком политическом олимпе появляется фигура, знаковая во многих отношениях. Вызов тоталитарному режиму бросал человек, который рос и формировался в его условиях. 13 лет он жил в Советском Союзе, руководимом Сталиным и, естественно, не мог не видеть сталинский режим изнутри. Героически сражался на родной словацкой земле с германскими оккупантами, представлявшими другой тоталитарный режим. Еще при жизни Сталина пережил экспорт советской модели казарменного социализма в Чехословакию, вошел в обеспечивавшую ее функционирование номенклатурную обойму. Обучаясь три года в Высшей партийной школе в Москве, стал свидетелем частичной десталинизации, известной как хрущевская оттепель. Продолжив после воз-

вращения из Москвы рост согласно номенклатурной табели о рангах, постоянно сталкивался с неоднозначным восприятием частичной десталинизации среди чехословацких партийных функционеров. Ярым приверженцем «отца всех народов» был Первый секретарь ЦК КПЧ Антонин Новотный. Антонин Новотный не скрывал своего враждебного отношения к частичной десталинизации и положительно оценивал тот факт, что преемник Н.С. Хрущева Л.И. Брежнев начал от нее отход, по многим принципиальным позициям уступал неосталинистам.

5 января 1968 г. эра А. Новотного сменилась эрой А. Дубчека, который еще на заре коммунистического правления в Чехословакии стал задумываться, в каком обществе он живет. В общественных воззрениях Александра Дубчека всегда прослеживался гуманистический стержень. Его удовлетворял только тот политический режим, для которого человек был целью, а не средством. Великий гуманист был обеспокоен тем, что существующий в его Отечестве политический режим попирает фундаментальные права и свободы человека.

Новый Первый секретарь ЦК КПЧ предложил обществу пакет реформ, направленных на строительство «социализма с человеческим лицом». Выдающийся реформатор сформулировал следующие базовые положения.

Первое базовое положение: корень практически всех значимых проблем чехословацкого общества следует искать в отчуждении народа от власти, монополизированной тончайшим слоем коммунистической номенклатуры. Монополия ведет к загниванию. Необходимо заменить монополию номенклатуры той системой, при которой цивилизованно конкурировали бы самые разнообразные подходы к решению государственных задач, которые мог бы совершенно свободно сформулировать и обнародовать любой гражданин ЧССР. Последний должен выступать объектом реальной правовой защищенности, ощущать, что под его права и свободы подведены твердые гарантии, что в его стране по-настоящему функционируют демократические институты. Первый этап на этом исторической важности пути – полная десталинизация, которая откроет путь к утверждению политической демократии, отстаиваемой европейской социал-демократией.

Второе базовое положение: оптимальное по всем экономическим стандартам общество может возникнуть только как результат

органического сочетания государственного регулирования производства и рыночных механизмов. Необходима децентрализация управления народнохозяйственным комплексом (НХК), ограниченная исключительно логикой действия объективных экономических законов. Объективные экономические законы требуют оперативного нахождения оптимального сочетания государственного и негосударственного секторов НХК. Органически вытекавшее из природы сталинизма отчуждение непосредственных производителей от результатов их труда и управления производством должно быть заменено реальной экономической демократией. Фактически был принят за основу блестяще себя оправдавший Закон об участии работников в управлении производством, введенный в действие в ФРГ в 1952 г.

Третье базовое положение: нет и не может быть альтернативы реальному равноправию в системе международных отношений. Именно такими должны быть, прежде всего, приоритетные для ЧССР отношения внутри Совета Экономической Взаимопомощи (СЭВ) и Организации Варшавского Договора (ОВД). Только при уважении внутреннего выбора чехословацкого народа со стороны мирового сообщества возможно строительство «социализма с человеческим лицом», отвечавшего национальным интересам чехословацкого государства [1].

Программа реформ выдвигалась в то время, когда в обществе существовал социальный заказ. Убедительное подтверждение этому – огромный общественный резонанс, который вызвала статья «Две тысячи слов», под которой поставили свои автографы 70 представителей чехословацкой неполитической элиты. Среди них были и те, кто приближал ЧССР к технологическому базису постиндустриальной цивилизации, и те, кто совершил потрясающие научные открытия, и те, кто отметился художественными шедеврами. Абсолютное большинство чехословацкого населения с восхищением следило за тем, что делали реформаторы А. Дубчек, К. Рихта, О. Шик, П. Ауэсперг. Этот квартет воспринимался как совесть новой для страны эпохи, а неосталинисты – как политические трупы. Колоссальную общественную поддержку получило развертывание кадровой революции в органах управления, которые стремительно освобождались от неосталинистов.

К сожалению, ростки «социализма с человеческим лицом» были уничтожены непрошенными гостями, пришедшими наводить порядки в родном для А. Дубчека Отечестве, имея с собой мощные военные арсеналы. После краха «Пражской весны» ее архитектор пережил тяжелую драму, став жертвой тоталитарного режима. Его место в номенклатурной табели о рангах за полтора года скатилось до нулевой отметки. Что же было дальше? В книге чешского историка Антонина Бенчика «Неизвестная правда об Александре Дубчеке» читаем: «Несколько следующих месяцев Дубчек безрезультатно пытался найти работу даже как простой рабочий. Всюду он получал отказ. Наконец, в декабре 1970 г. его приняли слесарем-механизатором в лесное хозяйство. Вскоре он был исключен из всех общественных организаций и даже из профсоюза. И сразу же органы госбезопасности начали антидубчековскую операцию “Береза”. Начались систематическая слежка и надзор над жизнью всей семьи, в том числе и тремя сыновьями. 24 часа в сутки у дверей дома Дубчека стоял караул. Позже слежка перешла в открытое терроризирование» [3]. Главная вина за такие испытания для А. Дубчека ложится на его преемника на посту Первого секретаря ЦК КПЧ – Густава Гусака. Все делалось по команде Г. Гусака.

В этой архисложной ситуации А. Дубчек не сдавался. Он не раз и не два использовал эпистолярный жанр для того, чтобы довести до высших чинов необходимость вернуться к «социализму с человеческим лицом». Экс-руководитель чехословацкого государства был заодно с антигусаковской оппозицией в среде правозащитников, чей интеллектуальный продукт – «Хартия 77» – фактически содержал концептуальные основы перехода от тоталитаризма к демократии.

Именно «Пражской весной» 1968 г. были заложены первые кирпичики бархатной революции 1989 г. в Чехословакии. Поэтому представляется вполне логичным нахождение А. Дубчека среди лидеров Бархатной революции. До 1 сентября 1992 г. он был по ряду позиций вовлечен в трансформационные процессы в его Отечестве. В качестве председателя Федерального собрания Чехословакии Дубчек много сделал для подведения под эти процессы законодательной базы. Благодаря его харизме, выдающимся организаторским способностям, аналитическому уму на политическом пространстве слева от центра прочно прописалась Социал-демократическая пар-

тия Словакии (СДПС). Партия с таким названием уже существовала в первой чехословацкой республике. Воссозданная во втором месяце 1990 г. СДПС очень хорошо соответствовала высказыванию «Нельзя дважды войти в одну и ту же реку». Стратегические, тактические, программные установки новой СДПС органически вписывались в реалии посттоталитарной трансформации. Эксперты прочили ее лидеру пост первого президента Словакии. Известно, что с 1 января 1993 г. на месте бывшей Чехословакии существуют два независимых государства: Чехия и Словакия.

Но Дубчек так и не стал президентом Словакии. 1 сентября 1992 г. он очень сильно пострадал в автокатастрофе. Дальше все зависело от эскулапов, состояния организма пострадавшего и, конечно же, везения. К сожалению, 7 ноября 1992 г. наступил летальный исход [2].

Библиографический список

1. Биография Александра Дубчека. URL: [peoples.ru/state/politics/...](http://peoples.ru/state/politics/) (дата доступа: 15.11.2016).
2. Дубчек Александр. URL: ru.wikipedia.org/wiki/Дубчек (дата доступа: 05.11.2016).
3. Неизвестная правда об Александре Дубчеке: беседа с Антонином Бенчиком. URL: svoboda.org/a/24200018.html. (дата доступа: 09.11.2016).

РАЗДЕЛ 4. ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ РОССИИ. ОБЩЕСТВО И ЛИЧНОСТЬ В ПЕРЕЛОМНЫЕ ЭПОХИ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

МОБИЛИЗАЦИЯ ВНУТРЕННИХ РЕСУРСОВ НА КИРОВСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Юлия Николаевна Зеленская

Петрозаводский государственный университет

Аннотация. Рассмотрена мобилизация внутренних ресурсов как одного из факторов обеспечения бесперебойной работы Кировской железной дороги в годы Великой Отечественной войны. Показан вклад тружеников тыла Европейского Севера в победу в Великой Отечественной войне.

Ключевые слова. Великая Отечественная война, Европейский Север, Кировская железная дорога, мобилизация, ресурсы.

Пролегая вдоль линии Карельского фронта, Кировская железная дорога в годы Великой Отечественной войны осуществляла неразрывную связь тыла с частями и соединениями Красной Армии, Северным флотом.

Не вызывает сомнений, что слаженная, организованная, нацеленная на победу над врагом, работа железнодорожников оказала незаменимую помощь фронту.

С первых дней войны Кировская железная дорога перешла на воинский график перевозок. По ее путям на фронт следовали воинские эшелоны, продовольствие и медикаменты, вывозились раненые. Несмотря на все попытки, противнику так и не удалось парализовать работу железной дороги. С 1 сентября 1941 г. во временную эксплуатацию вступила Сорокско-Обозерская железнодорожная линия [2, с. 23–28], по которой на Карельский фронт направлялось подкрепление и осуществлялось снабжение.

Масштабные грузоперевозки, налеты авиации противника наносили ущерб подвижному составу и железнодорожным объектам Кировской магистрали, которые требовали немедленного восстановления [3, с. 58–82]. Проведение ремонтных работ и восстановления железнодорожных путей осложнялись отсутствием строительных материалов и запасных частей.

На 22 июня 1941 г. эксплуатационные запасы оборудования Кировской железной дороги состояли из 480 закладок, 595 зубчаток, 1413 печей, 804 трубы, 1825 рам и т.д. [1, ф. Р-528, оп. 13, д. 4/29, л. 110, 111]. Имевшиеся на складах дороги запасы были израсходованы в кратчайший срок. С первых дней войны поступление сортового железа, инструмента, запасных частей и других материалов на Кировскую железную дорогу заметно сократилось.

Перебои в снабжении материалами были связаны с отсутствием организованных поставок из баз Главного управления материально-технического обеспечения НКПС (ГУМТО НКПС), отсутствием на базах ГУМТО НКПС бензина и керосина [1, ф. Р-528, оп. 13, д. 339/3602, л. 4 об].

В годы войны администрация Кировской магистрали пыталась восполнить недостаток материалов и запасных частей поставками вне фондов ГУМТО НКПС. Кировская железная дорога получала цемент, оконное стекло, строительный кирпич, толь, шифер и другие материалы от Сороклага. Железо и карбид частично приобретались у Снаббазы КФСР и Росснаббыта Мурманской области [1, ф. Р-528, оп. 12, д. 4/29, л. 110, 111].

Недостаток или отсутствие некоторых строительных и ремонтных деталей по мере возможности заменялось другими материалами из внутренних ресурсов дороги. Производилась реставрация старых запасных частей и изготовление новых деталей из лома и отходов. Из «Аналитической записки к годовому отчету за 1942 г.», составленной службой материально-технического обеспечения управления Кировской железной дороги, следовало, что работа по выявлению и использованию местных ресурсов велась во всех службах. Коллектив вагонной службы изготовил 60 кг гвоздей, 86 кг заклепок, 27 наименований запасных частей в количестве 9179 единиц и отремонтировал 36 наименований деталей в количестве 8247 единиц. По службе пути в течение 1942 г. было отремонтировано 20,6 км рельс, 256 т

накладок, 20,6 т костылей, 5804 шт. шпал и т.д. [1, ф. Р-528, оп. 12, д. 4/29, л. 5]. Коллектив электрифицированного участка Кировской железной дороги в 1942 г. освоил изготовление изоляционных материалов (гибкого миканита, кембрика и др.) из местных ресурсов [4].

В рассматриваемый период получило распространение движение Сазонова (мастера Мурманского депо), который в свободное от работы время восстанавливал старые детали. В 1942 г. инициатором сазоновского движения на пункте осмотра станции Кемь выступил осмотрщик-автоматчик Перхин, который вместе со своей бригадой в свободное от осмотров поездов время собирал и ремонтировал запасные части. Опыт бригады Перхина переняли 46 работников станции Кемь [1, ф. П-8, оп. 1, д. 717, л. 85]. Коллектив Сорокского пункта осмотра, применяя метод Сазонова, на ремонте старых деталей сэконобил в 1943 г. 30 тыс. руб. [1, ф. Р-528, оп. 13, д. 4/29, л. 179].

В 1943 г. мобилизация внутренних ресурсов на Кировской железной дороге достигла еще большего размаха. За 1943 г. на дороге из отходов 3535 кг стали было изготовлено 196 сверл, 535 напильников, 1000 гаечных ключей, 200 ручников и других инструментов. На перегонах и территориях депо были собраны 6100 кг сортового железа, 1400 кг листового железа, 2850 кг кровельного железа, 2150 кг железной проволоки и т.д. Такие материалы, как электроды и гвозди, изготавливались из отходов проволоки. Железнодорожники отливали чугунные и медные подшипники, золотники, колодки, колосники, буксовочные коробки и т.д. Для экономии свинца и быстрорежущих сталей использовали баббитовый выплав и напайку пластинок из старых сверл. Отливка медных деталей производилась из медных отходов (стружки, паспортной бронзы и красной и чушковой меди). Был построен карбидный цех [1, ф. Р-528, оп. 13, д. 4/29, л. 130, 131].

В июле 1944 г. был освобожден захваченный противником железнодорожный участок протяженностью 997 км. В состав Кировской железной дороги от Северной железной дороги возвратилось Волховстроевское отделение. Освобождение оккупированных участков железной дороги потребовало от администрации Кировской магистрали быстрой организации поставок деталей на эти территории. Отделение запасных частей управления Кировской железной

дороги направило для работы в магазинах запасных частей на освобожденных участках своих специалистов. На территориях магазинов прошли субботники. В Раймаге станции Лодейное Поле и Дормаге станции Волховстрой были отремонтированы сараи для хранения запасных деталей. В Раймагах станций Кемь и Кандалакша произведен частичный ремонт крыш, складских помещений, стеллажей и навесов. Работники отделения запасных частей на освобожденных участках провели беседы о правильном хранении деталей, о профилактике появления коррозии, предупредили о возможных поломках и механических повреждениях деталей при перевозке из магазина в магазин. К 1 января 1945 г. на Кировской железной дороге работали пять магазинов запасных частей, обслуживавших железнодорожные участки: Дормаг на станции Волховстрой и Раймаги на станциях Кемь, Петрозаводск, Кандалакша, Лодейное Поле [1, ф. Р-528, оп. 12, д. 340/3611, л. 33, 34 об].

Возобновление работы магазинов запасных частей не могло в полной мере удовлетворить потребности станций и узлов, находившихся на освобожденных от оккупационных войск противника территориях. Поэтому в 1944 г. распространенным явлением на Кировской железной дороге стало изготовление и выделение инвентаря, оборудования и инструмента для работников освобожденных участков дороги.

Так, комсомолец Рыков из кондукторского резерва станции Кемь в свободное от работы время, используя шесть консервных банок и лом стекла, отремонтировал и изготовил 25 комплектов поездных сигналов и 125 лампочек к ним [1, ф. П-8, оп. 1, д. 1356, л. 37].

Шефская помощь носила также адресный характер. Коллектив Кемского отделения движения передал в фонд помощи подшефному Петрозаводскому отделению 2058 предметов различного оборудования и инструментов, в том числе 170 сигнальных флажков для стрелочников Петрозаводского отделения [6, с. 2]. Коллектив станции Энгозеро (состоял из 9 человек) взял обязательство создать фонд оборудования и инструмента для восстановления станции Ладва. Он выделил и изготовил для работников станции Ладва 43 предмета. Жигунов, стрелочник станции Энгозеро, из своего пользования выделил стол, табуретку, железное ведро и два фонаря [1, ф. П-8, оп. 1, д. 1356, л. 11, 34]. Работники Сумпосадской дистанции пути

подготовили 670 болтов, 2 стеллажа для инструментов, 254 рессорных чеки, 3400 гвоздей, 2830 шплинтов и отремонтировали 29 буксовочных крышек, 19 концевых кранов для работников подшефной Суоярвской дистанцией пути [5, с. 3].

Таким образом, выполнение стратегических задач, которые стояли перед прифронтовой Кировской железной дорогой в годы Великой Отечественной войны, осуществлялось в суровых природно-климатических условиях Европейского Севера, под огнем авиации и диверсионных групп противника, в условиях неразвитой железнодорожной инфраструктуры, и при отсутствии централизованного снабжения оборудованием, запасными деталями и т.д. Несмотря на это, коллектив Кировской железной дороги, перенося все тяготы и лишения, сумел обеспечить бесперебойную работу магистрали и тем самым внес свой бесценный вклад в Победу в Великой Отечественной войне.

Библиографический список

1. *Зеленская Ю.Н.* «Это могли сделать только русские!». Строительство Сорокско-Обозерской железнодорожной линии, которая в годы Великой Отечественной войны стала «дорогой жизни» Севера // Военно-исторический журнал. 2015. № 8.
2. *Зеленская Ю.Н.* Организация бесперебойной работы Кировской железной дороги в условиях прифронтовой полосы в годы Великой Отечественной войны // Клио. 2013. № 4 (76).
3. Национальный архив Республики Карелия.
4. Приказ по Кировской железной дороге № 581 от 2 декабря 1942 г. // Из фондов музея Петрозаводского колледжа железнодорожного транспорта.
5. Слово и дело // Ленинское знамя. 5 апреля 1944 г. № 70.
6. Цифры и факты // Кировская магистраль. 29 июня 1944 г. № 78. С.2.

ЗОЛОТОЙ СТАНДАРТ И ВЕЛИКАЯ РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Дмитрий Дмитриевич Зусманович

кандидат исторических наук

Московский финансово-юридический университет МФЮА

Аннотация. В статье представлен обзор экономического положения России в конце XIX – начале XX в. Критическому анализу подвергнута реформа С.Ю. Витте по введению золотого стандарта и ее последствия для российского государства.

Ключевые слова: золотой стандарт, С.Ю. Витте, иностранный капитал.

Экономическое положение России в начале XX в. до сих пор является предметом обсуждения в отечественной историографии. Большинство историков склоняется к тому, что это был период экономического роста, когда Российская империя сделала значительный шаг вперед в социально-экономическом развитии. Такие историки-специалисты, как В.И. Бовыкин, В.Г. Тюкавкин, А.В. Шишов, выделяют ряд проблем, с которыми столкнулась Россия в финансовой сфере, но в целом рассматривают этот период положительно [2]. Их оппоненты С.Ю. Катасонов и С.Г. Кара-Мурза, напротив, считают, что экономический курс и реформы, которые проводились в годы царствования Николая II, были миной замедленного действия и в итоге стали главной причиной Великой русской революции [7; 8]. Данная статья – это попытка еще раз проанализировать экономическое положение России в начале XX в. и выявить основные проблемы и трудности, с которыми столкнулась наша страна 100 лет назад.

Крупнейшей финансовой реформой, которая перевернула экономическое устройство Российской империи, стала реформа министра финансов С.Ю. Витте, направленная на введение золотого стандарта, проведенная в 1897 г. У данной реформы было несколько целей. Во-первых, борьба с инфляцией – золотое обеспечение валюты позволяло решить эту проблему достаточно эффективно. Во-вторых, финансовая реформа С.Ю. Витте способствовала значительному притоку иностранных инвестиций на российский рынок. В-третьих, протекционизм стал неотъемлемой частью финансовой политики России в конце XIX – начале XX в. Но вместе с тем, эти

изменения поставили экономику Российской империи в зависимость от иностранного капитала и интересов европейских инвесторов. К сожалению, реформа С.Ю. Витте чаще всего рассматривается исследователями лишь с положительных сторон, как и в целом экономическое положение Российской империи, либо характеризуется как вполне здоровое или даже блестящее мероприятие. Например, такой видный специалист по отечественной истории, как В.Г. Шишов, прямо назвал свою монографию «Витте. Финансовый гений последних Романовых». Комментарии к монографии излишни, так как уже из названия ясно, что автор воспринимает положение Российской империи слишком оптимистично. Накануне введения золотого стандарта, часть ближайшего окружения Николай II выступила с резкой критикой С.Ю. Витте и его экономического курса, ориентированного главным образом на привлечение иностранного капитала, в частности, великий князь Александр Михайлович, председатель Комитета министров генерал И.Н. Дурново, военный министр А.Н. Куропаткин, министр иностранных дел М.Н. Муравьев, государственный секретарь В.К. Плеве и государственный контролер П.Л. Лобко [13, с. 359]. Среди русских экономистов самым последовательным критиком реформы С.Ю. Витте был С.Ф. Шарапов. Видя колоссальные убытки, которые несет Россия в результате реформы, не в силах достучаться до высших эшелонов власти, от отчаяния в своем рассказе «Диктатор» Сергей Федорович пришел к неутешительному выводу, что для спасения отечественной экономики требуется выслать к министерству финансов пулеметный расчет и «расстреливать всех веером» [17, с. 486].

Перед анализом самой реформы необходимо отметить, что подготовка к проведению реформы началась еще в середине XIX столетия. Если в 1857 г. в обращении находилось 2 048 297 000 руб. при бюджете 255 млн руб., население Российской империи на тот момент составляло 65 млн человек. В 1906 г. в обращении находилось 2 260 800 000 руб., в это время государственный бюджет увеличился на 700 % (при бюджете около 2 млрд руб.), а количество денег в обращении сократилось в разы. В то же время население Российской империи выросло до 145 млн человек [9, с. 60]. Таким образом, был острый недостаток наличных денег в обращении. Более того, сжатие денежной массы неуклонно толкало ко все новым и новым займам

в Европе. В 1861 г. внешний долг России составлял 350 млн руб., в 1913 г. – 8,86 млрд руб. [9, с. 204]. Бóльшая часть этой суммы – долг внешний, что естественно ставило государство в зависимость от иностранных инвесторов. Не менее важно, что по сумме внешнего долга Россия заняла первое место в мире!

Именно во время нахождения С.Ю. Витте на посту министра финансов началась торговая война с Германией, и главным кредитором России стала Франция, а это, в свою очередь, сыграло роль и в выборе политического союза. В 1893 г. были подписаны «Кронштадтские соглашения» с Францией, что считается началом складывания Антанты. Французский и английский капитал на российском рынке все более теснили немецкий, что лишало Россию возможности маневра во внешней политике.

С Германией, Австро-Венгрией и Италией Россия вела активную торговлю. По средней ценности вывоза и ввоза в 1906–1910 гг., государства располагались в следующем порядке.

Тройственный союз. Экспорт. (тыс. руб.):

- Германия – 326 493;
- Австро-Венгрия – 49 450.

Тройственный союз. Импорт. (тыс. руб.):

- Германия – 359 454;
- Австро-Венгрия – 26 861.

Антанта. Экспорт. (тыс. руб.):

- Великобритания – 255.765;
- Франция – 79 451.

Антанта. Импорт. (тыс. руб.):

- Великобритания – 124 548;
- Франция – 40 989 [11].

Возвращаясь к увеличению долга, нужно сказать и о процентах, которые Россия была вынуждена выплачивать. Этот показатель ежегодно составлял от 300 млн до 400 млн руб. [9, с. 205]. С 1881–1913 гг. выплаты по кредитам иностранным кредиторам составили 5 млрд руб. При этом следует учитывать, что бюджет составлял около 2 млрд руб., то есть за границу вывезли почти три бюджета – и это только в качестве выплаты процентов по кредиту. Данная сумма сродни контрибуции, которую выплачивают после поражения в войне. Другой момент, который нельзя обойти стороной,

– это обеспечение рубля золотом. В 1900 г. покрытие золотого рубля составляло 132 %. До реформы С.Ю. Витте в 1897 г. этот показатель составлял 3,4 % [9, с. 11]. Для сравнения: этот же коэффициент в Германии 1906 г. равнялся 37 %, Австро-Венгрии – 67 % [9, с. 375–376], Бельгии – 18 % [10, с. 14]. Иностранные вложения в российские акционерные предприятия были преимущественно французскими (1/3), остальные распределялись между Великобританией (1/4), Германией (1/5) и Бельгией (1/7) [5, с. 59]. То есть иностранцы могли проводить эмиссию, обеспечивая свою валюту золотом едва наполовину (а в случае Бельгии – вообще не обеспечивая) и затем вкладывать деньги в качестве инвестиций в российскую экономику и давать деньги в займы. В Российской империи в экономической политике отсутствовала всякая гибкость. Чрезмерно привязав деньги к золоту, государство утратило возможность насыщать экономику деньгами, в то же время оно отдавало долги деньгами, которые были больше чем на 100 % обеспечены золотом, что уже является, по сути, грабежом, на который министры закрывали глаза. Другими словами, Россия в результате реформы потеряла право суверенной эмиссии. Как справедливо отмечал русский экономист А.Д. Ничволодов, «Нелепость русской денежной системы заключается еще в том, что деньги наши обеспечены золотом, которое нам не принадлежит, так как мы должны его в пять раз большую сумму, чем у нас имеется золотых денег; в долг же это золото, нужное исключительно для обеспечения наших бумажных денег, мы берем под государственные ценные бумаги; бумаги же эти имеют, очевидно, ценность только потому, что верят Российскому Государству, которое их выпускает; потому, разумеется, и деньги наши вовсе не нуждаются в промежуточном золотом обеспечении, которое одно привело, однако, Россию к полному разорению...» [10, с. 43]. В то же время нельзя не упомянуть о финансовой реформе графа Е.Ф. Канкрин. В 1839 г. были введены государственные кредитные билеты, которые были приравнены к серебряному рублю и могли свободно обмениваться на него. После войны 1812 г. в обороте находилось избыточное количество ассигнаций, и таким образом, целью реформы Е.Ф. Канкрин было не только укрепление рубля по отношению к другим валютам, но и сжатие избыточной денежной массы. Некоторые исследователи считают реформу С.Ю. Витте закономерным и естественным продолжением реформы Е.Ф. Канкрин – однако, следует отметить

принципиальную разницу. На момент введения золотого стандарта избыточной денежной массы в России не было. По этой причине привязка рубля исключительно к золоту привела к сжатию денежной массы, привязка же к серебру не нанесла ущерба, так как денег в обороте было более чем достаточно. Необходимо сказать, что после отставки С.Ю. Витте в 1906 г. претерпела значительное изменение привязка рубля к золоту. Если в 1906 г. этот показатель составлял 80 %, то в 1913 г. – 41 % [11]. В ходе Первой мировой войны золотое обеспечение рубля было фактически сведено на нет.

Имея дело с иностранными инвестициями, нужно всегда помнить три важные детали.

Во-первых, инвестор всегда будет рассчитывать получить больше, чем вложил, и тем самым если не препятствовать оттоку капитала, не вводить ограничение трансграничного движения капитала, то и вывоз капитала за границу становится неизбежным.

Во-вторых, иностранный инвестор не заинтересован вкладываться в наукоемкие технологии. Никто из западноевропейских кредиторов не был заинтересован в производстве в Российской империи тяжелой артиллерии, двигателей для самолетов или в создании для России новейшего автоматического стрелкового оружия. При сравнении со сталинской индустриализацией, видно, что иностранный капитал участвовал в грандиозных стройках первых пятилеток, но вот новейшие танки и самолеты нашим конструкторам пришлось создавать самостоятельно, рассчитывая только на собственные силы, а не на иностранцев.

В-третьих, рост экономических показателей будет не эффективен, он не будет отражать реального положения дел в стране.

Для доказательства этих положений обратимся к статистике. С 1881–1913 гг. вложения в российскую экономику составили 5,5 млрд руб., а вывоз капитала за этот же период – 7,5 млрд руб. [9, с. 226]. Таким образом прибыль иностранных инвесторов составила около 2 млрд руб. В то же самое время торговый баланс был положительным, но с каждым годом сокращался: с 430 млн руб. в 1911 г. до 200 млн руб. в 1913 г. [11]. Доля России в мировом промышленном производстве возросла с 3,4 % в 1881 г. до 5,3 % в 1913 г. Для сравнения: этот же показатель в Германии составлял 13,9 % и 15,7 % соответственно, а в США – 28,6 % и 35,8 % [2, с. 89].

Конечно, можно отметить рост промышленного потенциала России, которая заняла 5–6 место в мире по этому показателю. Безусловно, определенные успехи были. Так, в период с 1885 по 1900 г. добыча каменного угля увеличилась в 2,5 раза, нефти – в 3 раза, выплавка чугуна – в 3 раза, производство стали – в 6 раз. За 15 лет увеличилось производство металлообрабатывающей промышленности в 3 раза, производство паровозов – в 4,5 раза, вагонов – в 7 раз [5, с. 36]. Многие ученые, которое пишут о развитии экономики Российской империи того периода как об «экономическом чуде», забывают упомянуть о том, что значительное количество русской промышленности принадлежало иностранному капиталу. По этой причине, как правило, доходы от предприятий не оседали в России в долгосрочном периоде и не вкладывались в наукоемкое производство. В руках иностранных предпринимателей находилось 90 % шахт России, 50 % предприятий химической промышленности, 40 % металлургических и машиностроительных предприятий [1]. Более 80 % нефтяной промышленности России также принадлежало иностранцам [15]. В паровозостроении 100 % акций находились в собственности двух банковских групп – парижской и немецкой, в судостроении 96 % акций принадлежало банкам, в том числе 77 % парижским. В 1912 г. в руках иностранцев находилось 70 % угля в Донбассе, 90 % добычи платины, 90 % всех электрических и электротехнических компаний [7, с. 150]. Следует отметить также влияние иностранного капитала в банковской сфере. В Азовско-Донском банке доля иностранного капитала в уставном капитале была равна 36,7 %, в Русском для внешней торговли банке – 40 %, в Петербургском международном – 40 %, в Русско-азиатском – 79 % [9, с. 251].

По факту мы имеем дело с экономическим ростом, но нельзя сказать, что это напрямую отражалось на уровне жизни подданных Российской империи. В 1912 г. национальный доход на душу населения в России составлял 110 руб. золотом, в Германии – 300, Англии – 500, США – 720 [3]. В конце XIX – начале XX в. отмечалось резкое ухудшение состояния здоровья новобранцев, зачастую бойцы в армии впервые получали возможность потреблять мясо в достаточном количестве. Энергетическая ценность продуктов питания в семьях фабричных рабочих в 1918 г. составляла 1786 килокалорий на взрос-

лого едока в день. (в то время, как норма – 3000 килокалорий. – Д.З.). В крестьянской семье на едока приходилось около 16 кг мяса в год [4, с. 65]. Аграрный вопрос оставался нерешенным, и с каждый годом положение деревни ухудшалось. Значительное увеличение численности населения сыграло двойную роль. Средние душевые наделы крестьян в средней полосе России с 1860 г. по 1900 г. по 50 губерниям уменьшились с 3,5 до 2,6 десятин. В 1878 г. в черноземной полосе насчитывалось 580 тыс. душ мужского пола с наделом земли менее 1 десятины и 1,6 млн человек с наделом земли от 1 до 2 десятин [16, с. 63]. Такого количество земли было явно недостаточно для ведения рентабельного хозяйства. Начало промышленного переворота в середине XIX в. нанесло еще один удар по русской деревне. Как отмечал С.Г. Кара-Мурза, «Промышленность, которая находилась под контролем западного капитала, не стала двигателем всего народного хозяйства, не вступила в кооперативное взаимодействие с крестьянством. Прежде всего, она не дала селу средства, которые позволили бы интенсифицировать хозяйство и повысить его продуктивность (машины и минеральные удобрения). С другой стороны, она не предоставила крестьянству рабочих мест, чтобы разрешить проблему аграрного перенаселения, которое все сильнее определяло положение в европейской части России» [7, с. 156]. Еще до реформы С.Ю. Витте министр финансов В.И. Вышнеградский объявил громогласный лозунг «Недоедим, но вывезем!» К тому же в России была одна из самых низких урожайностей в Европе [1]. Экспорт зерна был первой важнейшей статьей и составлял до 50 % экспорта Российской империи [2, с. 32]. Падение этого показателя неизбежно приводило к девальвации рубля. В силу этих причин правительство закрывало глаза на хроническое недоедание своего собственного населения. Даже голод 1891 г. так и не произвел должного отрезвляющего эффекта. В министерстве финансов слишком сильно увлеклись борьбой с инфляцией. С помощью золотого стандарта победить инфляцию, конечно, удалось, также удалось благодаря этой мере привлечь значительный иностранный капитал в Россию. Однако эти меры не возымели должного эффекта. Создание собственного станкостроения, тяжелой промышленности, новых видов вооружений – все эти задачи иностранный капитал выполнить не смог, и к сожалению, Российская империя вошла в Первую мировую войну все еще аграрной страной.

Так, экспорт сельскохозяйственной продукции в 1912 г. составлял 818,2 млн руб., экспорт сырья в этом же году – 578 млн руб., а экспорт промышленной продукции – всего 29,6 млн руб. [14]. Отмечался недостаток тяжелой артиллерии, автоматического стрелкового оружия, самолетов, боеприпасов. Это неминуемо отразилось на ситуации, которая складывалась на полях сражений Первой мировой войны. По итогу войны потери России были самыми тяжелыми: Россия потеряла 3,3 млн человек, Германия – 2 млн человек, Франция – 1,4 млн человек, Австро-Венгрия – 1,2 млн человек, Великобритания – 0,9 млн человек, США – 117 тыс. человек [12, с. 118]. Колоссальные займы, сделанные Россией в ходе войны, привели к значительному ухудшению экономического положения и колоссальному увеличению государственного долга. Так, в январе 1918 г. общая сумма долга составляла 60 млрд золотых рублей, 44 млрд долл. приходилось на внутренний долг, а 16 млрд руб. – на внешний [8, с. 35]. Вместе с этим показатель ВВП в 1917 г. сократился на 18,2 % [4, с. 510].

В заключение хочется сказать, что крушение Российской империи стало возможно в первую очередь из-за серьезных экономических проблем. Революционеры лишь воспользовались благоприятными условиями, которые сложились благодаря ошибкам, допущенным в экономической сфере. Хрупкая социально-экономическая система, столкнувшись с перенапряжением в ходе Первой мировой войны, не выдержала. Цены поднялись на 40–60 %, доходы рабочих упали на 20 % [5, с. 214]. Последовали многочисленные демонстрации и шествия, а затем революция как закономерный итог.

Библиографический список

1. *Арин О.А.* Правда и вымыслы о царской России. URL: <http://www.mysteriouscountry.ru/wiki/index.php/> (дата обращения: 20.11.2016).
2. *Бовыкин В.И.* Финансовый капитал в России накануне Первой мировой войны. М., 2001.
3. *Братченко Т.М., Сенявский А.С.* Раннеиндустриальная модернизация дореволюционной России. URL: http://www.ssc.smr.ru/ftp/2007/2007_2/2007_2_05.pdf (дата обращения: 20.11.2016).
4. *Вдовин А.И.* История СССР от Ленина до Горбачева. М., 2014.
5. История России XX – начала XXI века / под ред. М.В. Милова. М., 2006.

6. История России. XIX век: учебник для студ. высших учебных заведений: в 2 ч. / под. ред. В.Г. Тюкавкина М., 2001.
7. *Кара-Мурза С.Г.* Ошибка Столыпина. Премьер, перевернувший Россию. М., 2011.
8. *Катасонов В.Ю.* Генуэзская конференция в контексте мировой и российской истории. М., 2015.
9. *Катасонов В.Ю.* Экономическая теория славянофилов и современная Россия. М., 2014.
10. *Ничволодов А.Д.* От разорения к достатку. СПб., 1906.
11. Россия. 1913 год: статистико-документальный справочник. URL: http://istmat.info/files/uploads/15971/stat.eg_1913_vneshtorg.pdf (дата обращения: 20.11.2016).
12. *Смирнов В.П.* Две войны – одна победа. М., 2015.
13. *Спицын Е.Ю.* Российская империя XVIII – начала XX в.: полный курс истории России для учителей, преподавателей и студентов. Кн. II. М., 2016.
14. *Тери Э.* Экономическое преобразование России. URL: <http://istmat.info/node/63> (дата обращения: 20.11.2016).
15. *Тимофеева А.А.* История предпринимательства в России: учебное пособие. М., 2011. URL: http://historylib.org/historybooks/Alla-Aleksandrovna-Timofeeva_Istoriya-predprinimatelstva-v-Rossii-uchebnoe-posobie/21 (дата обращения: 20.11.2016).
16. *Тюкавкин В.Г.* Великорусское крестьянство и столыпенская аграрная реформа. М., 2001.
17. *Шарапов С.Ф.* Россия будущего. М., 2011.
18. *Шишов А.В.* Витте. Финансовый гений последних Романовых. М., 2011.

ЛИЧНОСТИ СОВЕТСКОГО И ПАРТИЙНОГО РУКОВОДСТВА УРАЛА В 1917–1918 ГГ. БЕЗ РЕТУШИ

Сергей Иванович Константинов

доктор исторических наук

Уральский государственный юридический университет

(г. Екатеринбург)

Аннотация. В статье обобщаются биографические данные партийного и советского руководства Урала в 1917–1918 гг., и на этой основе сделана попытка выявить мотивацию его действий в революционную эпоху.

Ключевые слова: Февральская революция 1917 г., биографии и автобиографии большевиков, мотивы революционной деятельности.

Практически все партийное и советское руководство Урала и Екатеринбурга в 1917–1918 гг. составляли профессиональные революционеры – борцы с прежним режимом. Все они неоднократно побывали в тюрьмах и ссылках и прибыли в Екатеринбург после освобождения их Февральской революцией. При этом практически все они были людьми одного поколения в возрасте от 26 лет (Белобородов, Сафаров) до 34 лет (Крестинский).

Так, **партийное руководство** осуществляли большевики.

Я.М. Свердлов (1885–1919, в 1917 г. – 32 года) – в партии с 1901 г., неоднократно арестовывался и ссылался, с февраля 1913 г. в ссылке в Сибири, в апреле 1917 г. руководил 1-й Уральской свободной конференцией большевиков, воссоздавшей областной комитет партии, с 8 (21) ноября – председатель ВЦИК.

Н.Н. Крестинский (1883–1938, в 1917 –34 года) – в партии с 1903 г., 7 раз арестовывался полицией, в 1917 г. – в ссылке на Урале, с апреля 1917 г. – председатель обкома партии, с 29 октября по 22 ноября – председатель ВРК (военно-революционного комитета, претендовавшего на высшую власть в городе), с декабря 1917 г. – в Петрограде.

М.М. Малышев (1889–1918, в 1917 г. – 28 лет) – единственный уроженец Урала (г. Верхотурье), в партии с 1907 г., неоднократно арестовывался и ссылался, с 1915 г. – член Екатеринбургского комитета партии, после Февраля освобожден из тюрьмы и избран пред-

седателем Екатеринбургского комитета, с апреля – член Уралобкома партии, затем заместитель председателя городского и член Уральского областного Совета, с января 1918 г. – председатель Уральского областного комитета партии, член облисполкома.

И.И. Голощекин (1876–1941) – в партии с 1903 г., неоднократно арестовывался и ссылался, с 1913 г. в сибирской ссылке вместе со Я.М. Свердловым, в мае 1917 г. избран членом Пермского городского, а в июле – член и секретарь Уральского областного комитета партии в Екатеринбурге, с января 1919 г. – областной комиссар юстиции, комиссар Уральского военного округа, член исполкома облсовета, член обкома партии.

И.А. Акулов (1888–1939, в 1917 г. – 29 лет) – в партии с 1907 г., в декабре 1917 – январе 1918 г. – секретарь Екатеринбургского комитета партии, в январе – апреле 1918 г. – Уралобкома партии, в сентябре 1918 – январе 1919 г. – председатель Вятского губкома партии и губисполкома. С 1930 г. – 1-й заместитель председателя ОГПУ, в 1933–1935 гг. – прокурор СССР.

Советское руководство:

Л.С. Сосновский (1886–1937, в 1917 г. – 31 год) – в партии с 1904 г., освобожден Февралем из ссылки и в апреле 1917 г. избран членом Уралобкома партии, а в августе – председателем Уральского областного Совета рабочих и солдатских депутатов и Уральского облсовета профсоюзов, в октябре – председатель Екатеринбургского Совета.

С.К. Тарабукин (Тарин) (1878–?) – единственный в городском руководстве член партии эсеров с 1903 г., как и остальные, прошел аресты и ссылки, с марта 1917 г. – председатель Екатеринбургского комитета партии эсеров, в июне 1917 – январе 1918 г. – товарищ председателя исполкома Екатеринбургского Совета рабочих и солдатских депутатов, председатель Екатеринбургского и член исполкома Уральского совета крестьянских депутатов. После захвата города белыми, на первом заседании городской думы 31 июля 1918 г. был избран гласным от партии социалистов-революционеров [1, ф. 8, оп. 1, д. 1994, л. 2].

П.М. Быков (1888–1953, в 1917 г. – 29 лет) – в партии с 1902 г., арестовывался, ссылался, в 1917 г. – прапорщик Екатеринбургского гарнизона, в марте 1917 г. – председатель Екатеринбургского совета

солдатских депутатов, входил в состав Екатеринбургского окружного и Уральского областного Советов, с ноября 1917 г. – гласный Екатеринбургской городской Думы.

В.Н. Андронников (1885–1942, в 1917 г. – 32 года) – в партии с 1905 г., неоднократно ссылался, кандидат в члены Уральского обкома партии, в июне 1917 г. – председатель окружного Совета. В январе – феврале 1918 г. – председатель Уральского областного Совета.

С.Е. Чуцкаев (1876–1944) – в партии с 1903 г., эмигрант, подвергался арестам, заключению, после февраля 1917 г. – избран городским головой, член областного Совета, после октября – член исполкома Облсовета, председатель Екатеринбургского Совета и один из заместителей председателя облЧК.

Г.И. Сафаров (Вольпин) (1891–1942, в 1917 г. – 26 лет) – в партии с 1908 г., эмигрант, после Февраля 1917 г. вместе с Лениным и Зиновьевым вернулся в Россию, с сентября 1917 г. – товарищ председателя Уралоблсовета, одновременно с января 1918 г. – товарищ председателя, член президиума Уралобкома партии.

Многие активные большевики Екатеринбурга оказались за решеткой как раз накануне Февральской революции. Они были арестованы в самом городе. 16 января 1917 г. ивановский, ротмистр Отдельного корпуса жандармов, докладывал прокурору Екатеринбургского окружного суда о заключении им под стражу в Екатеринбургскую уездную тюрьму Ивана Михайловича Малышева, Сергея Витальевича Мрачковского (будущего командующего войсками Приуральского военного округа), Альфреда Карловича Лепы (будущего члена Екатеринбургского Совета и Уралобкома РСДРП(б), кандидата в члены ЦК ВКП(б)), Сергея Фомича Баранова (будущего члена Урало-Сибирского бюро ЦК РКП(б)), Анджи Луиша Фектера, Лавизы Лапиновны Дзерве, Екатерины Игнатьевны Кочкиной [2, ф. 41, оп. 1, д. 44, л. 82].

Тот же ротмистр Ивановский докладывал прокурору судебной палаты, что «по имеющимся у помощника начальника Пермского губернского жандармского управления в Екатеринбургском и Шадринском уездах агентурным данным, в июле 1916 г. в Верх-Исетском заводе под руководством прибывшего на Урал студента-технолога, фамилию которого выяснить не удалось, организовалась группа большевиков...». Среди руководителей группы названы: Малышев,

Баранов, Фехтер, Мрачковский, а также Герш-Лейба Сосновский [2, ф. 41, оп. 1, д. 44, л. 85].

Но... грянул Февраль. И уже 3 марта 1917 г. ротмистр Ивановский, «по соглашению с Прокурором Екатеринбургского Окружного Суда, Пермским Губернатором и Особоуполномоченным по Екатеринбургскому и Верхотурскому уездам генералом Фортвенглером» издал постановление: «вышеупомянутых лиц из-под стражи освободить» [2, ф. 41, оп. 1, д. 44, л. 93].

Надо сказать, что эти же большевики действовали и в самом городе (поселок ВИЗа тогда официально не входил в состав города). Юровский вспоминал: «Я бы начал с первых дней – кто у нас был в организации: Вайнеры двое, Линде, Лепа, Яков Шейнкман, Жилинский, Уфимцева Мария Николаевна, Кривоногов (Невский), Сосновский, Клавдия Завьялова, Горохов, Парамонов, интернационалист-меньшевик Пиньжаков Василий, Быков Павел, Медведко, Бартенев, Давыдов, Авдеев (с Злоказовского завода), Ермаков, Иван Мрачковский, Малышев, М. Юровская, Я. Юровский, Украинцев (с завода Злоказова). Первый подпольный комитет был на Фетисовской улице дом № 6. Там же был и подпольный комитет Союза печатников. Хозяином квартиры был тов. Медведко (член партии). Обязанности партийного секретаря выполнял т. Линде...» [2, ф. 41, оп. 1, д. 28, л. 3].

Можно представить, каково было отношение к царскому режиму революционеров, лучшие годы проведенных в тюрьмах, ссылках и эмиграции. Екатеринбургский историк, академик РАН В.В. Алексеев отмечает, что возвращаясь из сибирской ссылки, Я.М. Свердлов и Ф.И. Голощекин «покаялись застрелить “Николая Кровавого”» [3, с. 137].

После исполнения этого в статье «Казнь Николая Кровавого», опубликованной 23 июля 1918 г. в газете «Уральский рабочий», Г. Сафаров (Вольдин) писал: «Он слишком долго жил, пользуясь милостью революции, этот коронованный убийца... Николай Второй был самым настоящим помещичьим царем, другом банкиров и грабителей. Когда Февральская революция опрокинула приказно-помещичий строй, он остался жить “по недоразумению”» [4, с. 56].

Председатель следственной комиссии при ревтрибунале Екатеринбургского горсовета, а затем заместитель председателя ЧК Яков

Юровский (сам из семьи ссыльного уголовника) в воспоминаниях 1922 г. заметил: «Восставший пролетариат, забитый нуждой, безграмотный, имел полную возможность и полное право излить свою вековую злобу на попавших в их руки злодеев» [5, с. 108–116].

Немаловажным было и другое соображение. Солдат-строитель, а затем член Совета рабочих депутатов в с. Таватуй, екатеринбургский чекист и участник расстрела царской семьи Г.П. Никулин считал, что с императором поступили даже гуманно, расстреляв его без пыток. В своем интервью в 1964 г. он заявил: «Я, например, считаю, что с нашей стороны была проявлена гуманность. Я потом, когда, понимаете, воевал, вот в составе третьей армии, 29-й стрелковой дивизии, я считал, что если я попаду в плен к белым и со мной поступят таким образом, то я буду только счастлив. Потому, что вообще с нашим братом там поступали зверски» [6, с. 90].

Каков был реальный путь в революцию, по крайней мере у некоторых революционеров, можно судить по автобиографии одного из соратников Я.М. Свердлова Николая Ивановича Дербышева (1879–1955 гг). Написанная в 1925 г., сразу после победы в Гражданской войне, она поражает редкой откровенностью. «Родился в Томске... Отец мой – кожевник... к моменту моего рождения жил не нуждаясь... С 14 лет – ученик в типографии... Втянулся в пьянку, забросил охоту и все свободное время проводил в пьяной кампании. Ранняя половая жизнь и пьянки не удовлетворяли меня, появилось стремление к чему-то необычному... В 1896 г. я уже вступил в только что начавшуюся организацию Сибирского социал-демократического союза... После года одиночного заключения был выслан в г. Омск... В Омске организовал большевистский комитет... арестован и просидел около трех лет в тюрьме, затем сослан в г. Березов на 4 года... После 2,5 лет ссылки по амнистии 1905 г. приехал в Екатеринбург и сразу же вошел в Уральский областной комитет, где работал с покойным Я.М. Свердловым... После 9 месяцев тюрьмы был сослан в Олонецкую губернию... откуда бежал и жил нелегально в Петрограде почти до Февральской революции... За это время годы тюрьмы, где пришлось много читать и думать... создали из меня – бурного и эксцентричного человека – более или менее уравновешенного революционера борца... Я не любил подчиняться никому. Я был по природе непокорный и самолюбивый, но Андрея (подпольная

кличка Свердлова. – К.С.) я любил, и слова его были для меня законом... Рабочие выбрали меня председателем центрального совета фабрично-заводских комитетов Петрограда... После Октябрьской революции принял пост народного комиссара по делам печати... После фронтовой борьбы с Юденичем, заболев тяжелой формой истерии, был отправлен на отдых в Одессу, но по приезде туда был назначен комиссаром транспорта Черного моря... В 1921 г. выбран на съезде председателем ЦК печатников... Одновременно с этим три года выбирался членом пленума ВЦСПС и членом ВЦИК, а РСФСР и ЦИК, а СССР» [4, с. 406–407].

Не сразу большевистские руководители страны и партии становились похожими на портреты, которые приводились впоследствии в учебниках истории КПСС и героических биографиях. «В период июльских дней 1917 г. у нас происходило соглашение с эсерами и меньшевиками для отпора Корнилову... – откровенно повествовал Юровский. – Второе соглашение, насколько помню, было в период после Октября, в связи с отсутствием сведений о положении в Петербурге и других центрах России (выделено мною. – К.С.), так как почтово-телеграфные работники, вернее союз их, саботировали и сведений никаких не давали. Кроме того, в указанный период были большие продовольственные затруднения и на почве этих затруднений голод...» [4, с. 406–407].

«После Октября прошел слух о движении казаков со стороны Московского тракта. Но навстречу им были выдвинуты 10-я и 15-я роты 108 полка и конского запаса во главе не с большевиком, а беспартийным поручиком Браницким. Большевики в это время срочно создавали объединенный революционный комитет... (“2–3 дня сидели ночи напролет, вели переговоры” Вайнер, Крестинский, Юровский, эсеры Доброклонский, Хотимский)... В революционный комитет вошли Крестинский, (как будто) Войков и поручик Браницкий... Сосновский, который был в тот период председателем октябрьского большевистского Совета где-то отсутствовал (сдрейфил, очевидно, где-то прятался)... Это было несомненно результатом паникерства в части Уральской организации... дней через 20 Крестинский заявил, что Революционный комитет заканчивает свое существование и власть снова переходит целиком в руки Советов» [2, ф. 41, оп. 2, д. 28, л. 7–8].

Таким образом, радикализм революционного руководства Урала в переломную эпоху XX столетия объясняется пройденным им жизненным путем. В то же время портрет «рыцарей революции без страха и упрека» сложился во многом благодаря тому, что они оказались в стане победителей.

Библиографический список

1. Государственный архив свердловской области.
2. Центр документации общественных организаций Свердловской области.
3. *Алексеев В.В.* Тайна века. // Урал в панораме XX века. Екатеринбург, 2000.
4. Деятели СССР и революционного движения России: энциклопедический словарь Гранат. М., 1989.
5. Источник. 1993. № 0.
6. *Плотников И.Ф.* Правда истории. Гибель царской семьи. Т. 2. М., 2008.

КОЕ-ЧТО О ГРАЖДАНСКОМ ОБРАЗОВАНИИ И ПРОСВЕЩЕНИИ В ТРЕТЬЕМ СЕКТОРЕ НА ПЕРЕЛОМЕ ЭПОХ

Алексей Энгельсович Луговских
Московская ассоциация предпринимателей

Аннотация. В работе с позиции объекта и субъекта раскрывается понятие гражданского образования. При содержательном анализе в разрезе времени «вчера, сегодня, завтра» сделан анализ отношения к этому РАН. Дается представление о содержании термина «третий сектор» и включении его потенциала в систему современных социо-гуманитарных отношений в обществе в соответствии с существующим законодательством. В конце работы кратко обозначены новые вызовы, о которых конгресс работников образования, науки и культуры постоянно информирует научную общественность.

Ключевые слова: гражданское образование, просвещение, третий сектор, РАН, кризис индустриального общества.

Все и вся бывает как в себе,
так и для других в отношении другому

Олег Анисимов

Кроме телевизора, мы не видим мест, где происходит содержательная обработка ежедневных событий, на которые прямо или косвенно должна реагировать вся страна. Можно предположить, что система просвещения и Министерство образования – чрезвычайно влиятельное сообщество, которое совместно с Российской академией наук, ее прикладными и научно-исследовательскими институтами, в режиме реального времени формируют нашу убежденность в том, что важно, а что нет. Можно предположить, что именно указанные учреждения заняты формированием «картины мира», проектированием и производством представлений миллионов соотечественников о происходящем: о чем и как следует думать, что переживать, любить или ненавидеть; на что надеяться; ну и что делать, конечно [2].

Историческое значение столетия русской революции, празднование которой приходится на 2017 г., трудно переоценить. Многие научные сообщества и общественные организации в текущем году будут проводить научные мероприятия, посвященные событиям 1917 г. Не вдаваясь в возможные положительные или отрицатель-

ные оценки событий столетней давности, в статье предлагается рассмотреть, как общество и личность преодолевает исторические переломы в различных социальных стратах, в том числе и в новом секторе СО НКО. А пока – немного о просвещении.

Начав с понимания значений официальной терминологии (для чего пришлось просмотреть Новейший философский и исторический словари, Энциклопедию социологии и культурологии), удалось понять, что решающая роль разума и науки в познании естественного порядка вещей, соответствующего подлинной природе человека и общества, должна победить невежество, мракобесие и религиозный фанатизм [8].

Известно, что Просвещение (культурно-идеологическое и философское движение общественной мысли) связано с эпохой утверждения капиталистических отношений и послужило идеологической подготовкой ряда буржуазных революций (в Западной Европе, особенно во Франции, также в Германии и Англии). Просвещение, будучи закономерной ступенью в культурном развитии любого государства, вступающего на путь перехода от феодализма к капитализму, от капитализма к **капиталитаризму** (капитализм + социализм), есть целенаправленный процесс информирования населения об имеющемся социально-культурном опыте, рассчитанный на устойчивые группы и аудитории [4].

По определению образование есть целенаправленный процесс обучения и воспитания в интересах личности, общества и государства, ведущий человека к овладению ценностями культуры, накопленной социумом, правильному нравственно-эмоциональному отношению к миру, профессиональной и творческой деятельности. Оно реализуется посредством организации учебных курсов, проведения внеклассной и внеурочной работы. Отдельно от просто образования, гражданское образование представляет собой единый комплекс, стержнем которого является политическое, правовое и нравственное образование [8], где объект (от лат. *objectum* предмет) в самом широком смысле – то, на что направлено индивидуальное или коллективное сознание, а **субъект** – (от лат. *subjectus* лежащий в основе) есть индивид, познающий внешний мир (объект) и воздействующий на него в своей практической деятельности [8].

Всегда познание мира осуществляется через смену познавательных моделей. Отказавшись от советской системы образования

Таблица 1

Основные показатели, характеризующие экономические достижения России в XX в. [7]

Годы	Лидер общества	Среднегодовые темпы прироста (проценты)										Производство электроэнергии, млрд кВт/ч
		Население	Богатство	ВВП	Основные фонды	Промышленность	Сельское хозяйство	Валовой сбор зерновых, млн т	Поголовье скота, млн голов			
1894–1905	Николай II	1,9	1,1	2,6	1,1	1,5	1,1	52,2	31,3	1		
1905–1906	С.Ю. Витте	1,8	0,1	6	0	3,4	5,9	53,5	31,5	1,1		
1906–1911	П.А. Столыпин	1,8	1,2	3,3	0,9	6	2,7	63	34,2	1,6		
1911–1917	Правительственная чехарда	1,1	-0,6	-3,5	-1,4	-1,9	-7,5	50,5	25,8	2,3		
1917–1922	В.И. Ленин	-0,7	4,4	-6,1	-4,9	-15	-1,5	34,1	22,9	0,7		
1922–1953	И.В. Сталин	0,6	12,5	14,3	3,6	22,3	2,2	48,2	29,5	92,7		
1953–1964	Н.С. Хрущев	1,5	14,9	15,3	3,6	9,5	4,8	87	43,4	300,3		
1964–1985	Л.И. Брежнев	0,6	13,6	9	9,4	5,9	2,3	98,6	60	962,1		
1985–1991	М.С. Горбачев	0,7	4,7	4,8	7,2	0,8	1,3	89,1	57	1068,2		
1991–1999	Б.Н. Ельцин	-0,3	-0,8	-4,7	-0,2	-4,8	-8,1	54,7	28,5	846		
2000–2008	В.В. Путин	-0,5	8,4	6,2	1,8	5,7	4,5	108,2	21,1	1023,3		

Примечание. За период правления Николая II принят срок фактического его пребывания на посту главы государства (1894–1905 гг.). Самостоятельно выделен неформальный период правления Россией С.Ю. Витте (октябрь 1905 г. – апрель 1906 г.) и П.А. Столыпина (июль 1906 г. – сентябрь 1911 г.). Сроки пребывания на посту главы государства Г.Е. Львова (61 день в 1917 г.) и А.Ф. Керенского (87 дней) включены в период правления «правительственной чехарды», в ходе которой сменилось семь премьер-министров. Смещен с формального (1917–1924 гг.) до фактического срок правления В.И. Ленина, два последних года правления которого присоединены к фактическому правлению И.В. Сталина. Сроки правления Г.М. Маленкова (23 месяца) присоединены к периоду правления Н.С. Хрущева, а сроки правления Ю.В. Андропова (14 месяцев) и К.У. Черненко (13 месяцев) – к периоду правления Л.И. Брежнева. Показатели годового валового сбора зерновых, поголовья крупного рогатого скота и объема производства электроэнергии приведены на конец каждого периода правления.

и приняв за основу болонскую, можно отметить, что каждая (и та, и другая) образовательная парадигма – ограничена.

Даже представляя в начале перестройки удобную, уже готовую (бери, копируй и внедряй), теоретическую и практическую методологическую платформу для старта в образовательной практике, становится ясно, что специалисты, новые выпускники – бакалавры и магистры – уже никогда не запустят в космос новых ракет и вряд ли осилит новый энергетический проект, подобный атомному. Позаимствовав западное, мы стали заложниками своего дальнейшего не развития.

О состоянии гражданского образования в разное время в нашей стране каждый может судить самостоятельно, исходя из приведенных в *таблице 1* статистических результатов – иными словами, исходя из анализа экономических показателей в общедоступных цифрах, понимая, что те или иные успехи в экономике невозможны без должного уровня образования в социуме [7]

Что такое третий сектор? «Секторная модель» общества исходит из экономического критерия и делит всех субъектов, которые принимают участие в создании валового национального продукта, на четыре категории (*таблица 2*). Критерием является основной источник доходов для развития в целях развития [9].

Таблица 2

**Субъекты, принимающие участие
в создании валового национального продукта**

<i>Название</i>	<i>Участники</i>	<i>Источник развития</i>
1-й сектор	Гос.органы	Налоги
2-й сектор	Бизнес	Прибыль
3-й сектор	НКО*	Пожертвования
4-й сектор	Домохозяйства	Самозаплата

Третий сектор – это понятие, обобщающее в себе весь спектр существующих некоммерческих организаций. В одних странах их называют неправительственными, в других – общественными, в третьих – добровольными, благотворительными, неприбыльными.

Согласно определению, приведенному в Федеральном законе № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях», «НКО или некоммерче-

ская организация – это организация, не имеющая извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности и не распределяющая полученную прибыль между участниками. Некоммерческие организации могут создаваться для достижения социальных, благотворительных, культурных, образовательных, научных и управленческих целей, в целях охраны здоровья граждан, развития физической культуры и спорта, удовлетворения духовных и иных нематериальных потребностей граждан, защиты прав, законных интересов граждан и организаций, разрешения споров и конфликтов, оказания юридической помощи, а также в иных целях, направленных на достижение общественных благ». Некоммерческие организации обладают также правом заниматься предпринимательской деятельностью в пределах, необходимых для выполнения их уставных целей».

Всю ранее накопленную энергию, всю свою нереализованную в прошлом мощь Россия в полном объеме явила миру только в XX в. Создавались разные научные школы, где мысль развивалась альтернативными путями. Альтернативные идеи устаревали прежде, чем успевали выйти из андеграунда, поскольку благодаря новым фактам и методам следующие поколения исследователей отказывались от всех прежних концепций и методологических подходов [3]. Как выглядело это победное шествие, наглядное представление дают данные, приведенные в *таблице 1*. Несмотря на все перипетии и противоречия, взлеты и падения, Россия образца XX в., как об этом убедительно свидетельствуют приведенные цифры [7], явила миру настоящий прорыв, которого до этого не знала мировая экономика: освоение космоса, использование ядерной энергии в мирных целях, освоение целины. Русский мир с начала XX столетия стал до основания потрясать устои сложившегося к тому времени капиталистического уклада, который до этого считался незыблемым и вечным.

Экономика Русского мира начала доминировать: был организован СЭВ и коалиция стран Варшавского договора. Началось движение освобождения от колониальной зависимости в странах Азии и Африки.

Организованная во времена Михаила Ломоносова Российская академия наук (РАН), дав империи гражданское образование и просвещение, даровитые проектные маршруты общенародного мышления, к XX столетию, кропотливо строя здание советских

объяснительных схем, ценностных приоритетов и моральных преимуществ, куда поместилась вся перед этим уже отформатированная информация о реальности, в XXI в., начала сдавать свои позиции, стократно уменьшила или совсем перестала пользоваться такими опознавательными терминами минувшей эпохи, как «реформы», «модернизация», «инновации», «развитие личности».

Мы перестали ощущать ту невидимую смыслообразующую силу, которая безостановочно определяла – за нас, для нас – то, как, глядя с нашей территории, выглядит окружающий мир [2]. Начавшаяся в 2012 г. мощнейшая культурная перезагрузка координат восприятия населением происходящего шла через самых разных его интерпретаторов: высших чиновников страны, рядовых школьных учителей, политологов и экономических экспертов, продюсеров сериалов, верстальщиков выпусков новостей – но только не через РАН.

Гражданское образование и просвещение, РАН: вчера, сегодня, завтра

Вчера. Полный смысл «советского» нам открывается только сейчас, после того, как оно закончилось и остыло. А Российская академия наук, в структурах которой пять сотен академиков могли 70 лет объяснять друг другу и нам, что сфера общедоступного расширится настолько, что сфера «товарного» исчезнет, уступив место научно организованному распределению всего, и весь мир будет устроен, как одна большая библиотека, что состоится антропологическая революция и случится сдвиг всех отношений от конкуренции к симбиозу, что талант станет нормой, а бездарность патологией, приказала долго жить. Это был проект модерн по переделке мира и человека. И мы, выросшие в рассказах ученых про будущее, когда произойдет рост потребления, плюс воспитание нового человека, плюс автоматизация труда, которые дадут нам возможность достичь коммунизма, верили, что советская фантастика «местных» ученых станет реальностью. Таким был советский век [5].

Сегодня. Новый смысл «советского» нам открывается только сейчас, когда «невидимая рука рынка держит нас за горло, перекрывающая кислород», и мы теряем завоевания советской эпохи, такие, как бесплатное медицинское обслуживание или бесплатное образование вплоть до высшего, или когда повышают тарифы на коммунальные

услуги, и самое печальное и возмутительное – когда отнимают ту сладкую сказку про счастливое далеко, плод коллективного творчества академиков РАН, и ликвидируют то место, откуда она доносилась. А что предлагается взамен? А взамен предлагается считать нормой противоречие между коллективным характером труда и частным присвоением результатов этого труда. Выдавать желаемое «счастье жить в капитализме» за действительное, принуждая к дежурной лжи всех своих граждан, что «жить стало лучше, что жить стало веселей» [5].

Завтра. Что станет причиной консолидации научной элиты, чтобы защитить себя от ликвидации при реформации? Сумеют ли академики овладеть способами объединения, которыми овладел когда-то промышленный пролетариат? В конце XIX в. К. Маркс ухватился за пролетариат, и тот овладел марксизмом [6]. После чего в октябре 1917 г. победил в отдельно взятой стране – России, слабом звене стран европейского капитализма, на последней его стадии загнивания, империализме. Сумеет ли сегодня РАН овладеть пролетарским марксизмом и повторить то, что сумели сделать пролетарии, рабочие и крестьяне, в начале прошлого века? Сумеет ли сегодня РАН овладеть навыками пролетарского марксизма, чтобы защитить себя от ликвидации? Пока они пробуют известные в обществе технологии и формы общественных протестов, а именно – выход некоторых академиков из числа членов РАН и невхождение в новый состав РАН, организацию манифестаций и шествий [5].

И снова задаются вопросы: «Сумеют ли академики воспользоваться революционной ситуацией или проглотят ликвидацию себя? Почему тысячу академиков не поддерживают государственные структуры, отвечающие за науку? Можно ли реформировать: власть через власть, государство через государство, РАН через РАН? Через что пойдет реформа науки и чем закончится? Помогут ли в таком деле многочисленные социальные сети?»

Социум управлялся вечно молодыми вождями. Во главу угла всегда ставили молодежь. Молодежь – основа реформации. Какая сегодня связь у молодежи с академиками? С сегодняшним днем? С вызовами современности? Академикам необходимо «тряхнуть стариной» и предложить стране общее дело, для этого подойдет идея обоснования необходимости Второй индустриализации – со-

зидательная и коллективная деятельность общества, при которой есть реальный путь политической эволюции и революции сознания, в том числе и академиков. Предлагаемое рассуждение о расстановке социальных сил и реальных акторов в настоящей зарисовке делается мной впервые.

Случится или нет ненасильственная форма объединения расколотого сообщества, время покажет. А может, академикам уйти в подполье и начать все сначала [5]?

Британский лорд Джейкоб Ротшильд в марте 2015 г. обрисовал глобальные перспективы следующим образом.

Первый вариант: полномасштабная мировая «война оружия», по схеме преодоления депрессии через мировую войну.

Второй вариант: переход в новый валютный мир. Лондон, как мировой финансовый центр Ротшильдов, работает на интернационализацию китайского юаня.

Третий вариант: путь медленных мучительных реформ с постановкой ресурсов Евразии на удовлетворение снобистских интересов старо-европейской аристократии в Европе от Лиссабона до Владивостока (Ватикан с ними). Текущий кон разыгрывается козырными картами запрещенного в РФ «Исламского государства» / ДАИШ [1].

На этом фоне, согласно Федеральному закону № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях», структуры, созданные для достижения социальных, благотворительных, культурных, образовательных, научных и управленческих целей, в целях охраны здоровья граждан, развития физической культуры и спорта, удовлетворения духовных и иных нематериальных потребностей граждан, защиты прав, законных интересов граждан и организаций, разрешения споров и конфликтов, оказания юридической помощи, а также в иных целях, направленных на достижение общественных благ», вряд ли справятся с задачами выхода стран СНГ и народов России из мирового кризиса индустриального общества.

Ныне действующая «администрация», естественно, неотъемлемая часть родины, в настоящее время, когда развитие общества вступило в очередную критическую фазу, должна как от ученых, так и от третьего сектора как консолидированной группы лиц (например, научное сообщество и НКО), стержнем которого является как поли-

тическое, правовое, так и нравственное образование и воспитание, потребовать свежих мыслей и идей, новых подходов к решению глобальных проблем.

Библиографический список

1. *Девятков А.* Brexit – часть Большой Игры. URL: <http://www.tpp-inform.ru/comments/35491/> (дата обращения: 12.05.2017).
2. *Дондурей Д.* Смысловая матрица России // Вестник. 2016. 1 июня.
3. *Козлова М.* Эволюция: универсальный подход. М., 2012.
4. *Кретов С.И.* Политическая экономия будущего. М., 2016.
5. *Луговских А.* Свежий анализ ситуации в РАН. URL: http://www.za-nauku.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=7666 (дата обращения: 12.05.2017).
6. *Маркс К.* К критике политической экономии // URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/1029814/Karl_-_K_kritike_politicheskoy_ekonomii.html (дата обращения: 12.05.2017).
7. *Симчера В.М.* Славянский мир: мифотворчество и реальность за 1500 лет // Развитие и экономика. М., 2016.
8. Философский энциклопедический словарь. М., 1983.
9. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 12.05.2017).

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ АЛЬТЕРНАТИВНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ ИСТОРИИ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ИСТОРИИ В СПО

Владимир Михайлович Мишин

Московский государственный образовательный комплекс

Аннотация. Метод альтернативного моделирования исторического процесса (исторического ретропрогнозирования) предполагает возможность сослагательного наклонения в исторической науке и поэтому оценивается как новое слово в историографии отечественной истории и во «всемирной» философии истории. Автор размышляет над возможностью применения данного метода на уроках истории в старших классах.

Ключевые слова: альтернативное моделирование истории, историческое ретропрогнозирование.

Альтернативное моделирование истории – направление философской и исторической мысли, предполагающее рассмотрение вероятных, но не осуществившихся в силу ряда причин путей развития общества. В ходе подобной работы, которую уже традиционно принято называть ретропрогнозированием, в распоряжении исследователя (а в его роли, в той или иной степени, оказывается всякий, кто попытается ответить на вопрос «что было бы, если бы...») находится целый ряд абсолютно реальных исторических факторов. Эти факторы уже предопределили в прошлом реализованный на практике ход событий. Теперь им предстоит сыграть совершенно иную роль. В руках ретропрогнозиста те силы, которые выступали против описанного в школьных учебниках развития событий, приобретают решающую, подлинно судьбоносную силу. Все, что нам нужно сделать – это ряд допущений. Так, оказавшиеся на обочине истории политики превращаются в настоящих лидеров, выигрываются проигранные войны, реформы дают блестящие результаты, пули убийц пролетают мимо цели и т.д.

Напротив, в ходе альтернативного моделирования истории максимально нивелируется влияние тех сил, которые сыграли решающую роль на самом деле – успешные в реальности политики проигрывают выборы, полководцы избегают роковых ошибок, экономические системы меняют вектор своего развития.

Основоположителем ретропрогнозирования принято считать Арнольда Тойнби. В своей небольшой статье «Если бы Александр не умер тогда» [4] он рисует потрясающую в своей смелости и реальности картину мира, который возник бы при единственном условии – если бы Александр Македонский не умер в 323 г. до н.э., а дожил до глубокой старости.

Возникает закономерный вопрос – а насколько вообще допустимо подобное моделирование. На уровне аксиомы в историческом сознании десятилетиями утверждалось «Сослагательное наклонение в истории неуместно». Любые попытки выяснить, «что было бы, если бы...» неизбежно признавались квазиисторией и обречены были оставаться не более чем фантазиями, недостойными специалистов. Сейчас отношение к «альтернативной истории» меняется. Одним из главных аргументов сторонников ретропрогнозирования является то, что этот метод уже давно признан в естественных науках, а возможность проведения аналогий между историей общества и «историей природы» очевидна [2, с. 67].

Разумеется, история человечества не может рассматриваться механистически, с тех же позиций, что и процессы в естественных науках. Однако, с точки зрения синергетики, общество – это такая же система, как и любая другая. Пока система устойчива, никаких альтернативных вариантов развития нет и быть не может. «При снижении системной устойчивости наступает фаза бифуркации (точнее – полифуркации), то есть дальнейшие события могут развиваться по принципиально разным сценариям в направлении к одному из относительно устойчивых состояний – аттракторов. ...Но в фазе полифуркации с системой может произойти не все, что угодно. Число аттракторов всегда конечно. Оно варьируется между двумя крайними сценариями: катастрофическим разрушением и переходом к более высокому уровню «устойчивого неравновесия». Именно тот факт, что число возможных сценариев в каждом случае не бесконечно, способен обеспечить «ретроспективное прогнозирование» [2, с. 68].

Что дает историкам ретропрогнозирование? Ответ очевиден. Попытка альтернативного моделирования позволяет более пристально и глубоко проанализировать причины происходящих процессов, проранжировать их по степени важности.

Другой аспект – это моральная оценка произошедшего. Например, выяснив, благодаря «если-бы-истории», что позитивных альтер-

натив мероприятиям того или иного деятеля просто не существовало, мы неизбежно перестанем оценивать его действия резко негативно. И, наоборот, позитивная оценка многих событий становится заметно менее категоричной, если станут очевидными более благоприятные для общества, но нереализованные, альтернативы развития.

Еще одно преимущество, которое дает нам альтернативное моделирование – более глубокое понимание общих тенденций и некоторых закономерностей развития общества. Таких, например, как постоянное ускорение исторического развития и непрерывное усложнение общества как системы.

В контексте курса истории в СПО метод альтернативного исторического моделирования позволяет эффективно решать задачи, стоящие перед средним профессиональным образованием в соответствии с ФГОС.

Использование метода альтернативного моделирования истории на занятиях в полной мере позволяет решать задачи достижения метапредметных, предметных и личностных результатов.

В процессе применения элементов ретропрогнозирования на занятиях можно выделить два аспекта – содержательный и методический. Содержательный элемент проявляется прежде всего в выборе учебных тем, открывающих простор для альтернативного моделирования. Как уже было сказано, альтернативное моделирование истории возможно не всегда, а только в отношении тех ситуаций, в ходе которых происходило столкновение разнонаправленных сил-носителей собственных путей развития. В такие моменты делался выбор дальнейшего пути развития общества. Решалась его судьба на многие десятилетия и даже столетия.

Одной из ключевых тем, дающих практически неограниченный простор для ретропрогнозирования на со студентами, является Февральская революция 1917 г., поставившая Россию перед выбором пути дальнейшего развития.

Теперь о методическом (вернее даже методологическом) аспекте альтернативного моделирования истории.

Главным методом исследователя здесь должна стать аналогия. Действительно, поскольку схожие события повторяются в разные эпохи и у разных народов, то мы с учениками вполне можем построить нашу модель путем сравнения ее с подобным сценарием развития событий, реализовавшемся в действительности. Так, при рекон-

струкции альтернативных вариантов развития России после Февраля 1917 г., мы вполне можем провести аналогию с синхронными и подобными по характеру событиями в Германии и Австро-Венгрии. При этом, разумеется, обучающиеся должны понимать, что прямые и абсолютные аналогии в истории недопустимы.

Еще один метод альтернативного моделирования – экстраполяция. В данном случае ее нужно понимать как перенос существовавших в обществе отдельных тенденций на моделируемый сценарий в целом. Например, в период, предшествующий Первой мировой войне, существовали устойчивые тенденции к росту количества середняков и повышению урожайности. Соответственно, эти тенденции можно экстраполировать на всю альтернативную модель, предположив, что если бы Российская империя не погибла в 1917 г., сельское хозяйство страны характеризовалось бы постоянно растущими объемами производства и ростом уровня жизни крестьян.

Какие факторы рекомендуется учитывать обучающимся при рассмотрении альтернативных вариантов развития общества?

1. Человеческий фактор, роль которого в истории трудно переоценить. Любая попытка детерминировать события прошлого только влиянием социально-экономических условий изначально обречена на провал. По утверждению Л.Е. Гринина, современная наука в целом отвергает идею предопределенности исторических событий. «А раз исторические события не являются предопределенными, то и будущее имеет множество альтернатив и способно измениться в результате деятельности различных групп и их лидеров, оно также зависит от действий самых разных людей. Следовательно, проблема роли личности в истории для каждого поколения всегда актуальна» [1, с. 176].
2. Выбор между революцией или реформой. Наличие этих двух основных путей развития должно учитываться при создании альтернативных моделей развития. Так отмене крепостного права мы можем предложить альтернативу – крестьянскую революцию. Революции 1917 г. – альтернативу – дальнейшее ограничение императорской власти и аграрные преобразования, проведенные «сверху». При этом студенты должны осознавать, что «в общеформационном плане восторжествовала либераль-

но-реформистская альтернатива, именно она стала генеральной линией развития послевоенного капитализма» [1, с. 15].

3. Проблема соответствия, в том числе и морально-нравственного, целей и средств. Говоря о социально-экономическом развития СССР в 1930-е гг., многие склонны настаивать на отсутствии альтернатив формам и методам сталинской модернизации, обеспечившим экономическую подготовку нашей страны к Великой Отечественной войне. Однако обучающиеся должны помнить о страшной цене, заплаченной за экономические успехи страны и учитывать этот момент при разработке альтернативной модели. Кстати, при этом вновь на передний план выходит значение личности человека в истории, поскольку только человек способен выбирать средства для достижения цели, которую так же только он и может поставить.

Таким образом, применение элементов альтернативного моделирования истории на занятиях не просто оправданно, но и может быть признано необходимым.

Библиографический список

1. *Гринин Л.Е.* Роль личности в истории: история и теория вопроса // *Философия и общество*. 2011. № 4 (64).
2. *Губбьева З.О.* Альтернативное моделирование и современная теория исторического процесса // *Вестник АГТУ*. 2005. № 2.
3. *Могильницкий Б.Г.* Историческая альтернативность: методологический аспект // *Новая и новейшая история*. 1990. № 3.
4. *Тойнби А.* Если бы Александр не умер тогда... // *Знание – сила*. 1979. № 2.

РОЛЬ ГЕРОИЧЕСКОГО ПОСТУПКА СОТРУДНИКА ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В ФОРМИРОВАНИИ ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО ИМИДЖА ПОЛИЦИИ РОССИИ

Евгения Владимировна Пенионжек
кандидат философских наук, доцент
Уральский юридический институт МВД России
(г. Санкт-Петербург)

Анна Валерьевна Сыропятова
Уральский юридический институт МВД России
(г. Санкт-Петербург)

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы роли личности в 1990-е гг. – переломную эпоху российской истории. Приведен пример мужественных действий сотрудника органов внутренних дел Героя России Федора Кузьмина. Изложены представления о формировании положительного имиджа полиции России на основании освещения примеров героических поступков.

Ключевые слова: личность, историческое событие, органы внутренних дел, полиция России, героизм, положительный имидж.

Историческое бытие России всегда показывает роль личности в трансформации исторического процесса. Развитие российского общества детерминировано множеством объективных и субъективных факторов, где роль личностного потенциала, несомненно, осмысливается в соответствии со значимостью исторического поворота. Однако проследить роль движущей силы истории удастся на материале исторических событий, где, в свою очередь, не всегда значим вклад личности и духовные блага, опосредованные деятельностью конкретного человека. История недавнего времени показывает сегодня, насколько важны переломные вехи 1990-х гг. в судьбе России. Достояние настоящего времени в виде реализации конституционных принципов прав и свобод человека достигается благодаря доле участия граждан в развитии российского общества. Трудное историческое время демонстрирует нам сегодня примеры героизма как личностного участия сотрудников органов внутренних дел в исторических обстоятельствах изменения нашего государства.

Особые условия оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел сопровождают экстремальные ситуации. Это обстановка, которая вызывает у человека большие трудности, обязывает его к полному, крайнему, предельному напряжению сил и возможностей, чтобы справиться с ними и решить стоящую задачу. «В работе сотрудников органов внутренних дел трудности могут носить объективный и субъективный (психологический) характер» [1, с. 82]. Объективные трудности характеризуются сложностью самих правоохранительных ситуаций, противодействия преступности, укрепления законности, обеспечения правопорядка при чрезвычайных ситуациях [3]. Субъективные трудности обусловлены индивидуальными особенностями сотрудников и недостатками их подготовленности. В период исторических изменений нашего государства практически все сотрудники органов внутренних дел систематически оказывались в экстремальных ситуациях. Беседа, опрашивание лиц, проведение допроса, проверка документов, предупреждение, требование, обвинение могли трансформироваться в экстремальную ситуацию, которая требовала от сотрудника концентрации, самообладания, воли, умения выходить достойно из сложного положения [2]. Множество поручений, наличие сроков для осуществления процессуальных аспектов, ненормированный рабочий день, полученные неприятные сообщения о событиях в экономике страны, темпы инфляции превращали работу сотрудников в экстремальную деятельность. История демонстрирует нам в том числе и растерянных, нерешительных, запуганных организованной преступностью сотрудников.

В 1990-е гг. можно было наблюдать ухудшение оценки оперативной обстановки сотрудниками, их сообразительности, находчивости, наблюдательности, скорости реакций, ослабление самоконтроля и самоуправления – поэтому граждане зачастую обсуждали ошибки правоохранительных органов в охране общественного порядка, видели просчеты правоприменительной деятельности. В служебных коллективах возникали нездоровые и пессимистические настроения, слухи, настроения недовольства, отрицательные мнения, ослабление дисциплины, нарушения уставных и служебных норм поведения, конфликты во взаимоотношениях. Сегодня очень важно раскрыть иной пласт участия сотрудников органов внутренних дел

в деле противодействия преступности на основании личностных качеств сотрудников, чьи силы мобилизовались в обострении чувства долга, в ответственности и решимости при осуществлении действий. Именно внутренний подъем, энергичность и активность, настойчивость и упорство, деятельностный максимализм, повышенная бдительность, внимательность, наблюдательность, готовность к быстрым реакциям, смелость, устойчивость к временным неудачам конкретных сотрудников органов внутренних дел способствовали развитию общества и государства. И сегодня важно вести «исторический розыск» данных об этих людях, разяснять их – пусть и небольшую – роль в становлении демократического государства.

Примером решительных действий сотрудника органов внутренних дел в борьбе с преступностью, охваченной сепаратистскими настроениями, являются действия Федора Васильевича Кузьмина, оперуполномоченного Управления по борьбе с организованной преступностью при УВД Пермской области, младшего лейтенанта милиции. Он родился в 1970 г. в Карагандинской области, в г. Сарань, в Казахстане. Выходец из семьи рабочих, после школы-восьмилетки он поступил в техническое училище № 7 г. Шахтинска. По окончании срочной службы в армии вернулся в родной город, устроился работать на шахту. В октябре 1992 г. Ф.В. Кузьмин был принят на службу милиционером в Отряд милиции особого назначения г. Перми, сначала замещал должность инструктора по боевой и физической подготовке, затем был назначен на должность оперуполномоченного. Федор Кузьмин неоднократно находился в служебных командировках в северокавказском регионе, принимал участие в погашении осетино-ингушского конфликта и в пресечении бандитизма в республике Чечня.

6 марта 1996 г. два экипажа бронетехники с десантом Специального отряда быстрого реагирования при выполнении команды руководства выехали к месту дислокации. В 8 час. 15 мин. в районе площади «Минутка» г. Грозный боевики с подготовленных позиций в многоэтажных тогда еще домах по пр. Ленина открыли по экипажам «кинжальный» огонь из всех видов оружия, используя даже противотанковые и подствольные гранатометы. Выстрелом из гранатомета бронетранспортер был поврежден, сотрудники десантировались, заняли круговую оборону и вступили в ожесточенный бой с бандитами, технические силы которых существенно превосходили ресурсы экипажей.

Федор Кузьмин, выполняя обязанности оператора-наводчика, получил ранение, но покинуть машину отказался, продолжив атаку огнем башенных пулеметов. Раненый, он хладнокровно уничтожал точки огня боевиков, наносил им потери, но тем самым, он привлекал их внимание и вызывал огонь на себя. Благодаря его самоотверженным действиям десант бронетранспортера отошел в подвал жилого дома, милиционеры смогли забрать раненых товарищей, семь сотрудников заняли оборону и продолжили ведение боя. Бандиты сосредоточили ведение огня на бронетранспортере, откуда продолжал стрелять Федор Кузьмин. В результате неоднократных попаданий из гранатометов машина загорелась, но Федор Кузьмин не оставил свой боевой пост, продолжал из горящей машины вести огонь до тех пор, пока не сгорел заживо вместе с машиной – до конца выполнив свой служебный долг.

За проявленный героизм, самоотверженность, высокое боевое мастерство, самопожертвование во имя спасения боевых товарищей, оперуполномоченный оперативно-боевого отделения специального отдела быстрого реагирования Управления по организованной преступности при УВД Пермской области Кузьмин Федор Васильевич удостоен звания «Герой России» (посмертно).

Действия Федора Кузьмина являются ярким примером поведения человека, достойного упоминания в истории переломных эпох жизни российского общества. Герой Российской Федерации – Федор Кузьмин по праву заслуживает большого уважения. В памяти соотечественников, в сердцах граждан и сегодня такие героические поступки не меркнут, не расплываются в отдаленности исторической перспективы. Имя Ф. В. Кузьмина было присвоено Лицею милиции Главного управления внутренних дел Пермского края, расположенного в д. Гамы Пермского района. С 2013 г. Пермский кадетский корпус Приволжского федерального округа носит имя Героя России Федора Кузьмина, где на территории организации установлен памятник, чествующий его мужественные и решительные действия [4].

Все исторические составляющие упоминания героических поступков сотрудников органов внутренних дел характеризуют имидж современной полиции России. Преобразования последних лет порождают необходимость формирования нового образа социального поведения сотрудников органов внутренних дел, позитивного имиджа полицейских. Социальные ожидания различных социальных групп

вкуче с составляющими их исторической памяти зачастую мешают гражданам адекватно воспринимать работу полиции, о которой в ее полноте они не имеют представления. Сегодня имидж полицейского необходимо формировать на основании освещения примеров героизма сотрудников органов внутренних дел, благородных поступков, мужественных и решительных действий как значимых ценностей, одобряемых обществом. Положительный имидж сотрудника полиции характеризует степень доверия гражданского населения солдату правопорядка, конструирует взаимодействие с представителем правоохранительных органов и влияет на результаты оперативно-служебной деятельности полиции, а это, в свою очередь, является важной составляющей стабильности российского государства.

Библиографический список

1. *Пенионжек Е.В.* Педагогические основы воспитательной работы в органах внутренних дел: учебное пособие. Екатеринбург, 2016.
2. *Сафронова Л.В.* Педагогика в деятельности сотрудников ОВД: практикум. Уфа, 2013.
3. *Темняков Д.А.* Педагогика в повседневной деятельности сотрудников органов внутренних дел, профилактика возможной опасности и безопасности сотрудников. Руза, 2013.
4. URL: <http://www-geroy-rossii-f-kuzmin.simdif.com/> (дата обращения 16.07.2017).

МОСКОВСКИЕ ЖАНДАРМЫ В 1917 Г.

Алексей Юрьевич Шаламов

Московский финансово-юридический университет МФЮА

Аннотация. В статье рассказывается о реагировании начальников московских жандармских учреждений на начало Февральской революции 1917 г. Делается вывод о том, что жандармские органы находились в глубоком кризисе и были не способны на эффективные действия.

Ключевые слова: Февральская революция 1917 г., Московское губернское жандармское управление, Московский жандармский дивизион.

Во время революционных кризисов резко возрастает значение деятельности правоохранительных органов, особенно – органов государственной безопасности. В Российской империи в начале XX в. выполнение функций по обеспечению государственной безопасности лежало в первую очередь на учреждениях Отдельного корпуса жандармов (ОКЖ).

Во всех регионах страны располагались губернские жандармские управления (ГЖУ). Кроме того, существовали специализированные оперативно-розыскные органы – охранные отделения и розыскные пункты. А еще были жандармские органы на транспорте – жандармско-полицейские управления железных дорог (ЖПУЖД). В важнейших стратегических пунктах имелись строевые воинские формирования корпуса – жандармские команды. В столичных городах империи – Петербурге (Петрограде), Москве и Варшаве – находились крупные воинские части – жандармские конные дивизионы.

Но деятельность органов государственной безопасности в переломные эпохи далеко не всегда бывает эффективной. Их состояние, как и состояние всего государственного аппарата, напрямую зависит от состояния общества. Если общество не готово противостоять революционному кризису, то не готовыми к этому оказываются и спецслужбы.

Во время первой российской революции жандармские учреждения в Москве действовали активно и результативно. Московский жандармский дивизион (МЖД) стал одной из главных ударных сил, подавивших в городе Декабрьское вооруженное восстание 1905 г. Жандармские органы вскрыли и ликвидировали несколько крупных революционных организаций в Москве, подавили здесь волну терроризма.

Но вот пришел следующий революционный кризис – Февральская революция 1917 г. В Москве революционеры вновь предприняли вооруженные выступления против государственной власти. Но в этот раз практическая деятельность жандармских органов выглядела совсем иначе.

Похоже, что российские жандармы «проворонили» приближение Февральской революции. В начале 1917 г. скорого наступления радикальных перемен в жизни страны не ожидали ни штаб ОКЖ, ни Московское губернское жандармское управление, ни командование МЖД.

Жандармы вели уже привычную жизнь и несли привычную службу военного времени в тыловых условиях. Они уходили в отпуска, беспокоились о получении обмундирования, которое уже не успеют износить, писали представления к наградам, которые уже не успеют получить.

А ведь приметы надвигающихся испытаний появились даже в окружающей повседневности. В январе 1917 г. в Москве начались проблемы с обеспечением продовольствием. Найти продукты питания в свободной продаже по приемлемым ценам стало невозможно.

Нижние чины губернского жандармского управления, получавшие сравнительно небольшое денежное содержание, вообще не могли нигде приобрести хлеба. Единственным способом спасти их семьи от голода оказалось «прикрепление» к хлебопекарне МЖД. Начальник управления генерал-майор Савицкий выпрашивал каждый пуд муки и каждый фунт сахара для своих подчиненных через Продовольственный отдел Московского градоначальства и заведующего карточной системой в г. Москве.

У командира МЖД были и другие текущие проблемы. В дивизионе не хватало 15 строевых лошадей. Раньше в начале каждого года Терпелевский лично отправлялся для покупки «ремонтных» лошадей. Но в 1917 г. он этого сделать не мог, как и другие командиры жандармских дивизионов. Цены выросли так, что на отпускаемые деньги приобрести лошадей было невозможно.

Штаб ОКЖ отказался увеличить официально разрешенные «ремонтные цены». Вместо этого было объявлено следующее решение: «Если командиры дивизионов не в состоянии производить приобретение ремонта на таких же условиях, как и в минувшем году,

то выбраковку лошадей следует сократить до последней степени, ограничившись удалением лишь безусловно непригодных к службе лошадей» [1, ф. 58, оп. 14, д. 74, л. 10].

Два с половиной года войны МЖД использовали как резерв офицерских кадров. Из него переводили офицеров в другие части. Зато в сам дивизион за это время не перевели и не прикомандировали ни одного офицера. К концу 1916г. часть была укомплектована офицерами на 2/3. Вместо 25 офицеров в ней числилось 16, но двое из них были в командировках.

Лишь в декабре 1916г. к МЖД первый и последний раз за военное время прикомандировали нового офицера. Это был поручик Малама из 7-го уланского Новомиргородского полка.

30 января 1917 г. дивизион потерял еще одного офицера. Поручик Михайлов перевелся в московскую полицию. Командир части тут же ходатайствовал о зачислении поручика Малама в штат МЖД, хотя 6-месячный срок прикомандирования еще был далек от завершения. 17 февраля штаб ОКЖ согласился на это нарушение правил. Так состоялось последнее пополнение дивизиона. Вероятно, вскоре поручик пожалел о своем переходе из армейцев в жандармы.

Полковник Терпелевский затребовал для пополнения своей части 120 новобранцев следующего призыва, но это пополнение в дивизион так и не прибыло.

В начале февраля Терпелевский подписал последнее представление к награждению. Штабс-ротмистр Раевский был представлен к ордену св. Владимира 4-й степени. Получить эту награду Раевский, видимо, уже не успел.

3 февраля в МЖД неожиданно вернулись 11 нижних чинов из числа назначенных в декабре прошлого года на Западный фронт. Их отправил по прежнему месту службы командир 2-го полевого жандармского эскадрона «как непригодных и несоответствующих по своим дурным нравственным и служебным качествам для несения службы полевого жандарма» [1, ф. 58, оп. 14, д. 74, л. 8].

Терпелевский был этим возмущен. Он заявил, что все эти люди в дивизионе зарекомендовали себя дисциплинированными бойцами. Вероятно, в начале 1917г. в войсках уже шло разложение дисциплины, и жандармы «подцепили заразу» там. Командир МЖД посчитал, что если уж эти солдаты оказались не способными служить

в жандармском эскадроне, то фронтовое начальство должно было распределить их в другую подходящую часть. Он отправил своих бывших подчиненных снова на Западный фронт.

9 февраля штаб ОКЖ приказал откомандировать в местную автомобильную роту двух нижних чинов МЖД «для ознакомления с устройством автомобилей и обучения управлению ими». Шоферы были нужны «для езды на моторе командира корпуса».

23 числа двое солдат отправились во 2-ю запасную автомобильную роту. Но кататься с этими шоферами командиру ОКЖ уже не пришлось. В тот же день в Петрограде началась Февральская революция.

28 февраля волнения стали происходить и в Москве. 1 марта революционные отряды рабочих и солдат заняли Кремль, арсенал, государственный банк, вокзалы и мосты. Градоначальник и губернатор были арестованы.

В ночь со 2 на 3 марта император Николай II отрекся от престола. Был сформирован новый орган верховной власти – Временное правительство.

Удивительно, но жандармы, основные охранители государственной власти, фактически никак не отреагировали на происходившие события. 21 февраля начальник МГЖУ генерал-майор Савицкий ушел в краткосрочный отпуск. 26 числа он вернулся на службу, и в тот же день в отпуск на неделю отправился командир МЖД полковник Терпелевский. В решающий момент революции старшие московские жандармские начальники оставили свои части. Отпуска эти были разрешены штабом ОКЖ. Очевидно, и там не усматривали необходимости держать в это время жандармов в полной боевой готовности.

Возможно, такое было сделано умышленно, так как жандармское начальство не определилось, какую позицию занять и что предпринимать.

Решение было принято 4 марта. В тот день генерал-майор Савицкий издал приказ по МГЖУ [1, ф. 58, оп. 14, д. 71а, л. 32–33 об]. Он в таких выражениях приветствовал победу революции, будто сам был в числе ее основных организаторов и руководителей. Генерал писал: «Единою волею народа и российской армии старый государственный строй России низвергнут. Возврата к прошлому нет,

не должно и не может быть». Жандармский начальник говорил о «возрожденной России». Создается впечатление, что, по его мнению, императорская власть губила страну. Зачем же тогда он охранял эту власть столь ревностно, что достиг высших чинов и должностей? А если генерал вдруг прозрел в один день, то почему же он в знак раскаяния не подал в отставку?

Нет, Савицкий не раскаялся. Он явно хотел добиться доверия новых властителей и остаться у них на службе на высоких постах. Он предписывает «всем воинским чинам вверенного мне Управления, не подвергнувшимся аресту, оставаться на своих местах, повиноваться новому Правительству и беспрекословно исполнять все, исходящие от него распоряжения».

Чтобы доказать свою лояльность, Савицкий приказывает подчиненным ему жандармским офицерам в уездах Московской губернии отобрать у нижних чинов огнестрельное и холодное оружие, не дожидаясь решений «местной новой гражданской власти». Оружие и боеприпасы надлежало сдать в городские управы, а расписки в их получении отправить ему как начальнику МГЖУ.

Генерала не смущало, что он ставит под угрозу жизни своих подчиненных и их семей. Ведь жандармские унтер-офицеры на местах по своей прежней службе нередко участвовали в задержаниях и политических, и наиболее опасных вооруженных уголовных преступников. И теперь, при временном ослаблении власти и правопорядка, они могли подвергнуться нападениям из мест.

Далее генерал объявляет: «Всякая деятельность чинов корпуса по предупреждению, пресечению и по исследованию государственных преступлений, с изменением государственного строя, прекращается окончательно и навсегда». При этом вся документация должна была быть опечатана и сохранена «до распоряжения новых правительственных властей». А ведь в жандармских делах по расследованию политических преступлений содержались указания на лиц, содействовавших в этом. В том числе на тайных осведомителей. Теперь все они оказывались под ударом.

С точки зрения офицерской чести и обычной порядочности все такие документы должны были немедленно подвергнуться уничтожению. Но чтобы заслужить благосклонность новой власти, их нужно было сохранить и передать ей.

Все это Савицкому не помогло. Новым правителям жандармы оказались не нужны. Министерство внутренних дел упразднило корпус жандармов. Всех жандармов надлежало зачислить в распоряжение местных воинских начальников для направления в армейские части.

Последний приказ по МГЖУ был отдан 25 апреля 1917 г. В нем говорилось о том, куда передать оставшиеся в управлении вещи и денежные суммы [1, ф. 58, оп. 14, д. 71а, л. 42, 45].

МЖД просуществовал немного дольше. Нужно было закончить хозяйственные дела и финансовые расчеты. Последняя запись в документации дивизиона сделана 14 мая 1917 г. Она сообщала, что никаких денежных сумм на счету части больше не состоит [1, ф. 1730, оп. 1, д. 12, л. 53].

В начале 1917 г. МЖД представлял собой образцовую кадровую воинскую часть, неплохо укомплектованную, отлично обученную и дисциплинированную, снабженную необходимым оружием и снаряжением.

В условиях уже идущего развала армии сохранение такой части было особенно важно. Но новому правительству была нужна поддержка радикально настроенных народных масс. Поэтому от всего, носившего страшные названия «жандармский» или «полицейский», нужно было избавиться.

Эти события показывают, что в 1917 г. не только подавляющая часть российского общества встала на сторону революционеров, но и служащие государственного аппарата не были готовы защищать прежнюю власть. Даже жандармские начальники, то есть руководители службы государственной безопасности, не предприняли ничего для борьбы с революционным движением.

Библиографический список

1. Государственный архив Российской Федерации.

Научное издание

ОБЩЕСТВО И ЛИЧНОСТЬ НА ПЕРЕЛОМЕ ЭПОХ

*Материалы
Всероссийской научно-практической конференции
(г. Москва, 25 февраля 2017 г.)*

*Для оформления обложки использована открытка «Слава Великому Октябрю»
Источник: <http://nevsepic.com.ua/nostalgija/16381-otkrytki-s-prazdnikom-velikogo-oktyabrya-26-rabot.html> (дата обращения: 17.10.2017)*

Редактор – *Н.В. Бессарабова*
Компьютерная вёрстка *Н.В. Бессарабовой*

Подписано к изданию 20.10.2017. Формат 60х90^{1/16}.
Гарнитура Times New Roman Суг. Усл.-печ. л. 11,25. Зак. № 21/17.

117447, Москва, ул. Б. Черёмушкинская, д. 17 А